

ОБЩЕКАРПАТСКИЙ
ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ

АТЛАС

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИИНЦА» КИШИНЕВ • 1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
Институт славяноведения
и балканистики

АКАДЕМИЯ НАУК МССР
ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
Институт языка
и литературы

ОБЩЕКАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС

■ Лингвистические
и этнографические
аспекты ■

Тематический сборник "Общекарпатский диалектологический атлас. Лингвистические и этнографические аспекты" посвящен актуальным проблемам интерференции генетически родственных и неродственных языков карпато-балканского ареала, принципам построения программы-вопросника "Общекарпатского диалектологического атласа", методам и приемам проведения анкет и подготовки лексико-семантических карт, вопросам составления многонационального диалектологического атласа и др.

Все проблемы рассматриваются на конкретном материале восточно-, западно- и южнославянских, восточнороманских, венгерского, албанского и других языков.

Сборник рассчитан на филологов, этнографов, историков, преподавателей и студентов.

Р е д к о л л е г и я

С.Б.Берштейн, Г.П.Клепикова, Р.Я.Удлер

© Издательство "Итмина", 1976 г.

70105 - 136

0

М755(12) - 76

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике "Общекарпатский диалектологический атлас. Лингвистические и этнографические аспекты" публикуются статьи, посвященные общим и частным проблемам карпатистики, интерференции языков и диалектов, а также некоторым вопросам контактов в области материальной и духовной культуры народов карпатского ареала. В настоящее время активно развиваются многие стороны общей и частной карпатистики, в том числе и карпатское языкознание, проблемы которого решаются различными методами и приемами. На современном этапе создание "Общекарпатского диалектологического атласа" является неотложной задачей. В этой работе принимают участие большой коллектив диалектологов Москвы, Украины, Молдавии, а также диалектологи Чехословакии, Польши, Болгарии и ГДР. Исследования в области карпатского языкознания идут в тесном контакте с этнографами, историками, специалистами в области топонимики и антропонимики.

Все статьи в сборнике распределяются по четырем разделам. В первом публикуются статьи, трактующие общетеоретические вопросы карпатского языкознания и актуальные задачи, стоящие перед этой научной дисциплиной. В статьях второго раздела обсуждается структура программы — вопросника будущего "Общекарпатского диалектологического атласа", в частности принципы отбора слов, установление иерархии значений и др. Третий раздел посвящен специальным исследованиям славяно-молдавских языковых и этнографических контактов, определению ареалов различных лексико-семантических явлений и т. д. В конце сборника помещены библиография

трудов по языковедческой карпатской проблематике, изданных словацкими учеными, молдавский индекс ОУДА и решение III Международной конференции по "Общекарпатскому диалектологическому атласу" (Кишинев, 21-23 апреля 1975 г.).

Оборник содержит статьи советских и зарубежных ученых, работающих в области карпатистики.

С.Б.Бернштейн (Москва)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРПАТИСТИКИ

Уже давно этнографы проявляют большой интерес к карпатскому культурному комплексу. Население карпатской зоны, говорящее на различных языках и принадлежащее к различным этническим группам, имеет много общего в области хозяйства, орудий труда, жилища, одежды, кулинарии, украшений, керамики, изделий из дерева, средств передвижения, народных верований, фольклора, хореографии и т.д. Речь идет об особенностях, которые в какой-то степени противопоставляют этот регион Европы областям с населением тех же национальностей. Так, по многим чертам своего быта поляки-горали ближе к украинцам (гуцулам), нежели к полякам центральных и северных областей Польши. В послевоенный период было опубликовано много этнографических исследований и материалов, характеризующих карпатский культурный комплекс. Особенно много в этом направлении работают польские и словацкие этнографы. В настоящее время мы с полным основанием можем говорить об этнографии Карпат как о самостоятельном разделе этнографии Европы.

В 1959 г. по инициативе польских этнографов была организована Международная комиссия по изучению народной культуры Карпат (МККК), которая стимулирует и организует международные исследования, проводит симпозиумы и конференции, посвященные как общим, так и частным проблемам карпатской этнографии. Кроме МККК существуют и национальные комиссии, организационные центры исследований по карпатистике в отдельных странах. С 1972 г. в работе Советской комиссии на равных правах принимают участие и лингвисты, что является естественным следствием той работы в об-

ласти карпатского языкознания, которая развернулась в Москве и на Украине с 1961 г., после Первого Всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения.

Этническая история Карпат самым тесным образом связана с такими фундаментальными проблемами исторической науки, как этногенез славян, история формирования современных народов карпатского ареала и др.

Проблемы карпатистики в настоящее время выходят за пределы этнографии, истории и фольклористики. Так, в современной антропологии Европы получил четкую характеристику так наз. карпатский антропологический тип. Он формировался в течение весьма длительного времени. В его образовании принимали участие северофракийские (т.е. дакийские и гетские), иллирийские, кельтские, славянские, угрофинские и турецкие этнические элементы.

Все яснее и отчетливее вырисовываются лингвистические аспекты карпатистики. Изучение языков и диалектов карпатского ареала имеет длительную историю. Перечисление даже основных трудов заняло бы много времени. Однако все эти труды лишь подготовили почву для исследований языковой интерференции на территории Карпато-Дунайского бассейна. В данном случае речь идет не о влиянии одних языков на другие языки или диалекты, а о сложных процессах взаимопроникновения, в результате которого здесь сформировались многочисленные языковые тожества, характерные для данного региона Европы. Исследователь интерференции языков карпатского ареала имеет дело прежде всего с **ка р п а т и з м а м и**, т.е. с теми тожествами различного происхождения, которые в разной степени объединяют эти языки и противопоставляют их языкам и диалектам соседних территорий (севернее Карпатских гор и восточнее Днестра). Общие элементы (карпатизмы) — различного происхождения, они формировались в течение весьма длительного времени. Наиболее древние восходят к тем индоевропейским языкам, носители которых жили на данной территории до появления здесь славян и угров. Это были прежде всего даки, геты, затем кельты и некоторые другие индоевропейские племена. Необходимо в полной мере учитывать влияние латинского языка в его народной форме, так как среди карпатизмов велик процент слов латинского происхождения. Имеются карпатизмы и греческого происхождения. Древнейшие из них — результат непосредственного воздействия. Они проникли из языка населения греческих колоний Причерноморья. К более позднему периоду относится мощное славянское влияние, свя-

занное о карпатской миграцией славян первых веков н.э. Среди карпатизмов велик процент славянских слов. Они характеризуют как общий славянокий языковой фонд, так и типичные особенности южнославянских языков. Это объясняется тем, что основную роль в карпатской миграции славян играли те славянские племена, которые позже легли в основу южнославянских народов. К концу IX в. относится начало угрофинского влияния. В результате этого воздействия среди общих элементов карпатского ареала получили распространение слова венгерской речи. Однако роль венгров не ограничивается этим. Дело в том, что древнейшие карпатизмы тюркокого происхождения были принесены сюда венграми. Среди карпатизмов встречаются германизмы, но роль их сравнительно невелика. Однако языки и диалекты карпатского ареала характеризуются не только карпатизмами. Среди общих элементов можно выделить и так наз. б а л к а н и з м ы, т.е. те общие элементы, которые принесены в области к северу от Дуная беженцами от турецкого ига, болгарскими крестьянами, ремесленниками, купцами, а также балканскими пастухами славянского, албанского, романского и греческого происхождения. Их роль в формировании карпатских языковых тожеств чрезвычайно значительна. Таким образом, среди славянских, романских, греческих тожеств необходимо различать древние элементы (т.е. собственно к а р п а т и з м ы) и б а л к а н и з м ы. На первых порах подобное разграничение было весьма трудным делом. Нельзя сказать, что теперь эта проблема решается во всех случаях просто. И тем не менее удалось установить некоторые критерии, строгое применение которых дает возможность разграничить старый славянский слой от нового, принесенного сюда балканскими переселенцами. Это касается и других тожеств (романизмов, гречизмов, туркизмов). Если древние туркизмы практически являются унгаризмами, то новые (т.е. османизмы) в значительной своей части являются Юлгаризмами. Среди тожеств тюркокого происхождения можно обнаружить этимологически общие элементы, отражающие однако закономерности различных тюркоких языков (ор.болг. пашенот 'своик' и баджанак 'то же').

Далеко не все аспекты карпатского языкознания вырисовываются в настоящее время достаточно определенно и четко. Невозможно сейчас убедительно охарактеризовать фонетический аспект проблемы. Все известные до сих пор опыты нельзя признать удачными. В этом направлении предстоит еще большая работа, результаты которой теперь предсказать очень трудно. Яснее для нас граммати-

ческий аспект. Нет сомнений, что в области морфологии и синтаксиса имеются определенные тожества, объединяющие в какой-то степени языки карпатского ареала. Однако почти все эти черты повторяют хорошо известные балканизмы (краткие личные местоимения в функции притяжательных местоимений, аналитическая сравнительная степень прилагательных и наречий и др.). Пока базой карпатского языкознания являются лексика, семантика и словообразование. Именно в этих областях уже накоплен значительный материал, характеризующий своеобразие карпатской речи. За последние два десятилетия удалось выявить большие пласты лексики, семантика и словообразование которых четко обособляют карпатский регион. Здесь в первую очередь выделяется терминология высокогорного пастушества, молочного овцеводства. Однако богаты карпатизмами и другие сферы лексики, связанные с хозяйством, а также с духовной культурой. Исследования последних лет обнаружили глубокие семантические связи различных языков и диалектов карпатской зоны. В связи с этим лингвисты-карпатологи должны иметь глубокие познания в области этнографии Карпат, материальной и духовной культуры жителей этого района. Это отнюдь не значит, что лингвисты должны решать задачи, стоящие перед этнографами. Сами этнографы решат их лучше и на более высоком профессиональном уровне. Однако есть лингвистические проблемы, которые нельзя изучать без глубокого знания народного быта. Именно такие проблемы и стоят перед лингвистами-карпатологами.

Карпатский языковой ареал связан с языками, расположенными за его пределами, в частности с языками Балканского полуострова, и в первую очередь с южнославянскими языками. На это было обращено внимание еще в 30-е годы XX ст. рядом ученых. Позже это было подтверждено материалом "Карпатского диалектологического атласа", опубликованного Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Интересный материал по этому поводу был обнаружен известным болгарским лингвистом М. Младеновым и ученым из ГДР К. Гутшмидтом. Все это говорит о том, что решать проблемы карпатского языкознания можно только в тесном контакте со специалистами по истории южнославянских языков. В этой совместной работе заинтересованы и они, так как в языках карпатского ареала содержатся весьма ценные сведения для изучения истории болгарского, сербохорватского и словенского языков ранних периодов. Нам приходилось уже писать о взаимосвязях карпатского региона с некоторыми районами, расположенными далеко на севере от Карпат.

Речь идет о белорусских говорах Полесья, о кашубских говорах и некоторых других говорах севернославянских языков. Таким образом, изучение интерференции языков и диалектов карпатского ареала поможет осветить много важных и еще не выясненных явлений из языковой и этнической истории народов обширного района Восточной и Юго-Восточной Европы.

Карпатское языкознание имеет много проблем, которые должны решаться различными методами и приемами. Первоочередной задачей является создание "Общекарпатского диалектологического атласа" (ОКДА). В этой работе принимают участие коллективы диалектологов Москвы, Украины, Молдавии, а также диалектологи Чехословакии, Польши, Болгарии, ГДР. Выразили желание принять участие в этой работе ученые Югославии и Венгрии. Конечно, в выявлении карпатизмов и балканизмов определенную роль должны сыграть историко-этимологические исследования. Однако важнейшими в решении всего комплекса вопросов карпатского языкознания должны быть лингвогеографические исследования, так как только они покажут территорию распространения общих элементов, выявят изоглоссы не только на территории Карпат, но и за их пределами (прежде всего на Балканах). Уже сейчас высказываются смелые суждения о существовании карпатского языкового союза, о роли различных этнических групп в его формировании и т.д. Однако все они не опираются пока на надежный фундамент фактов, поэтому в настоящее время, пожалуй, не стоит увеличивать число скороспелых гипотез, нужны специальные исследования.

Наиболее ясен славянский аспект карпатского языкознания. Сложнее обстоит дело с романским аспектом, с выявлением роли и характера тожеств романского происхождения. В свое время известный чешский ученый Д.Кранджалов упорно защищал тезис, что романские элементы не играют существенной роли в формировании и функционировании карпатских тожеств (см.: D. S. r á n j a l á, Rumunské vlivy v Karpatsch. Praha, 1938). Это утверждение встретило отрицательное отношение. Неосновательность его высказываний особенно ясна теперь, когда на большом материале карпатской лексики выявлены обширные и глубокие пласты слов романского происхождения. Против основного тезиса Д.Кранджалова выступили не только лингвисты, но и историки. И вместе с тем в этом направлении еще предстоит большая работа как в этимологическом, так и в лингвогеографическом направлениях. Не случайно Третья Международная научная конференция по ОКДА целиком посвящена романс-

кой части нашей программы атласа. Нам предстоит всесторонне обсудить проект программы, подготовленный в секторе диалектологии и экспериментальной фонетики Института языка и литературы АН МССР. Это — основная задача данной конференции. На основании частных программ в 1976 г. необходимо создать единую программу, провести сбор материала, а также в дальнейшем, пробное картографирование. У нас есть полная уверенность в том, что наши молдавские товарищи в срок выполнят свою часть работы. "Молдавский лингвистический атлас", специальные исследования в области молдавской диалектологии убедительно свидетельствуют, что в лице диалектологов Клишинева наша наука имеет серьезных специалистов, которые могут решать трудные проблемы современной диалектологии.

А. Вашек (Брно)

КАРПАТСКИЕ ИЗОЛИРОВАННЫЕ ЯЗЫКИ И "ОБЩЕКАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС"

Под термином "изолированный язык" подразумевается такой язык, который в географическом отношении развивается изолированно от своего языка-основы, "базисного" языка. Ранее нами указывалось на возможность различения двух типов изолированных языков: а) омифункционального изолированного языка, т.е. языка, который выполняет все коммуникативные потребности определенной этнической общности (например, английский язык северной части Америки, французский язык Канады, ионакий язык южной части Америки и т.д.), б) неомифункционального языка, т.е. языка с ограниченной сферой функционирования; он является для его носителей средством каждодневного общения. Речь идет о языке любого этнического меньшинства (например, чешский язык в болгарской среде, также в румынской, украинской, канадской, североамериканской и т.д.). Эти два типа изолированных языков отличаются друг от друга не только функционально, но и формально, а следовательно, и прогностически, т.е. в смысле возможностей своего дальнейшего развития. От выполняемых коммуникативных функций зависит и богатство выразительных средств того или иного типа изолированного языка и предполагаемые направления развития в будущем данной языковой формации (тип "а"), или ее постепенная

ассимиляция и замена местным языком официального общения (если таких несколько, то в таком случае он заменяется тем из них, который наиболее интенсивно влияет на данный изолированный язык) (тип "б").

"Лингвистическая карпатология" занимается исследованием карпатских языковых контактов¹. В узком смысле слова сфера этих контактов охватывает территорию внутри карпатской горной дуги с прилегающими предгорьями, а в широком — всю территорию литературных языков Карпат и Балканского полуострова. "Лингвистическую карпатологию" можно разделить на: а) карпатологию, представленную работами преимущественно бинарного характера, т.е. работами, исследующими контакты какого-нибудь определенного языка карпатского ареала с другими языками широкой сферы карпатских языковых контактов, или же изучающими карпатские изолированные языки (например, чешский язык в НРБ, СРР и т.д.); б) карпатологию в собственном смысле слова, представленную работами, в той или иной степени освещающими ситуацию всего ареала карпатских языковых контактов.

1. Обозначение "карпатский изолированный язык" может относиться к а) любому языку, отличающемуся по своему происхождению от карпатского или балканского языка и существующему в качестве изолированного в карпатской области (например, немецкий язык на территории ЧССР, ПНР, ВНР, УССР, МССР, СРР); б) к любому карпатскому языку, существующему как изолированный в зоне Карпат (например, чешский язык в СРР, ВНР, ПНР, СФРЮ и т.д.), либо к любому балканскому по своему происхождению языку, изолированно существующему на территории какого-либо карпатского языка (например, болгарский или албанский на территории ЧССР, ПНР, ВНР, СРР и т.д.); в) к любому карпатскому языку, существующему как изолированный вне карпато-балканского ареала (например, чешский, словацкий и др. на территории, находящейся вне карпатской зоны — в СССР, Австрии, Франции и т.д.). Изучение каждого из указанных типов карпатских изолированных языков имеет значение для исследования языковой ситуации в области карпатских национальных языков, однако оно неодинаково и всегда зависит от комплекса факторов развития определенного изолированного языка, воздействовавших на это развитие. Изучение любого изолированного языка в зоне Карпат типа "а" и "б" в его отношении к другому, сосуществующему языку (или языкам) имеет для лингвистической карпатологии большое значение. Изучение изолированного языка типа "а"

дает возможность лингвистической карпатологии установить характер и формы влияния местных языков ареала. Изучение изолированных языков типа "в" дает возможность представить себе более позднее состояние соответствующего базисного языка, а также с некоторой вероятностью доказать, что отдельные явления изолированного языка существовали также в базисном языке, а затем исчезли. В этом случае речь идет об использовании диахронии для объяснения синхронии как современного состояния развития. Внимание лингвистов-карпатологов прежде всего привлекает тип "с" изолированных языков, поскольку он представляет лингвистическую карпатологию в широком смысле слова; кроме того, их исследование с известной степенью осторожности может быть использовано при изучении данного базисного языка в том случае, когда последнее важно для карпатистики, но в настоящий момент не может быть реализовано.

2. Что касается лингвогеографической обработки карпатского изолированного языка (как и любого изолированного языка), то необходимо констатировать, что это далеко не простое дело и неодинаково реализуется в существующих лингвистических атласах. До сих пор составители национальных атласов избегают, как правило, приводить лингвистический материал относительно изолированных языковых формаций, расположенных за пределами территории метрополии, т.к. это порой связано с трудностями. Ср., например, "Atlas slovenského jazyka"², "Български диалектен атлас"³, "Sorbi-scher Sprachatlas"⁴, "Atlasul lingvistic român"⁵, "Mały atlas gwar polskich"⁶ (последний, правда, приводит данные относительно пункта на территории ЧССР, в Тешинском районе, с населением, говорящим по-польски). В принципе так же будет в "Атласе чешского языка", над составлением которого работают коллективы Института чешского языка ЧСАН в Праге и Брно.

Сказанное не относится к положению в языковых анклавах. Существуют также лингвистические атласы, в которых обработан материал изолированного неомнифункционального языка, ср. атлас И. Иванова⁷, исследующий язык славян-переселенцев из Эгейской Македонии, которые уже в течение 25-50 лет живут на территории Болгарии.

В многонациональных атласах, подобных готовящемуся "Общеславянскому лингвистическому атласу", ситуация может выглядеть иначе, чем в национальных (ср. славянские пункты ОЛА в ВНР, СРР, Австрия, Италия, республиках Советской Прибалтики, в Молдавии;

обследованные пункты не будут приведены на карте вместе с пунктами метрополии). Многонациональным будет и "Общекарпатский диалектологический атлас" — научная работа, предпринятая в рамках карпатографии. Собранный в результате создания атласа материал дополнит сведения, полученные путем изучения базисных языков карпатского ареала в предшествующий период. До некоторой степени эти сведения позволят привлечь также данные тех языков, которые хотя и важны для карпатистики, но не могут быть получены иным путем.

3. Вышеуказанные свойства карпатских изолированных языков, а именно их способность заменять базисные языки, являются главным стимулом для использования результатов их изучения в ходе подготовки карпатского атласа. Возможность использования материала изолированного языка в качестве замещающего соответствующий базисный обуславливается в атласе соблюдением некоторых теоретических принципов лингвистического картографирования. Необходимым условием последнего является сопоставимость картографируемых явлений. Из этого, по-видимому, вытекает необходимость того, чтобы исследуемое общество, которое обслуживается изучаемым изолированным языком, в социальном отношении было в основном подобным тому обществу, которое исследуется лингвогеографически на всей остальной территории ареала. Из этого логически следует, что чем ограниченнее, уже тематически картографируемый диалектный материал изолированного языка, тем менее правомерно его картографирование наряду с материалом остальной территории диалектного(-языкового) континуума. Так, ограничение предмета исследования в карпатском атласе изучением лишь пастушеской терминологии в Карпатах (хотя она, несомненно, очень важна для карпатистики) не было бы оправданным, т.к. в этом случае ограниченные данные изолированного языка могли бы создать у исследователей неправильное, одностороннее представление о базисном языке. Изолированный язык греческих крестьян-переселенцев из приморских или низменных местностей содержит лишь те пастушеские термины, которые имеют более широкое распространение, может быть, даже такие, которые проникли в общенациональный словарный состав данного языка. И наоборот: чем обширнее будет исследование диалектов для карпатского атласа, тем успешнее изолированные языки будут выполнять свойственную им функцию замены собой базисного языка. Таким образом, исходя из условий создания карпатского атласа, следует признать наиболее правильным, наиболее уни-

версальным коммуникативно-регрессивный подход к изучению изолированных языков карпатской зоны. Используя этот подход, лингвисты-карпатологи исходят из всестороннего описания и анализа индивидуальных, с точки зрения всего карпатского ареала, языковых регионов. На основании существующих лингвистических исследований они определяют специфические карпатизмы, характерные для нескольких языков. Совокупность этих карпатизмов составит основу будущего вопросника, который затем будет применен в полевой работе по сбору материала для карпатского атласа. Следует заметить, что несмотря на существование указанной замещающей способности карпатских языков, данная черта не всегда может найти применение при работе над карпатским атласом. Так, невозможно осуществить замену на собственно карпатской территории, когда изолированный язык также принадлежит к карпатским языкам, т.к. в задачу карпатского атласа входит установление точного распространения карпатизмов. Замена возможна и желательна, например, при исследовании карпатских параллелей соответствующим явлениям в греческих или албанских диалектах. В этом случае речь может идти, по крайней мере, о наличии или отсутствии указанных параллелей, без установления точной территории распространения (хотя оно и желательно).

Несомненно, что исследование карпатских изолированных языков весьма полезно для целей "Общекарпатского диалектологического атласа"; в определенных случаях они могут быть единственным доступным в настоящее время источником необходимой языковой информации как синхронного, так и диахронического характера. Однако возможности использования этого источника обусловлены учетом специфики данной изолированной языковой формации, а также принципов теории лингвистической географии.

П р и м е ч а н и я

¹ V a ř e k A. Sur la méthodologie des recherches carpatologiques linguistiques (A propos de l'ouvrage Valaši na Moravě de D.Krandžalov). - "Romanoslavica", 1967, XIV, p.13-38.

² Š t o l c J., B u f f a F., H a b o v ť t i a k A. Atlas slovenského jazyka. I., c.1, 2. Bratislava, 1968.

- ³ Български диалектен атлас. I, ч. I, 2. София, 1964; Ч.ч. I, 2, 1968.
- ⁴ F a r k e H., J e n t s c h H., M i c h a l k S. Sorbischer Sprachatlas. I-IV., Bautzen, 1965-1971.
- ⁵ Atlasul lingvistic român. Serie nouă, v. I-VII. Buc., 1956-1974.
- ⁶ Mały atlas gwar polskich. I-XII. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1957-1970.
- ⁷ И. И в а н о в. Български диалектен атлас. Български говори от Егейска Македония. I. Драмско, Сярско, Валовишко и Зияховско. София, 1972.

А. В. Десницкая (Ленинград)

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАЛКАНИЗМОВ В КАРПАТСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Карпатская лексика горно-пастбищного скотоводства обнаруживает в себе определенный вклад балканского кочевого пастушества и поэтому соответствующий круг вопросов балканистики, связанный с изучением генезиса, состава и путей распространения пастушеской лексики в языках Балканского полуострова не может не интересоваться исследователей карпатского лингвистического ареала.

Изучение состава и происхождения балканской пастушеской терминологии непосредственно затрагивает одну из самых трудных и спорных проблем балканистики, а именно, вопрос о том, в каких исторических условиях и на каких территориях возникали древние связи между восточнороманской и албанской речью, отложившиеся в виде близких лексических соответствий. Помимо сходства и различий в части сохранения и трансформации (формальной и семантической) элементов народной латыни, лексический фонд восточнороманских языков обнаруживает общие с албанским нероманские (и соответственно неславянские и негреческие) элементы. Какая-то часть их, вероятно, могла быть непосредственно перешедшей в восточнороманскую речь из палеобалканского (фрако-дакийского) субстрата, который мог иметь ближайшие генетические связи с древнеалбанским языком, также принадлежавшим к числу палеобалканских. Однако некоторые из относившихся сюда слов с полной определенностью

выявляются, как это показал в ряде своих исследований академик Экрем Чабей, в качестве очень давних заимствований из албанского языка¹. Например: молд. (в.-ром.) галбазз ж. "болезнь овец, которой они страдают, когда пасутся в болотистом месте" — алб. *këlbazë, gëlbazë* ж. "мокрота; выделения; болезнь у овец". В восточнороманской лексической системе это изолированный термин; в албанском языке *këlbazë* отчетливо выявляется как одно из производных от глагола *kalb* "гноить", *kalbem* "гнить", ср. прилаг. *i kalbët, i kalbur* "гнилой", с умлаутом существ. *qelb, -i* м. "гниой".

Молд. (в.-ром.) мош м. "старик" — алб. *moshë, -a* ж. "возраст". Алб. *moshë, *motshë* — это производное от *mot, -i* м. "год", имеющего ясную индоевропейскую этимологию: иде. **mē-t-* "мерить", ср. лит. *mėtas* "время, год".

Молд. (в.-ром.) барзе ж. "аист" — алб. прилаг. *i bardhë* "белый", (*e bardha* "белая, белая", ср. производные названия животных по признаку цвета: *bardhosh, -i* м. "белый козел, белый конь", *bardhishe* ж. "белая коза" и др. Алб. *bardh-* восходит к индоевроп. **bherēgo-* (корень **bherēg-, *bhreḡ-*) "белый, сверкающий"). Восточнором. *barz-* отражает древнеалб. **barz-*.

Интересно предложенное Э. Чабеем объяснение этимологически изолированного восточнороманского названия "соленого овечьего сыра": молд. (в.-ром.) брынза "сыр", об этимологии которого немало спорили, теперь объясняется из алб. *brenza-t* "внутренности", которое в этой форме встречается в восточногегском говоре Дибры, а в тексте Бузука только как композит *rëbrëndëva pl. "interius, viscera"*. Заимствованное восточнороманскими языками албанское существительное *brëndëza, brëndëva*, являющееся производным от наречия *brenda* "внутри", прошло через употребление в значении "сычу". Следует заметить, что албанский синоним *mallë* соединяет в себе оба значения — "желудок" и "сычу", и что другое (в.-ром.) существительное из той же сферы, а именно, рынза "желудок, пупок у птицы", арумун. *rândzã* "сычу", также происходит из албанского (алб. тоск. *rëndës, гег. rranë* "сычу"). Семантически для соответствия *brenza-t*: молд. (в.-ром.) брынза в условиях пастушеского хозяйства вполне понятен переход от значения "внутренности" к значению "сычу" и далее к значению "сыр"².

Внимание к албано-восточнороманским лексическим соответствиям оказалось привлеченным уже довольно давно. Н. Йскль считал

их свидетельством ранних исторических контактов между албанцами и восточнороманским населением; при этом он считал вероятными заимствования из албанского в восточнороманский³. Акад. А. Россетти представил список, состоящий из 82-х соответствий⁴. Однако он отрицает возможность заимствования из албанского и решает вопрос с помощью предположения об общем первоисточнике, каким мог быть, по его мнению, какой-то исчезнувший древнеалбанский язык⁵. Высказывается также предложение рассматривать албано-восточнороманские соответствия на уровне обычных соответствий между родственными индоевропейскими языками⁶.

Более дифференцированно подходит к указанному кругу факторов известный албанист Гр. Бринкуш, который, наряду с соответствиями на палеобалканском уровне, признает наличие в восточнороманском непосредственных заимствований из албанского, в особенности в сфере пастушеской терминологии⁷.

* * *

За последние десятилетия представления о составе и характере албанской лексики существенно изменились. "Этимологический словарь" Г. Мейера⁸, созданный в конце XIX века на основе очень ограниченного, в значительной мере периферийного языкового материала и поэтому заполненный мало релевантными для языка и чисто локальными иноязычными заимствованиями, к настоящему времени устарел. Устарел он не в отношении предлагаемых автором этимологий, очень многие из которых сохраняют научное значение, но именно по характеру и объему собранной в нем лексики, давшим не только фрагментарное, но даже искаженное представление о словарном составе албанского языка, о соотношении в нем исконных элементов с заимствованными. В результате специальных лексикографических, этимологических и диалектологических исследований все более и более выявляются богатство и унаследованный индоевропейский характер значительной части албанской лексики.

Примечательно то, что среди балканизмов, распространенных в карпатском ареале, есть целый ряд лексических единиц, которые на почве албанского языка обладают надежной индоевропейской этимологией и внутренними словообразовательными связями.

Ограничусь несколькими характерными примерами, приводя здесь албанские слова и их этимологии безотносительно к решению вопроса о том, являются ли соответствующие им слова восточнороманскими

языков заимствованными из древнеалбанского или непосредственным наследием палеобалканского субстрата.

Алб. тоск. *vatër, vatra*, гер. *vatër, votra* ж. "очаг" имеет себе соответствия индоевропейского уровня в авест. *âtar* = "огонь", лат. *atrium* "центральное помещение римского дома, снабженное дымовым отверстием в крыше", ср. прилаг. *âter, âtra, âtrum* "темный, черный" (первонач. "задымленный"); ирланд. *áith* (род. *áitho*) ж. "печь" и др.

С фонетической стороны алб. *vatër, vatër* объясняется безупречно. Из двух диалектных форм более ранней является гер. (v) *otër*, отражающая соответствие иде. **ā-* алб. *o*, ср. иде. **mātar-* "мать" - алб. *motër* "оестра". Появление перед *o* протетического *v-* имеет себе аналогию в заимствованных из латинского гер. *voj* (из *oleum*) "растительное масло" и прилагат. *i vorfën* (из *orphanus*) "бедный". В древнетоскском начальное **vo-* > *va-*, ср. гер. *vatër* - тоск. *vatër*, гер. *voj* - тоск. *vaj*, гер. *i. vorfën* - тоск. *i varfër*.

В форме с тоскоким вокализмом *va-* (опред. *vatra*) слово широко распространилось в балканских языках и за их пределами. Ср. восточнором. ватра, серб.-хорв. вѣтра, укр. ватра "огонь", польск. watra "очаг", "огонь", болг. ватра̀л "кочерга" и др.

Алб. *gardh, -i* м., множ. *gjerdha* "плетень, изгородь". Было бы натяжкой уоматривать в этом исконном албанском слове заимствованный княжеславянизм *grad*, который, в свою очередь, также представлен в албанском языке производным образованием *gradinë, -a* ж. "сад около дома".

Согласно закономерностям албанской исторической фонетики *gardh* беспрепятственно возводится к индоевроп. **ghordo-*, имея себе точное соответствие в литовском *gardas* "изгородь", ст. слав. градь "город", гот. *garda* "дом". Интересно, что в албанском языке *gardh* является основой для образования производных со специальным значением "оплетения" предмета (соломой, ветками) с целью его сохранения, напр. *gardhore* ж. "оплетенная бутылка", *gardhes, -i* м. "плетенный из соломы короб для кукурузных початков".

Восточнором. гард "забор, изгородь; огороженный двор" может продолжать наследие другого древнебалканского языка; также осуществившего переход индоевроп. **d* > *a*. Однако не может быть исключена и возможность давнего заимствования из албанского.

Аналогичную картину непосредственного развития от индоевропейской основы обнаруживает алб. *baltë, -a* ж. "размочная зем-

ля, глина, ил; почва", имеющее производные: baltinë, -а ж., baltovinë, = а ж. "сырое место с вязкой глиной", прилаг. baltik, =а, baltak, =е "размокий, глинистый (о почве)". С историко-фонетической точки зрения албанское слово выявляет характерное для иллирийско-фракийской языковой группы отражение индоевропейской основы *bhol(ə)tā-, будучи таким образом дополнительным свидетельством распространенности ее в палеобалканском ареале и древних связей этого ареала с балто-славянским. Восточнором. балта ж. "озеро, болото, лужа" имеет также, несомненно, древнебалканское происхождение. Новогреч. βάλτη, βάλλος "болото" может быть заимствованным из албанского или из восточнороманского.

Образования от нерасширенной формы того же индоевропейского корня *bhel=, *bhol= "белый, блестящий" в албанском широко употребляются применительно к животным белой масти или имеющим белое пятно на лбу: bal, -i м., balik, -u м. "собака с белым пятном на лбу", balo, -ja м. "белый вол", balásh, -i, balósh, -i м. "конь с белым пятном на лбу" и др. В обобщении индоевропейского алофонического варианта *bhol- албанский, как и другие иллирийские языки - ср. мессап. имя собств. Balakrahiaihī, калабр. bálaку "левкой", обнаруживает ближайшее соответствие с балтийскими языками, ср. лит. bālav "белый", в то время как на славянской почве обобщенным оказался вариант *bhei-. В балкано-карпатском ареале представлены отражения обоих вариантов.

Из числа балканизмов, распространившихся в карпатском ареале, этимологизируются на албанской почве, помимо вышеперечисленных, также: алб. thark, -u м. "загон для скота", ср. молд. (в.-ром.) царк "загон для ягнят"; алб. zhrungë, -а ж. "загон для дойки овец", ср. молд. (в.-ром.) струнгэ, новогреч. στρουγγά и др.; алб. gavër, zgavër, -а ж. "дупло; углубление в скале", ср. молд. (в.-ром.) гаурэ ж. "отверстие, дыра, дупло, нора"; алб. zhterpë "яловая (об овце, козе, корове)", глагол zhter "иссякать (о молоке, о воде в источнике)", ср. молд. (в.-ром.) стырпи "уничтожать, истреблять; осушать; терять молоко"; алб. vajgë, balgë, -а ж. "навоз", ср. молд. (в.-ром.) балигэ "навоз"; алб. petë, -а ж. "блин", petull, -а ж. "блинчик", ср. молд. (в.-ром.) петурэ "прослойка из теста"; алб. gropë, -а ж. "яма, рывина; пропасть; могила", ср. молд. (в.-ром.) гроапэ "яма, рывина, пропасть; могила", алб. тоск. rëgguа, rëggoi м., гер. rggue, rrgo-ni м. осн. rëgrop- 1. "поток, 2. русло потока"; ср. молд. (в.-

ром.) пырау "речка, ручей", болг. порой "дождевой поток", макед. порој "поток" и др.

Хотя элементы албанской лексики, представляющие интерес для балканистики и соответственно также для карпатоведения, еще полностью не учтены, значение албанского языка как одного из источников лексических балканизмов, обнаруживается достаточно ясно. В принципе это никем не отрицается. Однако в практике исследовательской работы албанские материалы привлекаются пока еще очень ограниченно.

Между тем внимание индоевропейцев и балканистов, несомненно, должны привлечь богатство и дифференцированность албанской лексики хотя бы в такой сфере, как обозначения географической среды, включая атмосферные явления, типы почв (каменистые, болотистые, изрытые ямами; речные наносы), детали горного ландшафта (вершины, скалы, обрывы, пологие склоны, осины, ущелья, пещеры, обвалы, лавины), горные долины, леса (растущие на склонах гор, на болотистых низинах), различные породы дуба, хвойных деревьев, кустарники, колючие заросли; болота, горные потоки, ручьи, родники, ямы с водой и др. Очень дифференцированы названия трав, типов пастбищ. Богата специальная скотоводческая лексика, включая термины, относящиеся к переработке молока, шерсти. Все это составляет исключительно богатый материал, еще очень мало затронутый в исследованиях⁹.

Отмеченные здесь сферы албанской лексики включают, по сравнению с другими предметными группами слов (сравни, например, обозначения домашней утвари, одежды), значительно меньше слов славянского и турецкого происхождения. Для большинства определяются индоевропейские этимологии, частично латинские (зайствованные античного периода). Многое остается пока неразъясненным, включая и возможные связи с доиндоевропейскими языками южной Европы (проблема так наз. альпийской лексики).

и
и

Некоторые из балканизмов, проникших в карпатский ареал, распространились далее к северу и оказались представленными также в восточно- и западнославянских языках. Ярким примером является вышеупомянутое слово vatra "огонь, очаг", представленное также украинским ватра "огонь", чеш. (вост.-мор.) vatra, словац. vat-

га, польск. *watra* "очаг, огонь". Сюда же относятся русск. *ватрушка*, диалектн. *ватруга*, *ватрулька*, *ватруха*¹⁰.

Древним балкализмом албанского происхождения, проникшим далеко на север, с полным основанием можно считать название горной цепи на севере карпатского региона: укр. *Бескид*, польск. *Beskid*, *Beszkid*, венг. *Beszéké*. В восточнором. представлен апеллятив: молд. *Бескид* "гора, скала".

В албанском апеллятив *bjeshkë*, -а ж. "летнее пастбище в горах; гора, на которой пасут скот", имевший производные: глаг. *bjeshkôj* "пастись скот на горных лугах", *bjeshkatar*, -и м. "пастух, пасущий скот на горах", *bjeshkatare* ж. "женщина, изготавливающая молочные продукты в горном стане", *bjeshkí*, -а ж. "мастерство изготовления молочных продуктов". Образуются также оронимы: *bjeshkët* в *Nëmuna* - букв. "Проклятие пастбища", серб. *Проклетия*, *bjeshkët* в *Gjakovës* - названия горных хребтов на севере Албании.

Слово этимологизируется на албанской почве. Н. Йокль¹¹ и Э. Чабэй¹² восстанавливает форму **bie(r)shkë* - производную от глагола *bie* (2 ед. повел. *bjerë*) "надать, срываться сверху; ударять" (иде. **bher-*¹³). Первоначальное значение: "крутой горный склон". Нет оснований связывать это слово с фракийским этнонимом *Веобос*, *Вьэбос*.

Проникновение отдельных балканизмов через область Карпат в восточнославянские и западнославянские языки могло, вероятно, совершиться ранее периода XV-XVII веков, к которому относят миграции пастушеского населения с Балканского полуострова в более северные районы (так наз. "валашская колонизация"). Распространение на север южноевропейской лексики могло происходить через "обширную языковую непрерывность от северных отрогов Карпат до южных районов Балканского полуострова", которая установилась после балканской миграции славян¹⁴. Как отмечает С.Б. Бернштейн, "в настоящее время мы знаем много лексем, семем, словообразовательных структур, которые объединяют западный диалектный пояс восточнославянских языков с карпатским и южнославянским языковым континуумом. Нет сомнений, что причину этого явления нужно искать в истории взаимоотношений праславянских диалектов второй половины I тыс. н.э."¹⁵. В распространении южноевропейских языковых и этнокультурных элементов в восточнославянском ареале могла участвовать также восточнороманская языковая среда, связи которой с Киевской Русью были относительно давними.

В частности, могли довольно рано распространиться слова, связанные с древней (еще языческой) обрядностью — латинизмы *Calendae, Rosalia*, а также упомянутое выше балканское слово *vatra* "огонь, очаг", как элемент обрядовой лексики. А.Н. Веселовский полагал, что "вместе с проповедью христианства могли переселяться не только церковные, но и народные обряды, удержавшиеся случайно под сенью церкви и прикрытием христианского святого"¹⁶. Вряд ли, однако, проникновение и устойчивое закрепление в народной восточнославянской среде южновропейской обрядовой терминологии, связанной с древними верованиями, поддерживалось только проповедью христианства, которая, наоборот, должна была бы в основном содействовать ее искоренению. По-видимому, здесь обнаруживаются ранние и более глубокие культурные связи, складывавшиеся в народной среде путем живых контактов. Культурные и языковые заимствования наслаивались при этом на типологическую и историко-генетическую общность календарных обычаев и обрядов.

К сфере древней обрядовой лексики относится еще один балканизм народного происхождения, проникший в восточнославянские языки. Это молд. (в.-ром.) кращун 1. "рождество", 2. "обрядовый хлеб, выпекаемый к Новому году"; болг. кращун, кращунец "рождественский день"; сербохорв. имя собств. Кращун; словац. кращун "рождество"; русск. корочун "зимний солнцеворот, 12 декабря", "смерть"; др. русск. корочунъ "зимний солнцеворот (Новгород. I летоп. под 1143 г.)"; белорусск. корочун "внезапная смерть в юном возрасте, судороги, злой дух, оскрацающий жизнь".

Для объяснения этого ритуального термина в рамках восточнороманских языков предлагались малоубедительные латинские этимологии: из *calatiōnem* "обращение священника к народу в первый день каждого месяца для сообщения о праздниках", из *creatiōnem* "создание, сотворение"; из *Christi jējūniūm* "христов пост", из *quartum jējūniūm* "большой, четвертый пост"¹⁷. М. Фасмер считал, что "пример из новгородского памятника, относящийся к более раннему времени, исключает румынское происхождение", и, отвергнув, как "фонетически невозможное" произведение из короткий, полагал, что "слав. слово, скорее всего, связано с сербохорв. кращати "шагать", чеш. kráčetí, польск. króczyć. В.-луж. króćić, т.е. "шагающий, переходный день", день солнцеворота"¹⁸.

Как мне кажется, ссылка на присутствие слова в Новгородской летописи XII века не может быть достаточным аргументом про-

тив признания его проникшим с юга балканизмом. Существовавший ранее карпато-балканский языковой континуум мог опосредовать продвижение обрядового термина в древнерусскую среду — аналогично принадлежащим к той же семантической сфере *Calendae, Rosalia*.

Ни на романской, ни на славянской почве, слово кращун, кочрун, кращун убедительно не этимологизируется. Отправными моментами для этимологии, предложенной Э. Чабеем¹⁹, являются: 1) наличие в албанском языке существительного гег. *kërcú, kërcúni*, тоск. (о ротацизме) *kërcú, kërcúri* м., основа *kërcún*, — "пень, чурбан фонетически объясняющего восточнором.-южнослав. *krašun* в качестве возможного заимствования; 2) существование у балканских народов праздника зимнего солнцеворота, в обряд которого входит сжигание специально доставляемого из леса обрубка древесного ствола, сопровождаемое ритуальной трапезой — действие, проникнутое магической символикой (священный огонь, возрождение солнца и плодородия в новом году)²⁰.

В албанском языке *kërcún* — не имеет обрядового значения и выступает как обычный апеллатив (ор. уменьшит. *kërcuq, -i* м. "пенек"). Специальным термином для обозначения ритуально сжигаемого обрубка ствола является существительное *buzëm, buzmi* м. (этимология не выяснена). Соответственно праздничная ночь (рождественская, поскольку древний зимний праздник оказался совпавшим с рождеством) называется *nata e buzmit*. Но в другие балканские языки слово *kërcun-*, по-видимому, перешло только в связи с обрядом, благодаря чему за ним закрепилось значение "зимнего праздника", "рождества". Восточно-ром. сара кращунудуй "рождественский вечер" является, как отмечает Э. Чабей, полной смысловой параллелью к алб. *nata e buzmit*²¹. Наличие слова кращун во всех языках восточнороманского ареала говорит, по его мнению, о раннем периоде заимствования, что подтверждается и древнеалбанским характером формы *karsun-*, отразившейся при заимствовании.

В развитие точки зрения Э. Чабея можно добавить следующие соображения:

1. Существительное *kërcú* принадлежит к числу древних элементов албанской лексики. Гипотеза Г. Мейера о славянском происхождении этого слова²², основанная на сопоставлении с чеш. *krč*, "пень" и сербохорв. *krčiti* "корчевать", должна быть отвергнута, так как общеслав. *kërcun*, опред. *kërcun-i* в тоскоком диалекте подвергалась ротацизму: *kërcun-i*. Как известно, славянские заимствования в албанском уже не были охвачены этим фонетичес-

ким явлением, действие которого в основном завершилось до конца I тысячелетия н.э.

Кроме того, от корня *kërc* обрзованы и другие существительные, принадлежащие к числу древних элементов албанской лексики: тоск. *kërcí*, опр. *kërcíri* м., осн. *kërcín* "берцовая кость", *kërcéll*, -i м. "стебель растения".

Для древнеалбанского языкового состояния (период I тысяч. н.э.) может быть реконструирована основа **karç-ún*, которая в других языках Балканского полуострова отразилась с южнославянской метатезой как *krašun*, и далее, будучи очень рано занесена в восточнославянскую языковую среду (путем живых речевых контактов) преобразилась в полногласную форму корочун.

С точки зрения исторической фонетики албанского языка переход **karç-* > *kërc-* объясняется безударной позицией гласного. Согласный *-ç-* [ts] исторически явился вариантом *-v-* в положении после плавного, ср. историческое чередование *-ç-/v-* в парадигме некоторых глаголов: I. ед. н.вр. *kërças* - I. ед. аор. *kriçá* "скрипеть, громко раздаваться", I. ед. н.вр. *përças* - I. ед. аор. *plavá* "взрываться, лопаться".

Праалб. **karç-v-* может восходить к индоевроп. корню *(s)ker- *(s)kor= "резать, отрубать", с расширением *(s)kor-s-, *kor-v- > *karç-v-* *karç-s*. Возможна и другая реконструкция: индоевр. *(s)kor-ti=i(o)=. Как известно, индоевр. сочетание *-ti-* на албанской почве давало *-v-*. В этом случае албан. *kërçun* "пень, обрубок дерева" имеет себе ближайшие семантические параллели в лит. *kartiá*, лат. *karta*, "жердь, шест", Ср. также прабалт. *karta*, праслав. *karuta* "жорыто" (первоначально "выдолбленный ствол дерева").

Отмеченные Г.Мейером славянские соответствия - чеш. *krč*, польск. *karcz* "жорч, пень, колода", словен. *krča*, *krč* "раскорчеванное место", русск. жорч "выкорчеванный пень", жорчева "раскорчеванное место" (ср. также жарча, жарша "ствол дерева (с сучьями), принесенный течением и застрявший в иле, коряга"), производные глаголы чеш. *krčiti*, сербохорв. жрчити, русск. жорчевать, жорчить и др. - подлежат сравнению с албанским словом на уровне индоевропейской этимологии. Хотя принадлежность славянской основы к индоевроп. **ker-* не подлежит сомнению, конкретное ее происхождение остается неясным²³.

С точки зрения семантики слова славянских языков обнаруживают наиболее близкое соответствие албанскому *kërcun-*, что дает основания задуматься о возможности древней исторической связи в рамках иллирийско-праславянских ареальных контактов.

2. Зафиксированное в восточнославянских языках (в русском и белорусском) значение "смерть" находит себе объяснение в семантике древнего праздника зимнего солнцеворота, включающего, наряду с символикой возрождающегося плодородия, также элемент почитания умерших предков. Как указывает Ю.В. Попович, исследовавший эту проблему на молдавском материале, "главная особенность праздника "крэчун" состоит в почитании солнца, его земного заместника — огня и умерших родителей"²⁴.

На восточнославянской почве сохранились, по-видимому, лишь отголоски древнего обряда в виде, на первый взгляд, как будто мало связанных между собой значений ритуального термина корочун — "зимний солнцеворот" и "смерть".

В албанском языке *kërcun-* не имело ритуального значения (или очень давно утратило его). Но зато сам обряд устойчиво сохранялся в среде северноалбанских горцев и детали его, подробно описанные Роком Зойзи,²⁵ разительно близки к деталям обряда, изученного у молдаван.

* * *

Рассмотрение балканизмов, распространившихся через карпатский ареал в восточнославянских и западнославянских языках, приводит к вопросу о хронологической дифференциации балканских лексических влияний. Наличие в восточнославянских и западнославянских языках относительно глубоко укоренившихся элементов балканской и вообще южноевропейской лексики (не связанных специально со сферой христианской культуры), по-видимому, может служить показателем древности их прохождения через балкано-карпатский языковой континуум (вторая половина I тыс. н.э.). Если же распространенность балканизмов ограничивается пределами карпатского ареала (включая лишь непосредственно прилегающие районы соседних областей), это свидетельствует об их позднем привнесении в карпатскую языковую среду, осуществлявшемся в период XIV-XIII веков в связи с миграцией пастушеских коллективов.

Примечания

- 1 Ç a b e j E. Betrachtungen über die rumänisch-albanischen Sprachbeziehungen. - "Revue roumaine de linguistique". X, 1965, № 1-3.
- 2 Ç a b e j E. Ältere Stufen des Albanischen im Lichte der Nachbar Sprachen. - "Zeitschrift für Balkanologie". II, 1964, s.30.
- 3 J o k l N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin u. Leipzig, 1923, s.203.
- 4 R o s e t t i Al. Istoria limbii române. II, 1943, p.108-124.
- 5 Т а м ж е, с.103.
- 6 P o g h i r c C i c. Sur les éléments de substrat du roumain. "Dacoromania". 1, 1973, Freiburg/München, p.202.
- 7 B r â n c u s Gr. Probleme ale reconstrucției elementelor lexicale autohtone în româna comună. - "Studii și cercetări lingvistice". XVII, 1966, p.209.
- 8 M e y e r G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.
- 9 До сих пор единственным специальным трудом, посвященным предметным сферам албанской сельскохозяйственной лексики, остается упомянутая выше книга Н.Йокля, опубликованная более 50 лет тому назад. В этих интересных этимологических этюдах соведено происхождение очень небольшого количества слов, выборочно представляющих лексику отдельных областей жизни албанского крестьянина.
- 10 См. Словарь русских народных говоров. IV. Л., 1969, с.72-73.
- 11 J o k l N. Указ.соч., с.165 и сл.
- 12 Ç a b e j E. Studime rreth etimologjisë. 1, с.59-60.
- 13 P o k o r n y J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, 1, 1959, s.129.
- 14 Б е р н ш т е й н С. Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной ди-

алектологии. - "Славянское языкознание". М., 1973, с. 37.

15 Там же.

16 Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. - "Сборник отд. русск. языка и словесности", т. XXII, Спб., 1883, с. 224.

17 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, П. М., 1967, с. 336.

18 Там же.

19 Şabej E. Crăciun. - "Studii şi cercetări lingvistice". XII, 1961, № 3, см. его же; Studime rreth etimologjise. XII, - "Studime Filologjike", 1964, 1, с. 61.

20 В литературе содержится подробное описание этого обряда у народов Балканского полуострова. См. Schneeweis E. Die Weihnachtsbräuche der Serbo-Kroaten. Wien, 1925. Специально у северноалбанских горцев: Zojzi Rr. Gjurmët e nji kalendari primitiv në popullin tonë. - "Bul. i Inst. të Shkençevet". Tiranë, 1941. 1. О празднике кречун у молдаван (на широком этнографическом материале и с развернутым теоретическим освещением содержания обряда): Попович Ю. В. Молдавские новогодние праздники. Кишинев, 1974.

21 Şabej E. Crăciun, с. 314.

22 Meyer G. Указ. соч., с. 190.

23 См. Фасмер М. Указ. соч., II, с. 340.

24 Попович Ю. В. Указ. соч., с. 145.

25 Zojzi Rr. Указ. соч., с. 99-103.

Р. Я. Удлер (Кишинев)

ЗНАЧЕНИЕ ВОСТОЧНОРОМАНСКОГО ЯЗЫКОВОГО ЭЛЕМЕНТА В "ОБЩЕКАРПАТСКОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ"

В последние годы признано, что карпатское языкознание - это самостоятельная отрасль лингвистической науки, главными задачами которой являются составление лингвистических атласов, проведение этимологических и топонимических исследований, всестороннее изучение многоаспектной языковой интерференции и др.

Карты диалектологических атласов призваны отразить последствия сложных процессов взаимопроникновения и взаимовлияния языков, в

результате которых образовалась языковая общность карпатской зоны¹. В широком ареале, от Днестра и до Моравы, обитуют общие языковые элементы (слова, их значения, словообразовательные морфемы, синтаксические конструкции). Их распространение объясняется миграцией пастушеского населения с Балканского полуострова через Дунай до северных Карпат. В этом сложном процессе особое место отводится так называемой валахской колонизации, ибо специфический тип хозяйства, обусловленный главным образом отгонным скотоводством, возникший и развившийся в своеобразных физико-географических условиях Карпат, определил во многом быт и культуру населения данного региона.

Восточнороманские языковые элементы непосредственно и опосредственно, в большей или меньшей степени, проникли во все языки народов карпатской зоны. "В формировании общих черт в языках карпатского ареала, — пишет С.Б. Берштейн, — романская речь играла выдающуюся роль"². "Карпатизма формировались в начальные периоды истории современных языков и диалектов карпатской зоны"; во второй половине первого тысячелетия н.э., и в этимологическом отношении они представляют разнородный материал (дако-фракийские, кельтские, восточнороманские, славянские, венгерские, германские и другие элементы). Они объединяют языки и диалекты карпатского ареала и противопоставляют их языкам и диалектам смежных территорий³. Балканизмы — языковые особенности задунайских переселенцев из Болгарии и Сербии, распространенные в языках и диалектах Карпато-Дунайского бассейна балканскими пастухами-номадами разной этнической принадлежности в XVI—XVII вв. — в этимологическом отношении также разнородны. Это турцизмы, новогречизмы, албанцизмы и др.⁴

Многими учеными признано, что в формировании карпатской языковой общности восточнороманское влияние (прямое и косвенное) на языки славян и других этнических групп было значительным⁵. Установлено, что процент романского элемента выше в украинских закарпатских, гуцульских, покуто-Буковинских, надднепровских и степных говорах, ниже в польских, словацких, чешских, венгерских, сербохорватских, болгарских и македонских говорах и еще ниже в белорусских, полесских и смежных русских западных говорах⁶.

Если в большинстве говоров карпатской языковой общности пастушеская терминология является самой древней и самой многочисленной, то в говорах украинского и польского языков имеются восточнороманские термины, относящиеся и к другим областям, в

большей части заимствованные позже (после XVI в.) вследствие тесных и длительных общественно-политических, экономических и культурных отношений Молдавии, Украины и Польши⁷.

Среди заимствований из языка валашских пастухов исследователи отмечают слова южнославянского происхождения, возвращенные южн. славянам, а также слова южнославянского происхождения, переданные восточным или западным славянам. Естественно, в восточнороманской языковой среде эти элементы претерпели фонетические, морфологические, словообразовательные и семантические изменения.

Планируемый "Общекарпатский диалектологический атлас", над программой которого мы работаем, охватывает говоры разных славянских и неславянских языков карпатской зоны. Материалы будущего атласа должны способствовать решению таких проблем, как происхождение восточнороманских языков, происхождение отдельных говоров западных и восточных славян, определение генезиса и территории распространения карпатизмов и балканизмов, установление давности взаимовлияния (в каждом конкретном случае) и путей происхождения иноязычных лексем, стратификации заимствований, взаимовлияние и взаимовлияние языков и диалектов в зоне Карпат и в прилегающих областях, выявление специфических черт карпатской языковой общности и др.

При составлении восточнороманского раздела проекта программы ОКЦА были использованы материалы карт "Молдавского лингвистического атласа", "Румынского лингвистического атласа", "Новых румынских лингвистических атласов по областям", "Лингвистического атласа украинских народных говоров Закарпатской области УССР Леконка", "Лингвистического атласа Польского Подкарпатья" и др., итоговых работ Сильвии Нице Армаш и др. "Румынское влияние на лексику славянских языков", Эм. Врбаие "Влияние румынского языка на украинский язык", а также других многочисленных статей, монографий и словарей (диалектальных, этимологических и др.). Использована также "Вопросник Общеславянского лингвистического атласа".

Восточнороманский раздел проекта программы содержит 1) восточнороманские слова, аттестованные в говорах хотя бы одного из других языков карпатской зоны, а также 2) слова иного происхождения, но которые благодаря восточнороманскому посредничеству стали достоянием иноязычных смежных говоров.

Лексемы, относящиеся ко второй группе, носят, — как пишет И.Пэтруц, — печать этого языка-посредника и не могут быть рассмотрены как "чужие" элементы, переданные другому языку, ибо они адаптировались к фонетико-фонологической, акцентологической и грамматической системам языка-посредника, изменив нередко и свое семантическое содержание⁸.

Лексические единицы сгруппированы тематически: I. Скотоводство (пастухи, постройки, места для загона, посуда, орудия, стадо, молочные продукты, животные по разным признакам, шерсть и разное, например, бач, струнгар, бордей, колибэ, стына, тырле, меризэ, кошар, царк, кофе, гэлятэ, донице, чутуре, спузар, ветрай, кырлиг, мэчукэ, далтэ, барде, турмэ, ботей, кырл, зер, зэра, урдэ, жинтице, коластра, кяг, каш, брынэ, бабана, ветуле, бербек, арете, аплекетоаре, цап, мэгар, армэсар, цигае, кануре, шкам, штим и др.), 2. Земледелие и средства передвижения (земельные участки, орудия производства, меры земельной площади, средства передвижения и др., например, мошие, фалче, сапе, фуркэ, чур, дэрмой, кар, кэруце и др.), 3. Растения (злаковые, овощи, цветы, фрукты и др., например, пэпушой, мэлай, чепэ, бостан, линте, петлэжика, мэгиран, трандафир, феригэ, афин, прун, гутуе и др.), 4. Дом и предметы обихода (части дома, пристройки, посуда, предметы обихода, например, котлон, ляц, соба, поартэ, брама, вракнице, котец, албие, фележян, пэтура, десахь, трайстэ и др.), 5. Одежда (мужская, женская, нижняя, верхняя, головные уборы, например, мешинь, глуга, бундэ, эмашэ, брэцаре, качуле и др.), 6. Питание (мэмэлигэ, кулешэ, полентэ, азимэ, а думика, замэ, карне, кэрнац и др.), 7. Человек и родство (части тела, родственные отношения, например, кап, капэцине, фаце, буза, копил, фечор, непот, кумнат, фин, моашэ и др.), 8. Местные географические термины (мунте, магура, груй, аршице, кулме, рыпа, рыу, вале, балтэ и др.), 9. Явления природы (кидие, буре, туче и др.), 10. Разные (сарак, фудул, май, кам, кяп, тырзиу, оаре и др.), а также II. Словообразование и грамматика⁹.

До настоящего времени, как известно, территория распространения того или иного восточнороманского элемента определялась по неполным сведениям словарей (литературных и диалектальных), статей, монографий по отдельным небольшим районам и немногих ре-

гиональных и национальных атласов, имеющих весьма различные цели¹⁰. Даже эти материалы говорят о том, что каждый восточнороманский элемент имеет свою зону распространения, следовательно, свою историю. Так, слова бач, брынза, коластра, урда, мэмелига, чутура и др. бытуют в говорах южных, западных и восточных славянских языков карпатского ареала, оакеша — в тех же говорах за исключением сербохорватских, дае — в тех же говорах кроме болгарских, мэгура — в тех же говорах кроме польских, барз, канура, крец, сугар — в говорах южнославянских языков, кяг, комарник, колиба, корнута, жинтица, а румега, царк, ватрэ, ветуй — в говорах западных и восточных славянских языков, мыгле, трайста — в говорах западных и восточных славянских языков за исключением словацких и моравских, аршица, азимэ, бэдика, кам, кофа — только в говорах украинского языка, рыу, а токми — только в говорах словацкого языка, ботэ — только в говорах болгарского языка и т.д.¹¹

Достоверные материалы ОҚДА, собранные по единой программе, позволят не только установить точный ареал распространения восточнороманских лексем, но и выявить их семантические изменения, давность и пути их проникновения. В этом немаловажную роль сыграет последующий анализ фонетических и морфологических особенностей заимствований. Например, в украинских, польских, словацких и чешских говорах в слове грунь — *gruń* — *groń* — *gruń* сохраняется н' (**grunnum* > *gruń*), имеющий до XV в. широкое распространение в восточнороманских говорах. Позже н' перешел в й (*gruń* > груй). В этом варианте слово было также заимствовано в некоторых польских говорах. Дублиеты *gruń* — *gruj* свидетельствуют о давности контактов и о различных путях проникновения слова. Сохранение архаичной восточнороманской формы в польских говорах позволяет предположить, что в прошлом ареал *gruń*, характерный ныне для банатских говоров, был значительно шире. Сохранение этой архаичной фонетической формы в иноязычных говорах тем значительней для истории восточнороманских языков, что нет письменных памятников периода валашской колонизации. Срав. также *p + i, e* в хиате > н' > й в *calcaneum* > *călcăin* > калкэй, *cuneus* > *суń* > куй, *mus araneus* > *muşuroń* > мушуроё, *striga + -oneus* > *strigoń* > стригой → польск. *strzykoń*, слов. *strigoń*, *strigoń*, чеш. *strigoń*¹².

Даже самые консервативные восточнороманские говоры не сохранили группу согласных *cl'*, имеющаяся в украинских, польских и словацких говорах в словах кяг и оакешэ: **cloagum, coagulum* > >*cl'ag* - укр. кляг, гляг(а), польск. *kłag, kłok, gleg*, слов. *kl'ag, gl'ag(a)*, укр. вакл'еша (< *ocli'u* < *oculus*). Развитие *cl'* в к' в восточнороманских говорах произошло раньше XVI в. ¹³

Среди архаичных ступеней в развитии восточнороманских фонетических явлений, которые сохранились в отдельных словах-заимствованиях в славянских говорах карпатского ареала, отмечаем ротацизм, например, афияэ → укр. афира, польск. *afura, jafer, afupa*, слов. *hafira, hafura, jafura*, морав. *hafera*, путинэ → → укр. путера, путина, польск. *putyra, puciera, putnia*, слов. *putera*, морав. *putyra*, сохранение *l'*, например, *vituleus, vitulus* > *вэтуле → укр. ватул'а, польск. *watula*, слов. и морав. *vetula* (молд. лит. вэтуй), *trifolium* → *трифол' → укр. трифол', трифолия (молд. лит. трифэй), *filianus* > *фил'ку → → укр. фил'ин (молд. лит. фин), сохранение *b'*, например, *fimbria* > > *frimbie* → укр. фрембиа, польск. *frombija*, слов. *frumbija* (молд. лит. фрингизэ), сохранение аффрикаты *dz*, например, *zama* > дзама → укр. дз'ама, дз'ема, польск. *dziama*, слов. *džama, zrudia* > спудзе → укр. спудза, алб. *rëndës* > риндзэ → укр. риндз'а, польск. *ryndza*, слов. *ryndza* и др. ¹⁴

О давности межъязыковых контактов свидетельствуют также многочисленные производные образования с помощью средств соответствующего языка: мург > укр. мургий, шут > укр. шутий, фудул > укр. фудульный, урет > укр. уритний, колибэ > укр. колибний, а мута > укр. мутати, а скэпа > укр. скапати, а се фудули > фудулитися и др. ¹⁵

Наряду с сохранением значений заимствованных восточнороманских лексем, например, урдэ, зэр, жинтицэ, гэлятэ, мэмэлигэ, груй и др., установлено появление новых значений, наряду с унаследованными, например, чеш. *bača* - 'старший чабан' и 'сильный, здоровый, толстый', польск. *brundza* 'брынза' и 'бедность, нищета, мерзость', а также замена старого значения новым, например, болг., укр., слов. *kóril* 'незаконорожденный, внебрачный ребенок', слов. *šitora* 'часть трубки, в которой набивается табак' и др. ¹⁶

Длительным билингвизмом обусловлены семантические и фразеологические кальки, например, восточнороманские а се принде (деспре лапте), нич кыт негру суб унгие, ынтре патру окь, пе ини-ма говла, а фаче копий и др. и украинско-гуцульские ловитися (молоко), як за нийт'ом чорне, у чотири очі, натщє оєрдце, чинити діти и др.

О давности лексических заимствований свидетельствует тот факт, что у многих лексем восточнороманского происхождения нет славянских соответствий, эквивалентов, с одной стороны, например, урдэ, зар, жинтищэ, мэмэлигэ и др., и что отдельные из них стали литературными терминами, например, в украинском литературном языке приняты брындза, урда, мамалига, малай, буката, папуша, колиба, ватра, барда, бадыка, плекати, сапувати и др. в польском литературном — bryndza, kozera, koliba, gruń, szamaługa и др., в чешском литературном — bryndza, koliba, šutora и др., в словацком литературном — bryndza, koliba, klag, gruň, šutora, putera, laja, šuta, demikat, geleta и др., с другой стороны¹⁸.

Лексико-семантическая программа ОКДА строится таким образом, чтобы выявить на местности до сих пор не обнаруженные звенья микрополей, например, семемы ватрэ ('место, где горел костер', 'очаг', 'огонь', 'пламя', 'большая свеча', 'нижняя плоскость печи', 'лежанка', 'ступенька', 'выступ перед печкой', 'место стоянки отар', 'загон, в котором спят овцы', 'лужайка, поляна', 'центральная, самая древняя часть села', 'родное село, место рождения', 'нижняя часть кузнечной печи'), рваш ('специальная палка с зарубками для измерения молока', 'процесс измерения молока', 'счет срубленных дров или рабочих дней', 'письмо') и др.

Особым является вопрос об иерархии значений слова в программе ОКДА. При подаче семантических единиц родовое значение разграничивается от видовых, исконное — от деривационных, прямое — от переносных. Часто порядок семем иной: от более встречаемой к менее встречаемым¹⁹.

В восточнороманский раздел проекта программы "Общекарпатского диалектологического атласа" включены также литературные и диалектные географические термины романского и нероманского происхождения, которые заимствованы в говорах славянских и венгерского языков карпатской зоны. От многих терминов образованы

топонимы (ср. укр. Магура, Кичера, Рина, польск. Groń, Flaj, Strunga, Koliba Mała и др.)²⁰.

П р и м е ч а н и я

¹ Бернштейн С. Б. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. - В сб.: Славянское языкознание. М., 1973, с.29, 30.

² Бернштейн С. Б. Указ.соч., с.33.

³ Там же, с.31-40; см. Рот А. М. Особенности взаимодействия языков и диалектов карпатского ареала. Ужгород, 1973, с.21-22; е г о ж е. Особенности многосторонних контактов языков и диалектов карпатского ареала и вопрос ареальной структурной типологии. - В сб.: Культура і побут населення українських Карпат. Ужгород, 1973, с.189-194.

⁴ V a ſ e k A. Sur la méthodologie des recherches carpatologiques linguistiques. "Romanoslavica", XIV. Buc., 1967, с.13-14; N i ſ a A ſ ſ a ſ S. În jurul problemei cuvintelor de origine românească în limba slovacă. "Studii și cercetări lingvistice". 1966, nr.5, с.580-583; Б е р н ш т е й н С. Б. Указ. соч., с.40-41; Г р а ц и а н с к а я Н. Н. Этнографические группы Моравии. М., 1975, с.80-86.

⁵ К л е п и к о в а Г. П. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974, с.23-26, 35, 235-244.

⁶ N i ſ a A ſ ſ a ſ S. И др. L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves. "Romanoslavica", XVI. Buc., 1968, с.60-62, 68; V r a b i e E m. Influența limbii române asupra limbii ucrainene. - "Romanoslavica", XIV. Buc., 1967, с. 109-196; е г о ж е. Elemente românești în limba bielorusă. - В сб.: Omagiu lui Al. Rosetti la 70 de ani. Buc., 1965, с.993-995; R u s u I. I. Cuvinte românești ca "împrumuturi slave" în limba maghiară. Там же, с.787-791; R o b c i u c I. Elemente lexicale de origine română comune ucrainenei, polonei și slovacei. - "Studii și cercetări lingvistice", 1975, nr. 3, с.269-272; К л е п и к о в а Г. П. Указ.соч., с.34-36, 226-235; М е л ь н и ч у к А. С. Молдавские элементы в пограничном украинском говоре. - В сб.: Учен. зап. Института истории, языка и литературы МФ АН СССР, Кишинев, том. IV-V, 1955, с.158-185; Д з е н д з е л е в с к и й И. А. Молдаванизмы и их стилистическая роль в украинских говорах Нижнего Поднестровья. Там же, с.150-157; М у р а ш к о А., О р е ш о н к о в а А. Молдо-белорусские лексические соответствия. "Региональное совещание по молдавско-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям. Тезисы докладов". Кишинев, 1963, с.56-58; см. в этом сб. Н и к о н ч у к Н. В. Северные границы восточнороманизмов в правобережно-полюсских говорах украинского языка, с.77.

⁷ R o s e t t i A l. Istoria limbii române. Buc., 1968, с.423-427; N a n d r i ș G r. Păstoritul românesc în Carpații

poloni in lumina Atlasului lingvistic al Poloniei subcarpatine. "Dacoromania", Уш, 1936, с.138-148; Ніță Агмаș S. и др. Указ. соч., с.69-70, 100; Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958; Матеріали до словника буковинських говірок. Чернівці, вип. I-3, 1971-1972; Прокопенко В. А. Молдавские элементы в лексике украинских говоров Буковины. - В сб.: Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1961, с.70-78; Дзендзель І в с ь к и й И. О. Лексичні дані про валаську колонізацію в районі українських Карпат. "Тези доповідей УІ Укр.слав. конф.". Чернівці, 1964, с.172-173; е г о ж е. До питання про румунізи в говорах Закарпатської області. "Доповіді та повідомлення УжДУ. Серія філологічна", вип. IV, 1959, с.57-60; е г о ж е. Ізогlossen лексичних румунізмів у говорах Закарпатської області. "Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи. Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции". Черновцы, 1966, с.16-18; К о б и л я н с ь к и й Б. В. Лексичні зв'язки східнокарпатських говорів з румунською та молдавською мовами. "XІ наукова конференція, присвяч. підсумкам наук.-дослід. роботи ун-ту за 1965 р. Тези доповідей". Львів, 1966, с.31; П а в л я к Е. Я. К вопросу об украинско-молдавских языковых связях. "Тези доповідей XXII наукової секції Секція філологічних наук". Чернівці, 1966, с.80-82; О н и ш к е в и ч М. Й. До питання про українсько-румунські мовні зв'язки (на матеріалі даних бойківського діалекту). - В кн.: Структура і розвиток слов'янських мов. Київ, 1967, с.38-44.

8 Р ă t r u ț I. Împrumuturi prin filieră. - В кн.: Studii de limba română și slavistică. Cluj, 1974, p.251-252; срмнение А.М.Рота о необходимости различения исторического источника заимствования от генетического и о возможности существования нескольких языков и диалектов в качестве исторического источника. Рот А. М. Особенности взаимодействия языков и диалектов карпатского ареала, с.26-34; см. также Г а м и л е в с у D. Elemente de origine sîrbocroată ale vocabularului dacoromân. Buc. Pančevo. 1974, p.53-70.

9 Ср. Ніță Агмаș S. и др. Указ. соч., с.101-102.

10 См. Ніță Агмаș S. и др. Указ. соч., с.71-100; Ніță Агмаș S. Указ. соч., с.583-590; N a n d r i ț Gr. Указ. соч., с.138-148.

11 См. Ніță Агмаș S. и др. Указ. соч., с.103-104.

12 См. Ніță Агмаș S. и др. Указ. соч., с.104-106; V r a b i e Ем. Указ. соч., с.110-111.

13 R o s e t t i Al. Istoria limbii române de la origini pînă în secolul al XVII-lea. Buc., 1968, с.378-379, 459-460.

14 См. Ніță Агмаș S. и др. Указ. соч., с.104-106; V r a b i e Ем. Указ. соч., с.110-111.

15 V r a b i e Ем. Указ. соч., с.126.

16 Ніță Агмаș S. и др. Указ. соч., с.112-113.

17 С е м ч и н с ь к и й С. В. Семантична Інтерференція мов. Київ, 1974; V r a b i e Ем. Указ. соч., с.185; Е г о ж е.

18 V r a b i e Ем. Указ. соч., с. II2-II4; N i ț a A r -
ș a ș S. и др. Указ. соч., с. 102-103; N i ț a A r ș a ș S.
Указ. соч., с. 583-590.

19 См. в этом об. статьи К л е н и к о в о й Г. П. Неко-
торые аспекты изучения семантики и их отражение в программе-воп-
роснике "Общекарпатского диалектологического атласа" и
К о р ч м а р ь В. В. О иерархии значений слова в про-
грамме "Общекарпатского диалектологического атласа", с. 54-
62, 62-66.

20 См. в этом об. статью: Б р е м и н А. И. Орографические
термины в карпатской топонимии, с. 90-96. С р. К а р п е н к о Ю. О.
Топоніміка гірських районів Чернівецької області. Чернівці, 1964,
с. 36.

С. В. Семчиноский (Киев)

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИЗОСЕМИЯ В ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА

В опубликованных раньше работах нами было предложено внимательнее изучить явление межъязыковой изосемии, под которым понимается изоморфичность эоформы (фономорфологической внешности) лексических единиц¹. Эта изоморфичность может быть конструктивной, если речь идет о морфемной структуре слов, и фигурной, если речь идет с подобии семантической структуры слов разных языков. Межъязыковая изосемия разнообразна в своих проявлениях и по своему происхождению может быть генетической (унаследованной), интерференционной (заимствованной) и, наконец, независимой ассоциативной, когда одинаковость структуры эоформ или одинаковость семантической структуры слов не может быть объяснена ни генетическими, ни интерференционными причинами, а только общечеловеческой способностью к ассоциациям.

Явление межъязыковой изосемии наблюдается в различных языках, но особенно часто оно характерно для близкородственных языков (генетическая изосемия) и для языков, входящих в состав одного языкового союза (интерференционная изосемия). Например, в

языках Балканского языкового союза наблюдается изосемия и отдельных лексических элементов, и целых многочленов с одинаковым семантическим планом. Ср. название язычка в албанском *njerith* (при *njeri* "человек"), молдавском омушор (ом "человек"), болгарском мъжец (мъж "человек") или конструкцию выражения со значением "занимайся своим делом!" в албанском *kërko punën*, молдавском ката-ць де трыба!, арумынском *nutrea-ț lucrulu*, болгарском гледай си работата!, греч. *ζύταξε τὴ δουλείά σου!*

Надо отметить, что существует межъязыковая изосемия и в языках и диалектах карпатского ареала. Взять, например, название птички *Troglodytes troglodytes* (L.). Оно имеет одинаковую внутреннюю форму (мотивированность) в украинском (володе око), молдавском (окул боулуй), венгерском *ükörzem*. Составленная М. Баческу карта² показывает, что это название охватывает также весь массив Восточных Карпат, оно же известно во всей Трансильвании вплоть до Баната, исключая Южные Карпаты. К сожалению, нам неизвестны картографические материалы о территориальном распространении соответствующих слов в венгерском и украинском языках. Некоторые данные свидетельствуют о том, что соответствующее название известно в центральных районах Украины. Нет сомнения, что включение определенного вопроса в вопросник общекарпатского атласа может помочь выяснению происхождения этой межъязыковой изосемии.

Очевидно, в вопросник общекарпатского атласа следует включить и ряд других вопросов, направленных на выяснение семантической структуры слов в говорах разных языков. Представляется необходимым выяснить территориальное распространение различия языковыми средствами понятий родства "свекор - теща" и "свекровь - теща". Как известно, в славянских языках названное различие отражалось с помощью разных лексем³. В латинском же языке родители жены или мужа назывались одинаково - *voseri-*, отличаясь лишь от наименования непосредственных родителей супругов - *parentes*. Это положение было унаследовано восточнороманскими языками, в которых существует одно общее название для "свекра" и "тестя" - молд. сокру, арм. *vosig* - и, соответственно, другое общее название для "свекрови" и "тещи" - молд. соакра, арм. *vosagj*. Правда, при необходимости эти слова могут получать детерминацию для уточнения, о чьих же родителях идет речь - супруга или супруги: сокру маре "свекор", но сокру мик "тестя", соакра маре "свекровь", но соакра микэ "теща"⁴.

Однако неразличение особыми лексическими средствами понятий "свекра" и "тестя" распространилось и в отдельных говорах украинского языка, контактировавших с восточнороманскими. Например, в Раховском районе Закарпатской области УССР в отдельных населенных пунктах "свекровь" и "теща" называются одним словом — теща. Там же для наименования свекра и тестя пользуются единственным термином — тесть⁵. Об интерференционном характере подобной восточноромано-украинской изосемии в этом районе сомневаться не приходится, но любопытно другое — она наблюдается и в других районах Закарпатья, например, в Свалявском районе.

С другой стороны, венгерскому языку также не чуждо это явление: арóв равным образом обозначает и "свекра" и "тестя", а анóв — и "свекровь" и "тещу". В украинских говорах, контактировавших с венгерским языком, наблюдается и иная внутренняя форма при передаче той же структурной черты лексики — для обозначения понятий "отец супруга или супруги", "мать супруга или супруги" используются однословные термины старий, стара.

Межъязыковая изосемия, как правило, касается не только одного слова, в случае наличия у него синонимов она передается всему синонимическому ряду. Так, если молд. глагол а се принде "ловиться" помимо своего основного значения приобрел и дополнительное — "створаживаться" (о молоке), то в билингвистической зоне его украинское соответствие ловитися также приобретает это дополнительное значение⁶.

Однако процесс семантической интерференции на этом не останавливается, он затрагивает и другие слова, семантика которых хотя бы частично совпадает с семантикой молд. а се принде. Например, в буковинских говорах значение "ловить" передается архаичным глаголом їмити: Хлопчики бігали по толоці та й їмили оден одсно. Гей, хто мене їме, тому буду пасти до вечіра корову⁷. Но по образцу а се принде "створаживаться" билингвы образовали соответствующую украинскую форму — їмитися: Молоко їмеси борзо у хоромах, бо там тепло. Лиш рано наїдила молока у гладун, а воно вже їмилоси. Аби борзо молоко їмилоси, кладеси на тепло⁸. Более того, наподобие молдавскому причастию принс (ср. лапте принс) украинское причастию їмлений приобрело то же значение: їмлене молоко мині смашніше, як таке⁹.

В украинском языке синонимом глагола зловити выступает злапати¹⁰. На основе идентификации основных значений слов молдавского а принде и украинского злапати в буковинских говорах украинский глагол усложнил свою семантическую структуру под влиянием молдавского: Мині аби на завтра молоко злапалося, то добри би було¹¹.

Глагол а се принде имеет еще одно производное значение - "приклеиваться, прилипнуть, приставать". Именно это значение и было передано в буковинских говорах украинским глаголам злапатися (Бірши клею ни траба, воно й так злапаеси. Чорнило як злапало, то вже нічим не віпиреш) и зловитися (Мітки в чирьбоному зловилися файно)¹².

Таким образом, все члены синонимического ряда ловити - лімити - злапати в двуязычном районе так или иначе изменили свою семантическую структуру под влиянием соответствующего слова интерферирующего языка.

К сказанному выше следует добавить, что межъязыковая изоляция в говорах карпатского ареала наблюдается гораздо чаще, чем об этом можно думать. В качестве примера вернемся к названиям птицы *Troglodytes troglodytes*. Помимо приведенных наименований литературных языков говорам известно буквально множество иных названий. Так, в украинских говорах зафиксированы термины: зводитель, зводій (от глагола зводити "обманывать"), дурійчик, дурисвіт, дурибаба, дурихлопчик (от глагола дурити с тем же значением), облуда, блудник (ср. облуда "лицемерие")¹³. В романских говорах Южной Буковины и северной части Молдовы (запрутской) существует название той же птички в форме *amăgitoare* (к сожалению, нам неизвестны ее наименования на территории МССР). Нет сомнения, что данное название образовано по типу украинской модели, возникшей на основе наблюдения, что птица допускает человека к себе на очень близкое расстояние, но никогда не дает себя поймать, другими словами, она обманывает.

В Южной Буковине зафиксировано и название *cioclejel* (от *cioclej* "кукурузный стебель"). В северной запрутской Молдове известно название *gătejel* (от *gătej* "забор"), там же и в Южной Буковине и на Марамуреше записано название *gărdurar* (от *gard* "хворост"). Все эти названия связаны с предметами, из которых изготавливаются заборы в данных районах. С этой точки зрения данные

наименования подобны украинским ломівник, ломак, лімчук, ломачок, ломик, зломча, ломовий король, ломовий корольик, распространенным в западных говорах. Приведенные украинские слова связаны с лексемой лом "бурелом". Б.Гринченко уточнил, что "ломом называются большие деревья (омереки) с ветвями, поваленные вдоль границ земельного участка в м е с т о о г о р о ж и"¹⁴. Любопытно, что и немецкое наименование данной птички связано с забором - Zaun-könig букв. "король забора".

Другая группа украинских названий Troglodytes troglodytes - тріскопліт, поплоток, поплітник, плотик, стрілипліт - связана с производными от глагола плести: плетінь, пліт. Интересно, что дерева, из которой выращивают живые изгороди в Молдавии и на Украине, называется в западных говорах украинского языка плетих. Таким образом, семантическая фигура плетих - плотик почти идентична с семантической фигурой кэтина - кэтинар, известной в молдавских говорах. Сюда же отнесен и украинское название форостітник. Наконец, и украинское название той же птички ріждак, ріждак происходит от слова різня "отрубленные при подчистке деревьев веточки"¹⁵.

Следовательно, ареал такой внутренней формы (мотивированности) наименования охватывает Западную Украину, Молдавию, северную Румынию и, надо полагать, простирается дальше на запад. Можно ожидать ее появление в словацких, польских, венгерских и немецких говорах. Следы ее находятся и на юге, ср. србхрв. грмар, грмалић (при грмље "кустарник, хвост"), живичнь ак (живик "живая изгородь"). В то же время румынский литературный язык и румынские говоры южных Карпат пользуются для наименования Troglodytes troglodytes словом, имеющим новую внутреннюю форму - pitulice. Молдавские словари регистрируют слово питуличе, но обозначают им малиновку. Правда, русско-молдавский словарь переводит термин малиновка словом прихор. Здесь, очевидно, отсутствие последовательности.

К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем привести другие, столь же красноречивые примеры межъязыковой изосемии. Но как бы там ни было, наименования, образованные от разных корней при сходной мотивированности, объединяются в ареалы единых внутренних форм. Они объединяются смысловой стороной морфологических элементов, используемых для деривации. При этом ареалы та-

ких внутрішніх форм часто виходять за межі говорів одного язика, захоплюючи територію інших язиків, де відповідні названня мають аналогічну внутрішню форму. Неперервність ареала даної внутрішньої форми передполагає можливість існування центра, з якого вона іррадіювала, минуя язикові межі з помістю білінгвізма пограничних зон.

Це спостереження стосується не тільки названь *Troglodytes troglodytes* і інших орнітологічних названь, воно стосується до різного лексического матеріалу. По тому нам представляється необхідним включити в опитний атлас Карпатського атласу питання, преследуючі цілю установити наявність міжязикової ітосемії в язиках карпатського ареала.

Примечания

1 См., например, Семчинський і С. В. Мімовна із семітисемантичні запозичення українського походження в румунській мові. — В об.: "Українська культура в її Ітернаціональних зв'язках. Тези доповідей І повідомлень Восьмої Української олівістичної конференції". Київ, 1971, с.60-62.

2 Вăсєєсѹ М. *Păsările în nomenclatura și viața poporului român*, ЕА, р.315.

3 Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, с.118-128.

4 Ср.: *Scurtu V. Termenii de înrudire în limba română*. Бис., 1966, с.201-203.

5 Дзендзелівський Й. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика), частина 2. Ужгород, 1960, карти № 150-152.

6 Это семантическое заимствование уже отмечено Э. Врание. *Vrabie E. Stadiul actual și sarcinile cercetării graiurilor slave din Republica Populară Română*. "Romanoslavica", VII, 1963, р.65.

7 "Матеріали до словника буковинських говірок", вип.3. Чернівці, 1972, с.82, 84.

8 Там же, с.83-85.

9 Там же, с.83.

10 Словник української мови, т.Ш. Київ, 1972, с.587.

- II "Матеріали...", с.70.
- І2 Т а м ж е.
- І3 Словник української мови, т.У. Київ, 1974, с.529.
- І4 Г р ї н ч е н к о Б. Словарь української мови. Т.П,
с. 369; разрядна наша - С.С.
- І5 Т а м ж е, т.IV, с.22.

П. Ондрус (Братислава)

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА СЛОВ ДЛЯ ВОПРОСНИКА
"ОБЩЕКАРПАТСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА"

Если мы хотим определить принципы отбора слов для "Общекарпатского диалектологического атласа" (ОКДА), а значит и для вопросника ОКДА, следует установить основные характерные черты ОКДА.

Одной из основных черт атласа является то, что он носит общекарпатский характер. Из этого вытекает, что материал для него будет собираться из тех языков, которые исторически и в географическом аспекте тесно связаны с карпатской языковой областью. Поэтому прежде всего будут учитываться те языки карпатской области, которые тяготеют к историческому центру этого ареала. В настоящее время такими языками следует считать чешский, словацкий, польский, украинский, молдавский, румынский и венгерский. Этим не исключается тяготение языков, соседящими с языками указанного комплекса национальных языков обширной карпатской области. Историко-географические рамки области будущего обследования выдвигают задачу принципиального установления границ сбора материала для ОКДА¹.

Существенной чертой атласа является то, что это атлас диалектологический. Это имеет принципиальное значение. Если бы атлас был определен как атлас национальных языков карпато-дунайского ареала, то задачи его составителей были бы необычайно сложными, т.к. в таком случае нужно было бы учитывать факты не только территориальных диалектов отдельных национальных языков карпатской области, но и наддиалектных формаций национальных языков² данного ареала: элементы литературных языков, сленгов, арго и т.д.³. Из принципиальной установки о том, что атлас явля-

ется диалектологическим, естественно вытекает определение того, какой материал будет собираться и обрабатываться в ОКДА. В него будут включаться результаты обследования территориальных диалектов⁴. Если учесть, что в ОКДА не будут рассматриваться фонетика, морфология и синтаксис, окажется, что цель и задача составителей будет относительно узкой: будет собираться лексический материал из местных диалектов национальных языков карпато-дунайской области. Исходя из того, что к региональному диалектному словарю относятся слова, которые используются в территориальных говорах, при обследовании и сопоставлении диалектов национальных языков карпатского ареала следует учитывать терминологические названия ремесел и домашнего производства. Имена собственные могли бы составителями ОКДА не учитываться, кроме тех случаев, когда они функционируют как имена нарицательные или как наименования, выступающие в рамках фразеологического оборота⁵. С теоретической точки зрения спорно включение в программу ОКДА явлений словообразовательного плана. Однако, например, кальки в отдельных территориальных диалектах национальных языков карпатского ареала говорят за то, что в ОКДА могли бы исследоваться и словообразовательные явления. С этнографами собиратели материала для ОКДА больше всего облежались при фиксировании диалектной терминологии ремесел и домашнего производства, духовной и материальной культуры носителей диалектов национальных языков карпатской области⁶.

Специфическую черту ОКДА составляет также то, что при толковании языковых фактов проявляется исторический - ретроспективный - взгляд. В связи с этим необходимо осветить два вопроса: во-первых, как понимать здесь ретроспективность, во-вторых, как понимать взаимоотношение диалектов родственных и неродственных языков карпато-дунайского ареала.

В диалектологии национальных языков карпато-дунайского ареала до сих пор больше уделялось внимания наиболее стабильным, традиционным элементам. Поэтому описание диалектов указанных национальных языков дает картину развития языковой основы, которая в процессе эволюции, хотя и обрела своеобразные черты, все же до сегодняшнего дня сохранила свой первичный характер. Этот недостаток не может сгладить то, что в последнее время делается упор на описание территориальных диалектов в системе. Дело в том, что выдвигание на первый план при изучении диалектов данной группы национальных языков традиционных элементов привело диалекто-

гов к отказу от исследования современных живых изменений в говорах: тем самым был сужен круг вопросов, которые должны были бы описываться в диалектологических работах, а диалектология приобрела характер чисто ретроспективной дисциплины. Способ собирания диалектного материала также был предопределен ретроспективным изучением территориальных говоров. Этим же был обусловлен и подбор информаторов: они необязательно должны были быть грамотными, а должны были быть такими, которые "не ходили по свету". Исследователь выбирал именно такого информатора потому, что это давало возможность собирать традиционный для описания фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и т.д. материал. Однако в странах карпатского региона еще до победы социализма в деревне подобный подбор информаторов и ретроспективное описание диалектов были односторонними, т.е. деревня была более или менее дифференцированной в языковом и социальном отношениях. Изменение языковой ситуации в социалистической деревне требует нового подхода к изучению и обработке диалектного материала, нового способа подбора информаторов: для всестороннего системного описания диалекта необходимо записывать не только речь представителей типичного, традиционного говора, но и представителей так называемого "расшатанного" территориального диалекта. От последних удастся собрать — если говорить о лексике — и неологизмы типа *mechanizátor, bagrista, kombajn* и т.д., встречающиеся в отдельных говорах национальных языков карпатской области. Как правило, это заимствования из современных литературных языков, свидетельствующие о новом укладе жизни и способе производства в период социализма. Конечно, мы знаем, что только тогда, когда в нашем распоряжении будет материал, на основе которого можно будет описать говоры не только ретроспективно, но и перспективно, т.е. с точки зрения их развития в будущем, мы сможем выполнить действительно всестороннее описание местных говоров. Но так как ОКДА опирается на ретроспективное описание территориальных диалектов национальных языков карпатской области, неологизмы указанного выше типа не будут учитываться при отборе слов для словарника ОКДА. Из-за ретроспективного характера ОКДА для него чрезвычайно большое значение будут иметь прежде всего слова, которые обозначают явления и предметы старой, традиционной жизни, архаизмы, существующие в настоящее время как пережиток прошлого, слова, которые теперь в живых языках карпатского ареала уже не существуют, но которые современные носители говоров на-

циональных языков еще помнят. Так следует понимать ретроспективный, исторический аспект, характерный для ОКДА⁷. О ретроспективным характером ОКДА непосредственно связан еще один вопрос: проблематика взаимного влияния диалектов родственных и неродственных языков данного ареала, в соответствии с чем будет собираться и сравниваться лексический материал из территориальных диалектов отдельных национальных языков.

При сопоставлении лексических единиц в плане формальном и смысловом необходимо исходить из того, что мы имеем дело с лексическим материалом последнего периода досоциалистической деревни в отдельных социалистических странах, расположенных на интересующей нас территории. Снова подчеркиваем, что прежде всего нас будет интересовать языковая ситуация в отдельных территориальных диалектах периода, непосредственно предшествовавшего установлению социализма и социалистических отношений в деревне, а не положение в литературных языках, сленгах, арго и т.д. Современное состояние, совпадения в лексике, особенно в диалектах неродственных языков данной области, являются результатом длительного процесса взаимного влияния диалектов этих языков, имеющего в своем развитии ряд этапов и фаз. При наличии достаточного количества доказательного материала для объяснения взаимовлияния диалектов в последний период досоциалистического общества (и другого исторического материала) можно относительно надежно реконструировать взаимное влияние диалектов родственных и неродственных национальных языков: подобное описание взаимного влияния диалектов может явиться одновременно более прочной основой для толкования лексических заимствований в диалектах языков карпато-дунайской области, значительно более прочной, чем старая теория субстрата, суперстрата и т.д. Интерпретация заимствованных элементов на основе теории субстрата и т.п. является менее надежной потому, что при ней исходят из доисторического состояния и объяснения взаимовлияния после исчезновения одного из языков, участвовавшего в процессе взаимодействия⁸. Конечно, некоторые лексические элементы диалектов карпатской языковой области следует изучать и на основе теории субстрата. Возможность интерпретации лексических и семантических заимствований как с позиции субстрата и т.п., так и с позиции теории взаимного влияния (=интерференции) диалектов родственных и неродственных языков⁹ подчеркивает ретроспективный характер ОКДА и находится с ним в полном соответствии.

Первая международная конференция, посвященная ОКДА, определила цель его создания, обозначила объем вопросов, связанных со сбором и обработкой материала для ОКДА. Вторая международная конференция по ОКДА установила этапы обработки материалов, собираемых по отдельным диалектам национальных языков карпато-дунайской области, вплоть до их полной публикации.

На первом этапе — до созыва третьей международной конференции — перед участниками работы была поставлена задача произвести выборку из имеющихся опубликованных трудов и архивных материалов таких лексических единиц, которые соотносятся в пределах карпатской языковой области. Подходящими источниками для получения этой предварительной информации были признаны диалектологические атласы, этимологические, региональные и локальные словари национальных языков карпато-дунайской области.

На основе вышесказанного попытаемся наметить аспекты, которые необходимо учитывать при отборе слов из полученного таким путем предварительного материала и определить, какие слова должны были бы войти в вопросник ОКДА.

I. Некоторые лингвисты утверждают, что при отборе слов для ОКДА решающим является узко географический аспект, что в ОКДА должны включаться слова, встречающиеся в области Карпат, понимаемой географически. Против такого узко географического подхода свидетельствует наличие многих слов в южных среднесловацких диалектах на территории Словацкой Социалистической Республики. Слова типа *hrat'* 'танцевать', *zavřít'* 'закончить', *znoj* 'пот', *iskat'* 'искать' встречаются именно на юге Средней Словакии, отдаленной от карпатской дуги. Вместе с тем данные слова с указанным значением до сих пор встречаются в юго-западных украинских диалектах, в одном из так называемых центров карпатизмов¹⁰. С исторической точки зрения эта юго-западная часть Украины может считаться окраинной областью прародины славян. Таким образом, при отборе слов для ОКДА важен не только географический, но и исторический аспект. Значимость исторического аспекта подтверждают этимологические словари, освещающие предысторию лексики национальных языков карпато-дунайского ареала. Надежным источником отбора слов для ОКДА являются также исторические и топонимические словари указанных национальных языков, не говоря уже об исследованиях, статьях и заметках по этимологии и истории слов и по диалектной топонимике отдельных национальных языков, а также о работах, посвященных проблематике взаимовлияния диалектов разных языков.

2. При отборе слов для ОКДА важным является также социально-языковой аспект. Это означает, что в вопросник ОКДА не должны входить слова из социальных диалектов, т.е. слова-арготизмы, слова, принадлежащие сленгам и жаргонам, а также слова из литературных языков. Дело в том, что для ОКДА должны отбираться только слова из территориальных диалектов отдельных национальных языков карпато-дунайского ареала. Поскольку терминология ремесел и домашнего производства, а также терминология, связанная с духовной и материальной культурой носителей говора, входит в состав словаря территориальных диалектов, постольку этот слой должен войти в вопросник ОКДА. Из имен собственных сюда войдут только те, которые функционируют как имена нарицательные.

3. Конечно, при отборе слов для вопросника ОКДА и для ОКДА нельзя обойти лингвогеографический аспект. Этот аспект учитывается уже при отборе слов для вопросника диалектологического атласа и для самого атласа, независимо от его характера. Однако в силу ряда причин диалектологические атласы при отборе слов для вопросника ОКДА и для ОКДА не могут использоваться в полной мере. Известно, что вопросники диалектологических атласов отдельных национальных языков значительно отличаются друг от друга, а отбор слов для них производится, исходя из специфических свойств данного национального языка. Кроме того, на карты диалектологических атласов не попадают такие слова, которые распространены на всей территории соответствующего национального языка, т.к. они не представляют интереса для атласа. Из этого однако не следует, что на слова, которые не важны для атласа, не нужно обращать внимания при их включении в более широкий контекст, например, в рамки атласа языков карпато-дунайской области. Например, слово *haj* в словацком диалектологическом атласе не картографируется. Но в карпатском языковом ареале оно выступает как карпатизм. На ограниченные возможности использования диалектологических атласов национальных языков при отборе слов для ОКДА (и других "наднациональных" атласов) указывает и тот факт, что и для "Карпатского диалектологического атласа" (М., 1967), и для будущего "Общеславянского лингвистического атласа" были разработаны новые "наднациональные" вопросники, на базе которых потом одновременно и по единой методике был начат сбор нового диалектного материала. Таким образом, были разработаны вопросники, базирующиеся на иных принципах, чем все вопросники диалектологических атласов национальных языков карпато-дунайской об-

ласти. Наиболее надежным источником отбора слов для ОҚДА являются диалектные словари национальных языков данного региона. Путем их сопоставления удастся надежно определить, какие диалектные эквиваленты имеет в говорах других языков диалектное слово, обозначающее тот же предмет, то же понятие или явление, выступающее в том же значении. Мы имеем в виду слова типа *lúcat'* (в словацком литературном языке — 'бросать'), *metat'* (лит. 'бросать'), *pravú* (лит. 'прямой, ровный') и т.д. Эти слова в подобной форме и с тем же значением встречаются и в некоторых других национальных языках карпато-дунайского ареала.

Таковы наиболее важные аспекты отбора слов для ОҚДА и для его вопросника.

Перевод со словацкого
Л. Н. Смирнова

Примечания

- 1 Ср.: Бернштейн С. Б. Вопросы интерференции языков карпато-дунайского ареала. — В кн.: "Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, с. 5-7.
- 2 Ср.: Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, с. 3-5, 78-91.
- 3 Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 478-501 (там же указана и другая литература о социальных диалектах).
- 4 Коготкова Т. С. К вопросу о производственно-профессиональной лексике говора и соотношении ее с терминологической лексикой литературного языка. — В кн.: Диалектная лексика. М., 1969. Л., 1971, с. 4.
- 5 Карась М. Словарь польских говоров. — ВЯ, 1963, № 4, с. 93.
- 6 Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
- 7 На необходимость изучения говоров в социалистической деревне указывает Л. И. Бараникова (Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967).
- 8 Ср.: Бернштейн С. Б. Интерференция языков карпатского ареала. — В сб.: Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974, с. 4.
- 9 Ondruš P. Triedenie a hodnotenie javov vzájomného vplyvu nárečí príbuzných a nepríbuzných jazykov. — Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. XI-XII. Bratislava, 1962, с. 3-26.

А. Заремба (Краков)

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД ПОЛЬСКИМ ВАРИАНТОМ ВОПРОСНИКА
"ОБЩЕКАРПАТСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА"

В самом начале я хотел бы обосновать выбор темы моей статьи: речь идет о важности вопросника как основного инструмента исследования. В связи с этим представляется необходимым обсудить ряд теоретических проблем и практических выводов и замечаний. Перейду к основным принципам.

I. Во-первых, речь должна идти о тематическом объеме вопросника, который предполагает выбор языковых явлений и понятий, выступающих в карпатском ареале и связанных с явлениями специфически карпатской культуры. Одним из критериев, которым, мне кажется, следует руководствоваться, является ограничение вопросника теми рамками, которые были определены на Братиславском совещании по "Общекарпатскому диалектологическому атласу" (май 1974 г.). Имелось в виду, что будущий вопросник будет содержать вопросы по лексике и семантике. Изучение лексики и семантики непосредственно связано с реалиями и, шире, с карпатской культурой, в то время, как фонетические и грамматические явления не предполагают обязательной связи с определенным типом культуры. Изучение фонетики и грамматики, несомненно, важно, так как оно дает возможность установить географические границы тех или иных явлений. Но это особый вопрос, вопрос, скорее, монографического изучения, основой для которого может служить собранный лексический материал или магнитофонные записи в отдельных пунктах.

При работе над вопросником можно выделить три этапа:

а) составление реестра (списка) реалий, т.е. выбор типичных фактов, явлений народной карпатской культуры, в результате чего возникает вопросник с основными тематическими разделами;

б) составление реестра слов на основе существующих диалектологических и этнографических монографий, атласов и т.д., материалы которых записаны в различных районах карпатского ареала;

в) составление реестра топонимов карпатского ареала.

Указанные этапы работы в основном могут быть выполнены на базе уже имеющихся лингвистических и этнографических публикаций. Так, для польского варианта вопросника используются важнейшие лингвистические работы, прежде всего атласы и диалектные словари. Например: М. М а ł е с к и, К. N i t с а с h. Atlas językowy polskiego Podkarpacka (Kraków, 1934 - AJPP), Mały atlas gwar polskich (I-XIII, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1957 - 1970 - MAGP), A. Z a r ę b a. Atlas językowy Śląska (I-V. Kraków, 1969-1974 - AJS), Z. S t i e b e r. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny (I-VIII. Łódź, 1956-1964 - AJDL); ср. также: J. R i e g e r. Indeks wyrazów do "Atlasu językowego dawnej Łemkowszczyzny" Z. Stieberta. Łódź, 1966), кроме того, вопросники этих атласов, затем известный "Вопросник" В. Доросевичского (Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego, 1-4. Wrocław, 1958). Следует учитывать и материалы атласов более отдаленных территорий, как, например: J. T a r n а с к и. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie - Mazowsze) i Atlas językowy Polesia (Warszawa, 1939), Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich (Wrocław-Warszawa-Kraków, I-XI, 1964-1974 - AJK), K. D e j n а. Atlas gwarowy województwa Kieleckiego, I-VI, Łódź, 1962-1968), а также тематические словари: M. K u с а ł а. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich (Wrocław, 1957), A. Z a r ę b a. Słownictwo Niepołomic (В: "Prace i Materiały etnograficzne, t. X. Wrocław-Kraków, 1954, стр. 126-249), и далее словари: R. O l e с а с h. Der Wortschatz der polnischen Mundart von Sankt Annaberg (I-II Wiesbaden, 1958-1959), K. N i t с а с h. Dialekty polskie Śląska (Kraków, 1939), A. K e l l n e r. Východoláňská nářečí (I-II. Brno, 1946, 1949), A. Z a r ę b a. Słownik Starych Siólkowic w powiecie Opolskim (Kraków, 1960) и некоторые другие.

Все эти работы написаны польскими (или чешскими, как А. Келлнер) авторами о польских диалектах или диалектах пограничных областей (например, польско-украинской или польско-чешско-словацкой). При составлении вопросника используются обе группы исследований, т.к. слова и понятия, выступающие в непольских диалектах, можно затем обнаружить на польской языковой территории (и наоборот). Учет данных атласов предполагает использование не только вопросников, но и самих карт: если вопросник содержит иногда только понятие или одно слово, то карта отражает более полный материал. Ср., например, большое число слов, употребляе-

ных для обозначения одного понятия: 'село' - wieś, dziedzina, wiosło; 'скриня для зерна, деревянный ящик' - wazdek, wazdek, kielnia, fasz, wupani(e), wtruch, truhia, w(z)afarnia, pała, sołek, pudło, wuzek, tok и т.д.; 'пастух' - pasterz, wałach, owczarz и т.д. Это примеры на отдельные слова, для которых существуют еще и языковые (фонетические, словообразовательные и иные варианты).

Что касается этнографической литературы, то самым главным для нас является труд К. Мошинского "Славянская народная культура", особенно первый том "Материальная культура", но также и второй том "Духовная культура" (К. М о ш и н с к и. Kultura ludowa Słowian, I-II/1-2. Warszawa, 1967-8 - KLS). Затем очень важным для нашей проблематики является серия монографий: Państwo Tatr polskich i Podhala (I-VIII, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1959-1970 - РТРР), работы К. Добровольского (например, "Studia podhalańskie", в: РТРР, УИ, 1970, стр. 13-194), "Польский этнографический атлас" ("Polski atlas etnograficzny", red. J. Gajek, Wrocław. t. I, 1964) и т.д.

II. Каковы же результаты экскерции? Я говорю об этом потому, что таким образом можно информировать об отношении первоначального количества вопросов к позднему составу вопросника. Мы сталкиваемся с необходимостью значительного сокращения вопросника - процедура, необходимая при выработке вопросника любого атласа. Это сокращение должно осуществиться на следующем этапе работы. Пояню сказанное выше.

Вопросник AJPP содержит 1000 вопросов, MAGP - 400 (и, кроме того, 200 грамматических вопросов), AJS - 1200 (кроме того, несколько сот грамматических), KLS I - 500 (тематический индекс в этом труде насчитывает 1000 понятий, а польский индекс слов - 500 единиц). Всего - свыше 4000 вопросов, из них 1000-1500 являются общими, но и в этом случае список вопросов состоит из 2500-3000 слов и понятий. Разумеется, это очень много! А ведь, как указывалось, необходимы экскерции из многочисленных словарей, из отдельных томов РТРР. Все эти материалы могут дать еще несколько тысяч вопросов. Например, в 4-м томе РТРР имеется статья А. Шифер о пастушеской лексике Польских Татр и Подгале, в которой напечатан вопросник, содержащий 75 пунктов, 20 карт и масса некартографированных слов. Несомненно, что все эти сведения должны учитываться при составлении польского варианта вопросника. А вот другой пример, показывающий последствия расширенной экскерции: в том же 4-м томе РТРР опубликована статья:

Z. R a d w a ń s k a - P a r u s k a. Połskie nazwy góralskie gór-
lin Tatr i Podtatrza; словарь и индекс к ней содержит около 500
названий (а с фонетическими и другими вариантами - около 2000).

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что экскерция все-
го материала, если даже брать важнейшие труды, почти невозмож-
на. Во-первых, из-за огромного количества вопросов (превышающе-
го несколько тысяч), которые пришлось бы включить в вопросник.
Во-вторых, из-за излишней детализации содержания. Нельзя, на-
пример, получить от информаторов все названия растений, т.к. в на-
роде известны лишь основные, используемые в медицине. Кроме то-
го, существуют трудности в идентификации. Это же касается сбора
материала, излишне детализированного, из области зоологии, мате-
риальной культуры и т.д. Следовательно, необходимо очень осто-
рожно выбирать темы для вопросника и сами вопросы.

С другой стороны, для нас важно не упустить некоторые ти-
пичные для карпатской культуры слова. Отсюда следует, что в рам-
ках вопроса о той или иной реалии в скобках нужно давать слова,
означающие данную реалию в различных говорах. Таким образом мы
сможем собрать слова и их значения. Пример подобной формулиров-
ки вопроса: 'управляющий хозяйством в горном пастушестве' (что
значит: bac(z)a, wzaławnik, owczarz и т.д.?)".

III. Общие выводы.

А. Несомненно, что вопросник "Общекарпатского диалектоло-
гического атласа" должен быть большего объема, чем количество
предполагаемых карт, - это вытекает из опыта работы над всеми
атласами.

Б. Необходимо избегать слишком детализированных тем, как
уже говорилось выше, в отношении ботанической, зоологической и
т.п. терминологии. Нельзя чрезмерно увеличивать вопросник, ибо в
задачи атласа не входит детальное изучение этих и подобных им
разрядов лексики; они должны изучаться иными, монографическими,
методами.

В. Хотелось бы предложить составлять вопросник из двух час-
тей: общей и специальной. В общей части будут помещены от 500
до 800 вопросов. Ответы на них должны быть собраны во всех пунк-
тах сетки обследования карпатского атласа. Кроме того, следова-
ло бы выбрать некоторые темы, связанные со спецификой культуры
карпатской зоны, например, пастушество, обработка продуктов па-
стухства и т.д., и составить особый вопросник - 300-500 вопро-
сов. Этот вопросник целесообразно было бы проверить не только в

общей сетке пунктов, но и в специальной, сгущенной сетке. Это оправдано тем, что есть пункты, в которых нельзя сегодня получить ответы по всему вопроснику, т.к. некоторые традиционные явления народной культуры исчезли (например, ничего уже неизвестно о старой технике выращивания и переработки льна или конопли, об уходе за овцами, о пастушестве, о переработке овечьего молока и т.д.). Вместе с тем есть пункты, как это видно, например, на картах А.Шифер, в которых до сих пор старая народная культура жива. Таким образом, в общих пунктах удастся проверить общий вопросник (иногда даже и специальный), а в пунктах сгущенной сетки (в горных районах) можно получить ответы на специальный вопросник. Именно в таких пунктах можно будет собирать детали.

Проблемы, рассмотренные выше, возникают при работе над вопросником атласа любого языка. Они актуальны также и при создании общекарпатского вопросника.

Перевод с польского
М.И. Ермаковой

Г.П.Клепикова (Москва)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ
И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОГРАММЕ-ВОПРОСНИКЕ
"ОБЩЕКАРПАТСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА" I

Создание программы-вопросника ОКДА предполагает два основных направления работы. Во-первых, следует установить по возможности полный инвентарь лексем и, соответственно, выражаемых с их помощью семем; он позволит всесторонне изучить основные проблемы, решению которых призван служить будущий атлас, а именно — проблему интерференции языков и диалектов карпатского ареала и проблему выявления элементов, общих языкам карпатской и балканской зон, без чего немислима, например, стратификация языковых явлений в зоне Карпат и тем самым исчерпывающее описание (в синхронном и диахроническом планах) лингвистической ситуации в указанном районе. Во-вторых, поскольку очевидно, что в решении сформулированных таким образом задач важную роль должны

играть данные семантики, необходимо предусмотреть такое построение вопросов программы ОКДА, чтобы в результате обследования по ней диалектов карпатской зоны был бы получен надежный материал для детальной характеристики этой сферы языка.

Исследователи все более и более убеждаются в том, что традиционный "атомарный" подход к явлениям семантики, игнорирующий структурно-семантические связи лексем и выражающийся, в частности, в сборе диалектного материала исключительно по вопросам типа "от слова к значению" или "от значения к слову", не дает возможность получить сопоставимые факты; волествие этого описание целостной лексико-семантической системы (или ее фрагментов) в диалекте (группе диалектов) оказывается затрудненным. Диалектологи начинают все яснее понимать необходимость перехода к сбору материала методами, учитывающими достижения теории семантического (понятийного и под.) микрополя. Принципы построения микрополей могут быть различными.

I. Нам представляется перспективной методика, разработанная Н.И. Толстым, который определяет границы микрополя величиной семантической "амплитуды колебаний" той или иной лексемы, принимаемой за опорную, во всех привлекаемых для синхронного рассмотрения диалектах, и который, таким образом, предложил конструировать микрополе, основываясь на формально-генетическом тождестве лексем (т.е. с помощью чисто лингвистического критерия)². Это позволяет учитывать ряд релевантных и весьма прочных семантических связей, остающихся порой вне наблюдений исследователя при подходе к семантическому полю с точки зрения чистых понятий или предметных и семантических групп.

Эта методика была применена при составлении программы "Карпатского диалектологического атласа" (=КДА)³ и в дальнейшем при анкетировании по ней карпатоукраинских говоров. Известно, что вопросы программы КДА, как правило, содержат две части: прямую ("от слова к значению") и обратную ("от значения к слову"). Прямая часть позволяет установить семантическую амплитуду лексемы, а обратная — определить ее альтернанты в пределах очерченного семантического пространства. Практика работы над КДА и исследования, основанные на его материале, подтвердили эффективность сбора диалектных данных по сформулированным таким образом вопросам программы, которые, в сущности, могут рассматриваться как свернутое микрополе. Вместе с тем стала ясной и необходимость усовершенствования подачи вопросов, что, на наш взгляд,

должно быть учтено при составлении программы-вопросника ОКДА. Укажем следующие недостатки программы КДА.

1. Хотя в принципе традиционное построение вопросов позволяет собрать достоверный материал по некоторым разделам терминологической лексики, тем не менее следует признать, что в программе КДА слишком велико число вопросов без "обратной" (=семантической) части. Поэтому при разработке новой программы-вопросника надо стремиться к тому, чтобы в как можно большем числе вопросов был предусмотрен сбор альтернантов основной лексики — "карпатизма", что позволит определить их соотношение и роль в "обслуживании" определенного семантического микрополя. Это повысит качество анкетироваемого материала.

2) Может быть указана и недостаточная разработанность семантической части вопросов — часто указаны лишь некоторые из значительно более обширного в действительности набора семем. Например, вопрос № 282 формулируется в программе КДА так: "Ч.о. кiш: а) 'улей', б) 'короб для зерна', в) 'корзина', г) 'помещение во дворе для хранения початков'...?". В настоящее время семантика лексемы в карпатоукраинских говорах, в результате их семантического обследования, может быть описана более подробно: "+ко(i) ѝ:(I) 'корзина (вообще, большая ~, ~ с двумя ручками, ~ которую носят на спине, ~ для картофеля, ~ для корма скоту)', (2) 'помещение во дворе, где хранят початки; ~ для муки, зерна', (3) 'дымоход', (4) 'кузов воза (плетеный или обитый из досок)', (5) 'улей (плетеный)', (6) 'рыболовная снасть (вентерь)', (7) 'короб в мельнице для зерна (решето в мельнице для очистки зерна)'. Сложность семантики лексемы и релевантность в разных диалектах различных семантических дифференциальных признаков (=ДП) вызывает необходимость уяснить и четко представить их соотношение и связь с тем, чтобы обеспечить исчерпывающий сбор полевого материала. Очевидна полезность в этой ситуации построения семантического поля, позволяющего дать не только набор семем, но и их иерархию. Микрополе лексемы +kiš может иметь вид:

Набор семем микрополя лексем ⁺kiš

'корзина'		'помещение'					
'корзина (вообще)'		'сарай, где хранят початки'	'дымоход'	'кузов вагона, саней (плетенный, соитый из досок)'	'улей (плетенный)'	'рыболовная снасть'	'короб в мельнице для зерна'
'большая ~'	'~ для картофеля (и под.)'						
'~ с двумя ручками'	'~ для корма скоту'	'помещение для муки, зерна'					
'~ которую носят на спине'							'решето в мельнице'
'внешний вид'	'функция'						

Из сказанного выше следует, что будущую программу ОКДА необходимо дополнить не только за счет расширения "прямой" части вопроса, но и "обратной": ... "Как выражаются понятия (1) 'корзина (вообще)'; 'большая ~'; '~ с ручками'...), (2) 'сарай, где хранят початки', (3) 'дымоход', ... (7) 'короб в мельнице'; 'решето в мельнице (для очистки зерна)'...?". Очевидно также, что тщательная разработка семантической части вопросов программы ОКДА зависит от знакомства с возможно большим числом опубликованных в последнее время материалов (атласы, словари, монографии и т.д.), а также с рукописными материалами.

Решение проблемы формулировки семантической части вопросов программы ОКДА зависит и от степени допустимого дробления семантического объема той или иной лексемы (представленного в виде семантического микрополя), или - что то же - от допустимой степени "инвариантизации" значений, т.е. в конце концов от того, считать ли в с е ДП семемы равно релевантными для каждого диалекта исследуемого континуума или же рассматривать в качестве таковых лишь некоторые ДП, а остальные трактовать как нерелевантные, окказиональные.

Например, по данным КДА, семантический объем лексем ⁺staja может быть описан с помощью семантического микрополя следующим образом.

Набор семем микрополя лексемы *стаја

'пастуше- окая сто- янка на горном пастбище'	'помеше- ние (за- гон) для скота на горном пастби- ще'	'помещение на горном пастбище, где живут пастухи, бронзодель- и где де- лают брын- зу'	'часть поля, учас- ток земли'	'мера земли (точ- ная или при- бли- жи- тель- ная)'	'ряд ко- пен (ук- ла- док сно- пов)'	'уклад- ка ко- нусом (куку- рузы)'	'стая (волков, птиц и т.д.)' 'множе- ство (людей)'
'место пастуше- ской сто- янки ~'		'помещение ~ где делают брынзу'	'длин- ный ~'				
			'квад- рат- ный ~'				

Словесное выражение каждой семемы можно рассматривать как инвариантизацию частных значений, отмеченных в отдельных говорах. Основания и критерии указанной инвариантизации установить довольно трудно; во многом она осуществляется на интуитивном уровне. Можно с определенностью сказать, что она допустима, во-первых, когда тот или иной ДП рассматривается как избыточный. Так, в п.7 (КДА) — стаја 'з а о е я њ н ы й участок земли', в п. 5, 6 — 'большое в о п а х а н н о е поле'. ДП 'засеянный', 'вопаханный' входят как неперемный компонент в семему 'поле', поэтому семеме, содержащие указанные ДП, могут объединяться с семемами 'часть поля, участок земли'; напротив, семемы с признаком 'форма' ('длинный участок ~', 'квадратный ~') могут и не сводиться к инварианту 'часть поля'. Во-вторых, инвариантизация возможна, когда не существует постоянного, устойчивого соответствия между языковой и внеязыковой сегментацией, т.е. когда для обозначения известной комбинации семантических ДП лексема употребляется о к к а з и о н а л ь н о (ср. в п.54 — 'часть поля, которая к о с и т о я'). Ясно, что в определении того, является ли подобное употребление лексемы окказиональным, велика роль субъективной оценки ДП исследователем. Очевидно при этом, что чисто количественный критерий (фиксация семемы с определенными ДП в малом числе пунктов) нельзя считать достаточным. Например, семему 'укладка кукурузы в виде конуса' (п.59) мы не склонны трактовать как окказионализм, а, напротив, как результат вполне обычного семантического сдвига "общее ↔ частное" (↔ ... 'ряд

укладок снопов в поле' ←→ ... 'укладка снопов'...). Другим примером окказиональных употреблений лексемы 'staja' следовало бы считать и: 'мера земли - 120 м²' (п.3), '10 аров' (п.38), '5 га' (п.11); в качестве инварианта для них выступает, по нашему мнению 'мера земли (точная)'.
П. При построении семантического поля возможен и иной, онома-сиологический (вернее - сема-онома-сиологический) подход, когда за исходное принимается внелингвистический факт - группа реалем, объединяемая общностью функций (или некоторая совокупность понятий, группирующихся вокруг одного, представленного как обобщенное, понятия). Этот подход широко представлен в работах молдавских диалектологов, которые строятся на материалах "Молдавского лингвистического атласа" (=АЛМ). Как известно, онома-сиологический аспект широко учитывался в программе АЛМ.

Общим в методике построения микрополя на основании семантической амплитуды опорной лексемы и на основании онома-сиологического подхода является то, что конфигурация и число составляющих поле элементов устанавливается с помощью л и н г в и с т и ч е с к о г о критерия - наличия отдельных лексем для каждой семемы. Так, в книге В.Павела "Молдавская сельскохозяйственная терминология"⁴ различаются типы вил по следующим признакам: а) по материалу (железные, деревянные) и б) по числу зубьев (2-8); во внеязыковом, этнографическом аспекте релевантен и признак 'форма вил' (см. стр.88). Однако поскольку эта сегментация не находит соответствия в собственно лингвистическом плане, как это можно заключить из книги, то релевантными я з ы к о в ы м и ДП оказываются упомянутые выше два признака.

Существуют однако и важные различия между двумя методами. Помимо основного, - а именно противопоставление "чисто лингвистический подход" - "комбинированный (=сема-онома-сиологический)" укажем также следующие.

При первом методе возможно конструирование разнородных по семантическим ДП микрополей, включающих семемы различных предметно-понятийных сфер (регистров), и отражающих стадии семантического развития лексемы - не только изменения частного характера, единичные, но и изменения универсальные, фиксируемые на обширной территории. При использовании второго метода микрополе в п р и н ц и п е является однородным, включающим элементы, объединяемые общностью функционирования соответствующих реалем в одной и той же сфере (ср. названия видов токов в молдавских

диалектах — В. П а в е л. Указ. соч., стр. 99—100). Вследствие этого при первом методе возможна неоднородность микрополя и иного рода — "иерархическая", когда наряду с более общими семемами (родовыми) могут выделяться и частные (видовые). Напротив, при втором методе все элементы микрополя являются равноправными (ср. названия ви́л в: В. П а в е л. Указ. соч., стр. 95).

Нетрудно заметить, что семантическое поле, построенное по второму методу (дедуктивному), с одной стороны, может рассматриваться как частный случай поля, или его фрагментов, построенного по первому (индуктивному) методу. Но, с другой стороны, оно не может быть сведено к нему полностью, ибо число элементов, включаемых в сема-ономазиологическое поле, по крайней мере, на уровне составления программы для обследования диалектов, может быть больше. Сема-ономазиологический метод имеет, по сравнению с первым методом, ограниченное применение, но является весьма эффективным при изучении различных сторон замкнутых лексических групп, терминологических разрядов, содержащих множество функционально тождественных элементов. В этом плане может быть интересным исследование конкретной реализации не только общих, но и частных закономерностей отношений между внеязыковой и внутриязыковой сегментацией в известном континууме диалектов.

Поэтому нам кажется вполне обоснованным построение некоторых вопросов будущей программы ОКДА с учетом ономазиологического критерия. Следует сказать, что в известной мере последний уже использовался при составлении программы КДА. Например, при формулировке № 261 — "Ч.о. топориче...?" (ручка топора, мотыги, лопаты, ви́л, граблей и под.). Исследование карпатоукраинских говоров показало, что в них лексемы с корнем *topor= употребляются для обозначения ручек топора, мотыги, ви́л, лопаты; не отмечены они в качестве названий рукояток граблей, цепа, косы. Кажется, это дает основание переформулировать вопрос, исключив из него пункты, касающиеся указанных семем. Однако ономазиологический (а не чисто лингвистический) подход к этой всей совокупности семем, которые соответствуют группе реалем (объединенных общностью функции — 'ручка сельскохозяйственного и под. орудия') позволил установить, что в качестве генерализованного названия для ряда реалем выступают не только лексемы с корнем *topor=(ср. в п. 133: топориче 'ручка топора, мотыги, лопаты, ви́л'), но и лексемы с корнем *dъrž= (ср. в п. 114, 115: държ'эк 'ручка мотыги,

граблей, лопаты, вил, цепа'; в п. 134 - дёржано 'ручка топора, мотыги, граблей, вил, лопаты' - при отсутствии специального названия для ручки цепа). Более того: хотя в карпатоукраинских говорах, обследованных для КДА, 'ручка косы' выражается лишь лексемами с корнем *ков (с противопоставлением словообразовательных вариантов - kio'á, kiséuno и др.), соответствующий пункт вопроса № 261 не может быть исключен, так как в иных языках (диалектах) ареала возможно употребление однокоренных терминов при названии указанной реалии. Ср., например, рум.диал. toporişte 'ручка косы' (Марамуреш)⁵.

Кроме того, собранный в ономаσιологическом плане материал дает возможность синхронного изучения и типологического сопоставления связей, общих данной группе в целом, соотношение генерализующей и конкретизирующей тенденций в однотипных названиях, выявление закономерностей номинации в диалектном языке, а также степень продуктивности тех или иных словообразовательных моделей в определенном диалектном континууме, - как для названий с одним и тем же корнем, так и разнокоренных, и, кроме того, в названиях одних и тех же и различных орудий. Поэтому рассматриваемый вопрос программы может быть даже дополнен с целью сбора данных по названиям иных орудий (пилы, ножа и под.).

Процедура разработки вопросов программы ОКДА, где возможен учет ономаσιологического плана, должна состоять, с одной стороны, в привлечении всех засвидетельствованных в диалектных источниках значений (с их инвариантизацией, если это нужно), а, с другой, - в проверке и дополнении пунктами, с помощью которых могут быть собраны названия реально существующих предметов, объектов, функционирующих в одной и той же сфере жизни, производства. Например, в случае с лексемой *ков, безусловно, возможно и желательно ономаσιологическое дополнение фрагментов поля 'корзина', 'улей'. Для первого оно может касаться учета известных (по этнографическим и другим трудам) типов этой домашней утвари, а также разработки сходных разделов диалектологических вопросников (так, в программе АЛМ названиям разного рода корзины посвящены вопросы № 1533-1536, 1544-1547). Для семемы 'улей' ономаσιологическое дополнение может касаться введения пунктов для выявления названий примитивного (плетенного из соломы, обмазанного глиной и под.), современного (сбитого из досок) улья, а также улья, устроенного в дупле дерева.

Очевидно также, что включение в программу-вопросник ОКДА, например, лексемы *geleta потребует независимо от того, какие именно отмеченные в диалектологической литературе семемы попадут в поле зрения составителей, принципиального обращения к внеязыковому плану, — к инвентаризации реалий (в данном случае — различных видов ведер), для обозначения которых в карпатской зоне возможно использование указанной лексемы. В этом отношении опять-таки весьма полезным окажется вопросник АЛМ, где предусматривается, в частности, сбор названий для следующих предметов: а) (деревянное) ведро (у колодца), б) бадья для воды, в) (деревянное) ведро для доения коров (овец), г) деревянный подойник, д) ведро, которым наливают воду в бочку, е) помойное ведро (в котором дают корм свиньям) (№ 1515-1523).

Примечания

1 Ряд вопросов, связанных с построением программы ОКДА затронут также в нашем докладе на Международной конференции по ОКДА в Братиславе (май, 1971 г.); см. Хронику в "Советское славяноведение", 1974, № 6.

2 Толстой Н. И. Из опытов типологии славянского словесного состава. — ВЯ, 1963, № 1, с. 39-40.

3 Бернштейн С. Б. и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

4 Павел В. Терминология агрикола молдовеняскэ. Кишинэу, 1973.

5 Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureş, t. II. Cluj., 1973, карта № 424.

В. В. Корчмарь (Кишинев)

О ИЕРАРХИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА В ПРОГРАММЕ "ОБЩЕКАРПАТСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА"

В программах большинства из изученных нами атласов вопросы по выявлению семантики слова почти отсутствуют. Наличествующие вопросы такого типа сформулированы примерно следующим образом — "Значение и распространение такого-то слова". В отдельных случаях базой для выявления основной семантической нагрузки лексем

могут послужить комплексные лексико-семантические карты, которые составлены в рамках отдельной терминологической микросистемы. Однако следует заметить, что, во-первых, на таких картах представлена в основном предметная лексика; во-вторых, на них отсутствуют значения, выходящие за пределы данной терминологической микросистемы — переносные и другие семантические варианты лексем, которые могут представлять собой разные звенья, сдвиги в семантическом развитии слова, необходимые при объяснении мотивированности того или иного значения и т.д.

В программе-вопроснике "Общеславянского лингвистического атласа" (ОЛА) впервые было уделено особое внимание семантике слова. В первом варианте этого вопросника было включено 200 семантических вопросов, в окончательном — 156. Эта специфическая сторона данного вопросника была отчасти обусловлена тем, что с его помощью предусматривалось анкетировать материал близкородственных языков на обширной территории и естественно предполагалось, что отдельные исконные лексемы претерпевали значительные семантические изменения, расширяя свою семантическую сферу за счет внутренних и внешних языковых ресурсов. Принципы отбора слов для семантической части вопросника, методика формулировки соответствующих вопросов частично разработаны в статьях: С.Урбанчик — "Замечания о семантике в ОЛА", С.С.Утешены — "К изучению семантики слова в рамках ОЛА", Г.П.Клепикова — "Из опыта картографирования славянской лексики (в связи с проблемой семантического микрополя)", все они напечатаны в сборнике "Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу", вышедшем в 1968 г.

Позднее, в 1972 г., на базе собранного материала по семантической части вопросника, в одном из сборников вышеупомянутой серии был опубликован ряд статей, среди которых особо отметим статьи "К семантической характеристике болгарского мька" Г.К.Венедиктова и "Соотношение предметно-семантических и формально-структуральных элементов" В.П.Поляновского. В этих статьях не только интерпретируется конкретный материал, но также выдвигается ряд ценных предложений, призванных дополнить и усовершенствовать семантическую часть вопросника.

Вышеуказанные статьи, а также сам вопросник ОЛА в большой степени определили методологическую направленность настоящего проекта программы ОКЛА.

Семантическая нагрузка большей части включенных в программу слов была выявлена на основе эмпирических данных, которыми располагают составители программы, анкетировавшие для "Молдавского лингвистического атласа" (АЛМ) и собравшие дополнительные материалы к определенным тематическим подгруппам. Таким образом, имелась возможность максимально сопоставить фактологический материал.

Кроме того, чтобы уточнить специфические черты интересующего нас материала в карпатском ареале, были использованы данные из некоторых лингвистических атласов, монографий, статей, а также из ряда этнографических работ, освещающих те или иные стороны материальной культуры района Карпат. Слова и значения, отобранные таким путем, крайне важны для выявления общих моментов в семантическом развитии того или иного слова, для восстановления промежуточных звеньев между узловыми значениями слов с еще не выясненной этимологией и т.д.

Ниже проанализируем лишь один аспект настоящего проекта программы, а именно семантическую иерархию лексем.

1. Первое, на что было обращено внимание при подаче семантических единиц полисемантических слов в программе, — это четкое разграничение общего, родового значения от ряда видовых значений. См. семантику слов бач, валах, хайдэу, тырлэ, окол, манэ, рынэзэ, бяркэ, мынзарэ, марфе, хриб и чуперкэ в "Индекс". Разграничение родовых и видовых значений позволит выявить при анкетировании материала реальную языковую сегментацию внеязыковой действительности носителями того или иного языка, диалекта, группы говоров или отдельного говора. В прилагаемой схеме даны четыре возможных варианта такой сегментации, когда некоторые значения, в том числе и общее значение отдельного слова не релевантны для определенного ареала, т.к. не знакомы носителям говора, диалекта и т.л.

2. При подаче семантических единиц в программе было уделено внимание и отношениям между исконными и производными значениями. В тех случаях, где деривационные значения записаны после исконного значения, можно проследить их метонимический переход от части к целому. Ср. струнгэ, комарник, бузэ, образ и т.д. ("Индекс" с. 158, 159, 179). Этот критерий можно назвать этимологическим, т.к. значения слова приведены в логической последовательности.

I

Общее значение			
Видовые значения			
1	2	3	4

II

Общее значение			
Видовые значения			
1	2	3	4

III

Общее значение			
Видовые значения			

IV

Общее значение			
Видовые значения			
1	2	3	4

Типы языковой сегментации внеязыковой действительности

Такой исторический подход к семантике слова, который необходим при интерпретации семантических карт, при семантическом анализе слов, отходит на второй план при составлении программы-вопросника, когда первостепенное значение приобретает принцип распространенности того или иного значения отдельного слова. Нарушая логическую последовательность значений, на первое место необходимо выдвинуть самые встречаемые значения слова; так, например, были составлены семантические гнезда лексем невеста, магирян, пэлант, недражъ и хотар ("Индекс", с. 172, 174, 175, 180), где общие значения данных слов записаны на последнем месте, но вопросы такого типа малочисленны, что объясняется, например, отсутствием источников, в которых значения избранных нами слов были бы достаточно локализованы.

3. В процессе оформления вопросов для слов с широкой семантической сферой, таких как ватра, плай и др., можно было заметить, что не все приведенные значения одинаково подчинены локонному значению. Семантика этих слов настолько разветвлена, что образует несколько цепей значений, в качестве начальных звеньев которых выступают узловые значения данных слов. Например, слово ватра имеет в молдавских говорах следующие значения:

I. 'Огонь'; 'пламя'; 'большая свеча'.

II. 'Место, где горел ритуальный "живой огонь" или костер пастухов'; 'место стоянки отары'; 'загон в котором стоят овцы'; 'лужайка, поляна'.

Ш. 'Очаг'; 'ступенька, выступ перед печкой'; 'лежанка'; 'нижняя часть кузнечной печи'.

ЛУ. 'Центральная оама дровяная часть оела'; 'место, где строится дом'; 'родное оело, место рождения'.

4. Считаемо вполне обоснованным порядок, при котором переносные значения, или аппелятивы, перешедшие в класс топонимов, приведены в конце семантических гнезд.

5. В тематические подгруппы "Скотородство" и "Предметы домашнего обихода" включены термины, обозначающие предметы, идентичные по форме, по материалу, из которых они изготовлены, но различные по их значению или наоборот: барыница, геляте, чутуре, гъоб, доница, кофа и боте. Функциональные дефиниции этих терминов должны сопровождаться рисунками, в противном случае информатор не поймет, о каком именно предмете его спрашивают. Это поможет выявлению ассоциативных связей между терминами, обозначающих различные предметы, а также выявлению ряда дифференциальных признаков, нашедших отражение в лексико-семантической системе языка.

П.Н.Лизанец (Ужгород)

МЕСТО ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ (СИНОНИМОВ) В "ОБЩЕКАРПАТСКОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ"

Большим недостатком существующих общенациональных и региональных атласов является отсутствие или же очень бедное представление на лингвистических картах лексических параллелизмов (синонимов). Выявление лексических параллелей между родственными и неродственными языками, как правильно отмечал М.И.Снышкевич¹, имеет значение не только для языкознания. Оно зачастую представляет интерес также с этнологической стороны, поскольку бросает яркий свет на качество и характер произведений древней материальной культуры. Исходя из этого, считаем необходимым нанесение на лингвистические карты "Общекарпатского диалектологического атласа" лексических параллелизмов (синонимов).

Приступая к работе над "Общекарпатским диалектологическим атласом", мы должны провести очень трудоемкую предварительную

работу по выявлению лексических параллелизмов (синонимов); в частности, составители программы-вопросника должны хорошо ознакомиться с лексическим богатством украинских говоров карпатского ареала, выявить лексические параллелизмы и включить их в вопросник. После составления программы-вопросника анкетатор должен удачно подобрать информаторов по возрасту, полу и языковому чутью, а также четко ставить вопросы на выявление синонимов. Без подробного знакомства с синонимическим богатством украинских говоров карпатского ареала собрать и сгруппировать синонимические гнезда слов просто невозможно, ибо значительная часть информаторов, указывая на определенное понятие, ограничивается одним его названием: лексического дублета или не знает, или же не считает нужным его назвать. Так, например, до 1945 года в Закарпатье для обозначения 'чая' употреблялось название тий (м.р.) и ти́я (ж.р.). За годы Советской власти этот напиток так широко вошел в быт людей, что никто из информаторов, даже люди старшего поколения, на наш вопрос, как называется этот напиток сейчас и как назывался он раньше, не дали его старого названия, а лишь новое - чай. Только после наводящих вопросов и бесед с носителями говора нам удалось зафиксировать и старые названия. Если бы в программе-вопроснике старого наименования не было и самому анкетатору оно было бы неизвестно, тогда названий тий (ти́я) так и осталось бы не зафиксированным и утерянным для науки. Анкетатор должен провести также большую работу по выявлению семантических оттенков синонимических пар. Так, например, на территории украинских говоров Закарпатья бытует синонимическая пара бл'аха и бадог' (бадога). В Виноградовском районе - это абсолютные синонимы, однако уже в Хустском районе между ними имеется определенное семантическое отличие: бл'аха - 'обыкновенная жесь, ржавеющая жесь, которую используют для изготовления различных предметов, сохраняющихся в сухом месте', а бадог' (бадога) - 'нержавеющая жесь, цинковая кровельная жесь'. Есть и целый ряд других трудностей, с которыми сталкивается собиратель лексики и в первую очередь лексических параллелизмов (синонимов).

Лексические параллелизмы, как правило, используются в языке наряду с другими словами, которые уже раньше выражали эти понятия, образуя синонимический ряд. Можно выделить следующие группы синонимических пар (параллелизмов):

I. Традиционные слова, из которых одно является более старым, а второе сравнительно новым. Эти слова в большинстве слу-

чаев не являются абсолютными синонимами, а вносят определенный оттенок в семантику обозначаемых понятий. Например: плѣта и одѣжа. На Иршавщине распространена эта синонимическая пара, однако информаторы указывают, что наименование одѣжа (od'ia) более древнее. На Иршавщине для обозначения 'черпака' параллельно употребляются названия варѣха и опилѣчка. Название спилѣчка является общераспространенным и единственным названием для 'черпака' в соседних говорах Хустского района, откуда, наверное, и вошло в говоры Иршавского района, образовав синонимическую пару. Часть информаторов не видит какой-нибудь семантической дифференциации между этими названиями, а другие считают название варѣха более старым и общим наименованием для 'любых деревянных ложек' в том числе и для 'черпака', а название опилѣчка более новой формацией и более конкретной ('металлический черпак') и т.д.

2. Вторую группу синонимических пар представляют традиционное название (в большинстве случаев более древнее) и заимствованное слово. Лексическое заимствование в этом случае не является абсолютным синонимом, а используется говорящими для определенной дифференциации семантики оупежающих понятий. Например: протѣс (prót'úo, prót'úo) - 'нижняя толстая балка в основании деревянных хат, изготовленная вручную' и тѣдѣа (венг. talpa) - 'нижняя толстая балка в основании деревянных хат, изготовленная фабричным способом'²;

вѣшалка - 'вешалка с деревянными кольчиками' и фогаш (венг. fogas) - 'вешалка более усовершенствованной и красивой конструкции с металлическими крючками'³.

Довольно часто лексические параллели образуются и таким образом, что традиционное название осознается говорящим как общее название, а лексическим заимствованием обозначается конкретное понятие. Например, слово столицѣ - 'общее название для обозначения стула любой конструкции' и гокедлѣ (венг. hokedli) - 'табуретка'⁴;

служницѣ - 'общее название для служанки, выполняющей любую работу у хозяев, т.е. не только в доме, но и на дворе, в клеве и т.д.' и собойѣнка (венг. szobalány) - 'служанка, которая следила только за порядком в доме'⁵. Лексические параллели могут возникать также с целью устранения омонимии традиционного слова. Так, для обозначения 'верхней полосы на крашеных стенах ха-

ты" использовалось название прут, которое имело еще и другое, первоначальное значение 'орезанная с дерева или куста гибкая ветка'. Чтобы избежать многозначности этого слова, для обозначения 'верхней полосы на крашенных стенах хаты' начали употреблять лексический мадьяризм чїк (венг. свїк), а за лексемой прут осталось ее первоначальное значение.

3. Третью группу синонимических пар образуют заимствования, из которых одно является более старым заимствованием, а другое — сравнительно более новым. Они также не являются абсолютными синонимами, а вносят определенный оттенок в семантику обозначаемых понятий. Например:

кефа (венг. kefe) — 'общее название для обозначения любой щетки (для одежды, обуви, побелки хаты и т.д.)' и меселївка (венг. meszelõkefe) — 'щетка для побелки хаты'⁶;

шкатул'а (венг. skatulya) — 'шкатулка, изготовленная из любого материала (дерева, металла, фарфора)' и дóбóз (венг. do-boz) — 'металлическая шкатулка с различными украшениями для хранения драгоценностей'⁷;

шток (нем. Stock) — 'этаж' и эмелет (сравнительно новое название, ср. венг. emelet). Можно привести и целый ряд других примеров.

Как видим, нанесение на лингвистические карты лексических параллелизмов дает нам возможность выяснить синонимическое богатство исследуемых говоров и установить относительную хронологию слов. Лексические параллелизмы в своем большинстве не являются абсолютными синонимами, однако считаем, в отличие от ряда исследователей, что их необходимо нанести на лингвистические карты, а в комментариях указать на их семантические оттенки.

Примечания

¹ О н и щ к е в и ч М. И. Словацько-українські мовні зв'язки. — Зб. "Питання слов'янознавства". Львів, 1962, стор. 107.

² Л и з а н е ц ь П. М. Угорсько-українські мїжмовні контакти. Ужгород, 1970, карта № 4.

³ Там же, карта № 89.

⁴ Там же, карта № 97.

⁵ Там же, карта № 125.

⁶ Там же, карта № 36.

⁷ Там же, карта № 96.

К. Гутшмидт (ГДР, Берлин)

АРЕАЛЫ НЕКОТОРЫХ БОЛГАРСКИХ СООТВЕТСТВИЙ
КАРПАТОУКРАИНСКИМ ЛЕКСЕМАМ

Важной задачей карпатского языкознания является установление и интерпретация связей юго-западных говоров украинского языка с южнославянскими языками. В известной статье В. М. Иллич-Свитыча о карпатской миграции славян¹, в рецензии П. Ивича на КДА² и в ряде других работ было отмечено значительное количество карпато-украинско-сербохорватско-болгарских лексических параллелей, и на конференциях, посвященных карпатскому языкознанию, которые были проведены в Москве, Братиславе и Кишиневе, стали известными новые важные данные по этой проблематике. Назрело время более точного определения ареалов южнославянских соответствий карпатоукраинским лексемам. В этом отношении большой интерес представляют исследования М. Младенова³. Он определяет зоны распространения ряда слов в болгарских диалектах и указывает на то, что некоторые изоглоссы, пересекая Дунай, имеют продолжение на румынской территории и доходят до украинского диалектного континуума. В данной статье хотелось бы сообщить дополнительные данные о распространении интересующих нас лексем в говорах болгарского языка. Кроме сведений, содержащихся в опубликованных материалах, здесь приводятся и результаты полевых исследований, проведенных нами в отдельных пунктах Болгарии⁴. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют весьма приблизительно очертить зоны распространения болгарских "карпатизмов". Однако можно выделить следующие зоны: западноболгарскую, западноболгарско-рупскую и рупскую. Кроме того, есть лексем, бытующие, по-видимому, во всех основных диалектах болгарского языка. К ним отно-

ются, например, слова ожег, оооо, а может быть, и уталожа се. Карпатоукр. сжїг 'кочерга' (КДА, № 140) соответствует болг. ожег. Распространение болгарского слова, а также его формальных и семантических вариантов, было показано Г.П.Клепиковой⁵. Здесь можно добавить следующие детали: ожек 'ръжен' (с. Доброславци, р-н Софии - БД II, 95), ожег 'лопатка като широко желязо с дълга дръжка за разравяне на огън' (Н. Село, р-н Видин)⁶, ожек 'железен прът, на края като лопатка за изтегляне жар' (Тихомир, р-н Крумовград)⁷, ожек 'прът с който се разрива огън, ръжен' (Елена - БД УП, 102), ожек 'то же' (Конопчиче, р-н Чирпан - СОНУ X, 211), ожек 'желязо за изгребване на жар от пещ' (Яковица, р-н Момчилград - БД II, 225), ожек 'дърво, с което се разбърква огънят във фурна, ръжен' (Тристенник, р-н Плевна - БД УI, 202), ожек 'желязно лостче за очукване на сол в чутура' (р-н Кюстендил)⁸. Это слово известно однако не всем местным говорам. Оно отсутствует, например, в говоре с. Долна Баня, р-н Самоков (здесь говорят гребуля), а также в некоторых фракийских говорах, где в ходу лексема более нового происхождения - грибуч (Дервент, р-н Дедеагач), гърбуч (Хаджидар, Ляжакей, р-н Гжморджина), растикъч (Искра, Дебыр, р-н Первомай). На восточнославянской территории лексема встречается в Полесье - ожег и варианты⁹, в Гродненской области - вожах 'масцёр' (= 'поленница')¹⁰ и в русских говорах - в Архангельской обл.¹¹, в бывш. Оренбургской губ.¹² и в Сибири¹³. Следовательно, слово *ожег не входит в число сепаратных карпатоукраинско-южнославянских изолекто.

Карпатоукр. осовня 'склон, обращенный к солнцу' (КДА, № I) соответствует болг. осоо, которое, правда, имеет противоположное значение: 'место, слабо освещенное солнцем'. Ср. усоо (р-н Ботевград - СОНУ XXXIII, 143; Тристенник, р-н Плевна - БД УI, 234), усойо (Козичено, р-н Поморие - ИМБЕ IV, 364), осоо (Крышалево, р-н Кюстендил - БД УI, 145), усой (Кривеник, р-н Севлиево - БД У, 46). Есть и словообразовательные варианты: 1. усойка (Искра, Дебыр, р-н Первомай; Центральные Родопы - БД II, 288), осоойка (Тетевен - СОНУ XXXI, 312); 2. усойна (Правешка Лякавица, р-н Ботевград - БД I, 24; р-н Ихтиман - БД III, 183), усойня (Тристенник, р-н Плевна - БД УI, 234; Троян - БД IV, 230), осоина (Смоляно, р-н Пирдоп - БД IV, 128; Тетевен - СОНУ XXXI, 312; Долно Камарце, р-н Пирдоп); 3. усойнять (Винна, р-н Казанлик - БД У, 143);

4. усойницъ (Елена - БД УП, 154); 5. усойак (Долна Баня, р-н Ихтиман). Слово встречается и в других южнославянских языках¹⁴; различные варианты обнаружены и в некарпатских украинских говорах (осойня, осовня, осоня - Гринч., Ш, 70).

Укр. (закарп.) уталожитися 'успокоиться' и т.п. (КДА № 196) имеет точное соответствие в с.-хорв. уталожити се, болг. уталожа се¹⁵. В болгарском слово обладает тремя основными значениями: 'осесть', 'успокоиться (о человеке)' и 'утихать (о буре, воде)'. К сожалению, в диалектных материалах данная лексика приводится редко¹⁶, но во всех обследованных нами пунктах ее можно было услышать, прежде всего, в третьем значении.

Перейдем к словам, встречающимся, в основном, в Западной Болгарии. М. Младенов включил в эту группу ряд слов, например, брич, ярем, клявач, полог и др.¹⁷. К этой группе можно отнести еще следующие лексемы: навиляк, трина, нада, костреш, сколка. Хорошо очерчен ареал лексемы навиляк. Она соответствует карпатоукр. навилок 'пласт сена, который можно поднять вилами за один раз; небольшая кучка сена, которую можно перенести носилками' (КДА, № 159). Значение болгарского слова - 'сено, колото може да се набоде и дигне с една вила; малък куп сено'. Слово известно в западноболгарских балканских говорах, ср. нѣвил'ѣк 'купчина сено, която може да се носи на вила' (Кривеник, р-н Севлиево - БД У1, 32; Троян - БД У, 216; Елена - БД УП, 96).

Менее обширна зона распространения лексемы трина 'сенная труха', соответствующей карпатоукр. (гуцул.) трина 'то же' (КДА № 164). Лексема трина отмечена в софийском (с. Доброславци - БД П, 108) и елинпелинском говорах (с. Долно Камарци). Известны словообразовательные варианты трин'яна (Самоков - БД Ш, 281), триняна (Долна Баня, р-н Ихтиман).

Вряд ли можно говорить о зонах распространения в отношении болгарских лексем, соответствующих карпатоукр. костриж, кострум 'окунь' (КДА № 18) и скадька, скойка 'речная ракушка' (КДА № 24), т.к. они выступают только спорадически в Северо-Западной Болгарии, ср. костреш 'вид рыбы' (Западная Болгария - СбНУ XI, 194); скод'ка (Брезник - СбНУ X, 217), скойка (Ботевград - I, 201)¹⁹.

В карпатских говорах украинского языка отмечено слово над (нат) - 'лемех; часть лемеха; наконечник на лемехе деревянного плуга и т.д.', а также глагол надити I. 'наварить железную по-

лосу на сточившия лемех', 2. 'растянуть, расплющить сточившия лемех', 3. 'приклепать железную полосу на сточившия лемех' (КДА №154, ЛАЗГ №179). Известный болгарский этнограф Д. Маринов отметил в Северо-Западной Болгарии слово нада 'острец в различните сечива, който реже, сече. Тоя острец или остро състои от стоманена остра част и се казва нада' (СбНУ III, 254). В говоре с Ново-Село (р-н Видин) встречается слово нада 'част от плут, която е зад лемежа, и се влачи водоравно на земята като опашка'²⁰. Ср. еще наль, наткъ I. 'добавена част към нещо', 2. 'изкуствена плитка на жена' (Кривеник, р-н Севлиево - БД У, 32). Имеются указания на то, что слово нада может обозначать острие мотики, топора, косы (СбНУ XVII, ч.2, 138, 32, 154). Более обширна зона распространения производного глагола нада и его приставочных дериватов: нанадвам, нанáда 'гуждам на сечива остро или надата' (Северо-Западная Болгария - СбНУ XII, 255), надѐм, 'чрез коване вковавам стомана в сечиво' (Беден, р-н Девин - БД П, 214), над'ъ 'удължавам нещо чрез зашиване или заковаване' (Кривеник, р-н Севлиево - БД У, 32), наждѐм, наг'а, над'а ... 'чрез заварка залапам стоманено варче на много изхабен инструмент (брадва и др.), за да стане отново годен за работи' (Елена-БД УП, 93). Ср. и поговорку "Надено рало хриво оре"²¹. Надо сказать, что лексемы костреш, сколка, нада и нади, являющиеся реликтами в болгарских говорах, довольно широко распространены в сербохорватских говорах²², а нада - и в словенском языке²³.

Некоторые карпатазмы обнаруживаются в западноболгарско-ручской зоне. В эту зону включаются часто и македонские говоры.

1. вилаца 'челюсть', ср. вилциа 'челюст' (Елховец, Рудозем, Старцево, р-н Смолян - БД П, 138); вилчица 'то же' (Ивановци, р-н Кюстендил - БД У I, 140), вилаца 'то же' (Каменица, р-н Кюстендил - СбНУ XI, 99; Прилеп - СбНУ XIII, ч.3, 242; Велес - СбНУ XV, II; Охрид - СбНУ П, 19), вилаца... 2. 'кост от долната челюст на животно' (р-н Кюстендил)²⁴, ср. еще вилушки, 'долна челюст' (Тетевен, Крива Паланка, Велес - БЕР I, 147). В карпатоукраинских говорах отмечено вилаца 'челюсть' и т.д. (КДА №73).

2. Родоп, скорнѐм 'будя, дразня' (р-н Смолян, Ардино, Асеновград - БД П, 267)²⁵, скорна 'то же' (р-н Благоевград - СбНУ XIII, ч.3, 88). Это слово в форме скорна встречается довольно часто в народных песнях и сказках, записанных в Македонии (Прилеп - СбНУ XVI-XVII, ч.3, 250; СбНУ XIII, 136; Битоля - СбНУ XIX, ч.2, 112;

Ресен - СОНУ IX, ч.2, 165; Шип - СОНУ IX, 110; р-н Дебър - СОНУ УІ, 54; Воден - СОНУ II, ч.3, 168; Крушово - СОНУ XVI-XVII, ч.3, 322)²⁶; хорошо засвидетельствовано в тех же местах формы несовершенного вида око́ривам, око́ривам, око́ревам. Южнославянским глаголам соответствует укр. (буковинок.) корняти 'будить' и т.п. (КДА № 138).

3. В рупских говорах болгарского языка имеется название летучей мыши, которое можно связать с укр. дѣлѣк (КДА № 17), дѣ-дѣк²⁷, а именно л'у́лѣчѣ (Еникей, р-н Ксанти - "Родопски старини", III, 59; Габрово, Крыто Поле, р-н Ксанти - БД II, 201), дѣлак (Бабяк, р-н Разлог - БД У, 184); в югозападном говоре о.Радуил (р-н Самоков) записано дѣлек (ИССФ УШ-IX, 37). Изоглосса прослеживается и в македонских говорах (Костур - ИССФ IV, 123). Возможно, что в прошлом эта лексема имела более широкое распространение. В рупских говорах ныне бытуют названия сравнительно позднего происхождения: мрачѣник, мрачѣлник (БД II, 210), вечѣрник (БД У, 160), пришедшие, может быть, на смену слову дѣлек.

Исключительно в рупских говорах встречаются лексемы чѣтуна и дѣсам. Первая означает 'обръет за овце; отсечени клонки от бор за храна на овците' (Илинден, р-н Смолян)²⁸, родственные формы с тем же и подобными значениями известны в сербохорватском языке, а также в карпатских говорах северославянских языков²⁹.

Глагол дѣсам 'есть неохотно' (Нова Надежда, р-н Хасково - ИМБЕ IV, 231; Момчиловци, р-н Смолин - БД II, 199) следует сопоставлять карпатоукр. дѣбати, дѣмбати 'то же' (КДА № 191). В западноболгарских и балканских говорах имеют хождение глаголы с тем же и подобными значениями, например: дѣмтам (Ботевград - БД I, 194; Долно Камарци, р-н Пирдоп), дѣмтам (Смолоко, р-н Пирдоп - БД IV, 116), дѣмтам (р-н Ихтиман - БД III, 99), дѣмтам (Еникей, р-н Казанлык - БД У, 127), л'у́мѣлм (Елена - БД УП, 84) и др. которые вряд ли можно отделить от дѣсам.

Примечания

¹ И л л и ч-С в и т ы ч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. - "Изв. АН СССР. ОЛЯ", 1960, XIX, с. 222-232.

² И в ѣ П. - "Зборник за филологију и лингвистику", 1970, XIII/1, с. 276-284.

3 Младенов М. Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах. - В кн.: Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973, с.36.

4 Материал был собран по специальной программе в следующих населенных пунктах: Долно Камарци, р-н Пирдоп, Долна Баня, р-н Ихтиман, Дебыр и Искра, р-н Первомай. В г.Первомай интересные данные были получены от переселенцев из той части Фракии, которая после первой мировой войны отошла к Греции (с.Дервент, Хаддилар, Дыжакей).

5 Клепикова Г. П. Материалы для словаря юго-восточных болгарских говоров. - В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с.159.

6 Младенов М. Говорът на Ново село, Видинско.София, 1969, с.259.

7 Кабасанов С. Един старинен български говор. Тихомирският говор. София, 1963, с.101.

8 Умленски И. Кюстендилският говор. София, 1965, с.243.

9 Толстой Н. И. Об изучении полесской лексики. - В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, с.14.

10 Сцяшкович Т.Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972, с.86.

11 ожег 'палка, которой мешают дрова в костре' - см.: А.Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия.СПб, 1885, с.108.

12 ожиг 'палка, которой загребают уголья в печи; кочерга' - см.: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, с.139.

13 ожег 'деревянная кочерга' - см.: Дополнения в Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858, с.157.

14 В словенском языке: osovje, osoje, osoj, osonje, osovjina, osovina - см.: P l e t e r š n i k M. Slovensko-nemški slovar, I. 1894, в.858-859. Из сербохорватского материала здесь приведем лишь чакавский микротопоним Pod-osoji: eine Gegend (osoj: abgewandt der Sonne, aber dieses Wort hat sich bei uns nicht erhalten) - см.: T e n t o r M. Der čakavische Dialekt der Stadt Gres (Cherso). - "Archiv für slavische Philologie", 30. Berlin, 1909, в.198.

15 Ив ић П. Указ.соч., с.278, а также см.: Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, 3, Zagreb, 1973, в.438.

16 Например, уто̀ложа се 'за вода, когато след вълнуване стане неподвижна' (р-н Ботевград - СОНУ XL IV, 540), уто̀ложа се 'успокоя се' (Трыстеник, р-н Плевен - БД IV, 234).

17 Младенов М. Указ. соч., с.36.

18 Ср., например, навийак, навил'ак (Габаре, р-н Б. Слатина - ИМБЕ IV, 162), навил'ак (Доброславци, р-н София - БД II, 91; р-н Ботевград - СОНУ XXXIII, 125; р-н Ихтиман - БД III, IIO), навил'ок (р-н София - БД I, 255); Самоков - БД III, 245; Радуил, р-н Самоков - ИССФ УШ-IX, 373).

19 Не исключено, что форма скойка как в украинских, так и в болгарских говорах является заимствованием из румынского языка (рум. scoică).

20 Младенов М. Указ. соч., с.253. Автор считает нада заимствованием из румынского (рум. nadă).

21 Славейков П. Р. Болгарски притчи или пословици в характерни думи. София, 1972, с.312.

22 Ивѣћ П. Указ. соч., с.280 (коб'реш); Скок В. Указ. соч., с.264. Ивѣћ П. Указ. соч., с.200 (сколка).

23 Везлај Р. Евеји о словенском језику. Ljubljana, 1967, в.83.

24 Умленски И. Указ. соч., с.216.

25 Цонев Б. История на българският език. III. София, 1937, с.297: скорн'ам 'будя' (родопско).

26 Эти примеры мы нашли в картотеке Словаря болгарских народных говоров, составленной сотрудниками сектора диалектологии Института болгарского языка Болгарской Академии наук. За предоставленную нам возможность просмотреть картотеку выражаем искреннюю благодарность сотруднику сектора др. Холмолчеву.

27 Budziszewka W. Słowiańskie słownictwo dotychczasę przuogy. żywej. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1955, в.88.

28 По письменному сообщению М. Чаликова, сотрудника упомянутого выше Института. Ср. и: Цонев Б. Указ. соч., с.297.

29 Budziszewka W. Указ. соч., с.269, а также ЮДА № 39.

Принятие сокращения

БД - Болгарска диалектология. Проучвания и материали. София.
БЕР - Гесргиев В., Гълъбов И., Заимов И., Илчев С. Болгарски етимологичен речник, т. I. София, 1971.
Гринч. - Гринченко Б. Словник української мови, I-IV. Київ, 1907-1909.

ИМБЕ – Известия на Института за български език. София.

ЮСФ – Известия на Семинара по славянска филология. София.

КДА – Б е р н ш т е й н С. Б. и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.

СОНУ – Сборник за народни умотворения. София.

Н. В. Никончук (Житомир)

СЕВЕРНЫЕ ГРАНИЦЫ ВОСТОЧНОРОМАНИЗМОВ
В ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕСКИХ ГОВОРАХ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

На территорию правобережнополесских говоров проникли такие слова восточнороманского происхождения¹.

Кѣмпа 'речной островок'; 'место, где набирают глину и песок' (см. карту № 1).

Царина, царина́, царина 'зеленые посевы колосковых'; 'поле, засеянное озимыми'; 'засеянное или засаженное поле (преимущественно за селом)'; 'пахотное поле'; 'место, где колосится трава на сено'; 'плодородное поле'; 'пастбище (на общественном поле)'; 'пустая, незаселенная часть села, выгон'; 'ворота'; 'поле под гречихой'; 'огород'; 'площадь возле церкви'; 'межа, граница между полями (которая раньше определялась оградой)'; 'топонимы' (карта № 2).

Оцарок 'окопанное и высыпанное холмиком место на болоте для стожка сена' (Белоцерковщина).

Тирло 'стойло – место отдыха скота'; 'вытоптанное, стравленное место на посевах, на огороде'; перен. 'беспорядок' (карта № 9).

Шут-шут, шүті-шүті, шүтка 'междометия для подзывания овец'; шүтний² 'без двух рогов'; 'без одного рога'; 'бесхвостый (о птице)'; 'бесхвостый (о скотине)'; 'безухий'; 'безрогий (о козле)'; 'безволосый (о человеке)'; 'скуной' (это значение из киевск. Полесья приводит А. С. Лисенко); очевидно, 'без шапки' в сравнении йак шүтий 'в малой шапке'; 'без кабины (о тракторе)' (карта № 3).

Цап 'козел' (в основном ареал южноволыньских говоров).

Урда 'молочко из толченых жоншьяных семян'. Дериваты: звур-

дитис'а, згурдитис'а, згурд'іти 'скипеться, створожиться (о молоке)' (карта № 9).

Бешиха 'рожа - инфекционная болезнь' (южноволынокме до уровня Житомира).

Кукурудза, кукурюза, кокорюза, какарюза 'кукуруза' (сейчас известно везде; первоначальная граница предположительно проходила южнее линии Ровно - Житомир - Киев).

Мамалига 'густая кукурузная каша'; 'густая гречневая каша'; 'кукурузная лепешка'; пренебр. 'неудачно приготовленная пища'; пренебр. 'неудачно выпеченный хлеб' (карта № 6).

Малай 'постная лепешка'; 'пирог с яблочной начинкой'; пренебр. 'неудачно испеченный хлеб', 'неудачно испеченный пирог' (редко на Волини и Полесье).

Плач'інда 'одобное тесто' (карта № 9; на этой же территории известно и сурдук 'солдатский мундир (в старой армии)').

Ремигати, ремигати, румегат 'жевать жвачку'; ремигати 'издавать слабый спокойный звук (о окоте)' (карта № 8).

Сапа, сапа, сапка, сапачка, сапан'іца (очевидно, образовано по модели капан'іца) 'сапка, тяпка, мотыга'. Сапати, сапувати, саповат'.

Грапн'ік 'маленькая мотыга'; грапат 'распушивать землю'; грапн'іком (Берестейщина между Горынью и Припятью).

Прапувати 'мотыжить'. Вариант прасоват 'мотыжить', очевидно, изменил свою форму под влиянием прасоват 'сжимать, трамбовать', напр.: прасоват'с'єно (устье р.Тетерев, редко - возле ее истока).

Дєрга 'попона' (распространено до линии южнее Сарны - Лугины - севернее Коростея - с.Сухолучье на берегу Киевск.вдхр.)

Дармо, дермо, дармој, дармоје 'решето с большими отверстиями в кожаном или металлическом сетчатом дне для первоначальной очистки зерна или мякины от примесей'; дармоје 'решето с металлическим сетчатым дном для просеивания угля'; дармо, дермо, дар-

мо́йе 'ящик с металлическим сетчатым дном для просеивания мякны, угля'; дермо́ 'металлический лист с отверстиями для просеивания песка'. Дериват.: дармува́ти 'просеивать через дармо́, дармо́й, дармо́йе' (карта № 5).

ч'Индако́ра, ш'Индако́ра, ч'Индокора́ 'фабричный широкий шерстяной разноцветный (в полоску) пояс с бахромой на концах и с кисой для денег'; ч'Инко́тора 'широкий шерстяной женский пояс' (карта № 7).

Сала́ш 'шалаш' (с.Тереховое Бердичевск. р.Житомирск.), 'дровяной сарай' (с.Шендовка Кагарлыкск.р.Киевск.).

Бурде́й 'сарайчик для хранения топлива' (карта № 9).

Кару́ца 'большой воз, которым развозят корм скоту' (Попельня Житомирск.).

Папу́ша, папу́шка 'стопка табачных листьев'; 'кисет' (с первым знач. весь ареал, второе знач. имеет островное распространение).

Кайстра́ 'котомка' (карта № 9), Дериват: пастухо́ва кайстра́ 'растение пастушья сумка *Capsella bursa-pastoris*' (с.Новые Яриловичи Репкинск.р.Черниговск.).

Фаши́йя 'длинная лента кожи, ремень' (карта № 9).

Ва́тра 'огонь' (хутор Шевченко возле истока р.Тетерев).

Плека́ти 'растить' (жновольские говоры).

Буката́ (Фамилия, г.Черняхов Житомирск.).

Лингвогеография восточнороманских заимствований в ареале правобережнополесских говоров украинского языка демонстрирует выразительную закономерность. На всей территории исследуемых говоров известны термины овцеводства – междометия для подзывания овец и производные от них названия овец. Это самые древние заимствования.

Отличающиеся общеправобережнополесской географией слово папу́ша могло появиться после введения на Украине табаководства (17 в.).

Что же касается терминов материальной культуры, то их совершенно разные ареалы свидетельствуют об относительной хронологии заимствования. Так, например, слова сапа (в тех говорах, где соседствует романизм сапа и славянизм + копаниця, сапа обозначает трехзубую мотыгу) распространилась раньше, а плач'Инда, сурд'ук, бурд'ей, мал'ай, мамалига, кару'ца, сал'аш и др. принесены недавно переселенцами из южных говоров. Совершенно другое толкование может получить островной характер распространения слова ч'Индак'ора, которое оторвалось от южных говоров украинского языка. На север Полесья название пришло вместе с товаром, предметом торговли — этнографизмом (полесские крайки ткались без кнсы для денег). Очевидно, этнографизмом была и кайстра.

Не может не бросаться в глаза почти полное отсутствие восточнороманских географических апеллятивов. Восточнороманское *fa-rină*, царица 'обрабатываемая площадь', развившее в исследуемом диалекте целый фейерверк значений, так и не переступило границы сельскохозяйственной сферы семантики. Отмечаемое раньше литературой в правобережнополюсских говорах кйчера 'гора, покрытая лесом, кроме вершины' нашими исследованиями не подтверждается (На левобережном Полесье все-таки есть, отмечено Е.А. Черепановой).

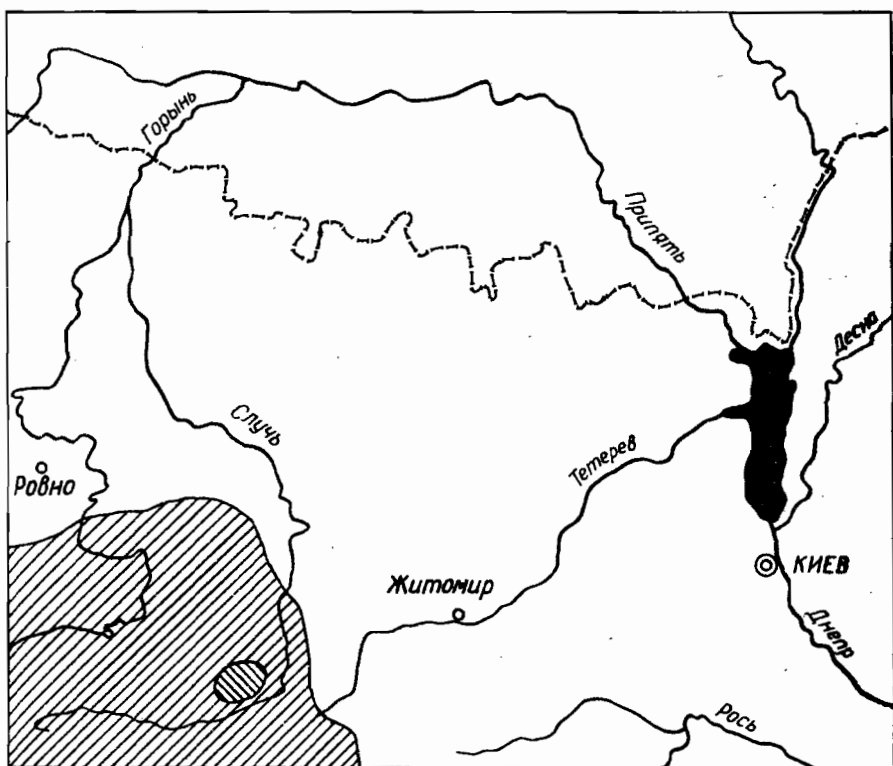
Мы можем указать пока только на один надежный географический термин восточнороманского происхождения — это к'емпа 'речной островок'. Распространен он на Полесье только в соседствующих с южноволыноскими говорами районах.

Это положение свидетельствует в пользу того, что заимствования из восточнороманских языков на Правобережном Полесье имеют фронтальный характер, т.е. они дошли до Полесья через промежуточные говоры.

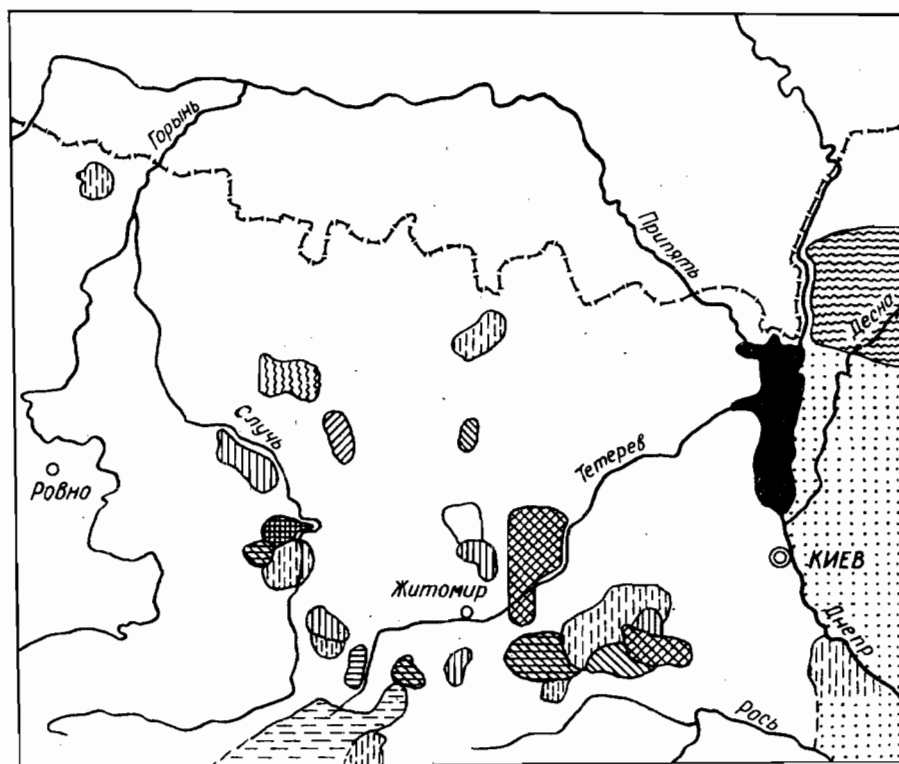
П р и м е ч а н и я

¹ К л е п и к о в а Г. П. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974; ее же: Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпатоукраинских говорах. — "Советское славяноведение", 1973, № 6.

² Знак + (плюс) обозначает наддиалектную модель .

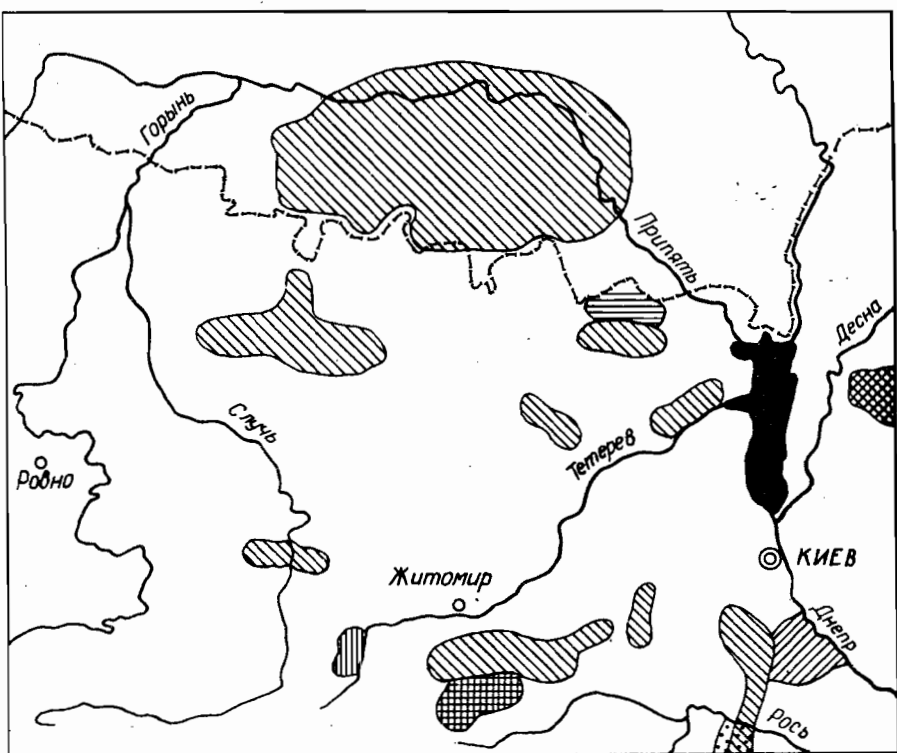

К а р т а № I. Распространение и значение слова кемца
 1) 'речной островок'; 2) 'место, где набирают глину и песок'

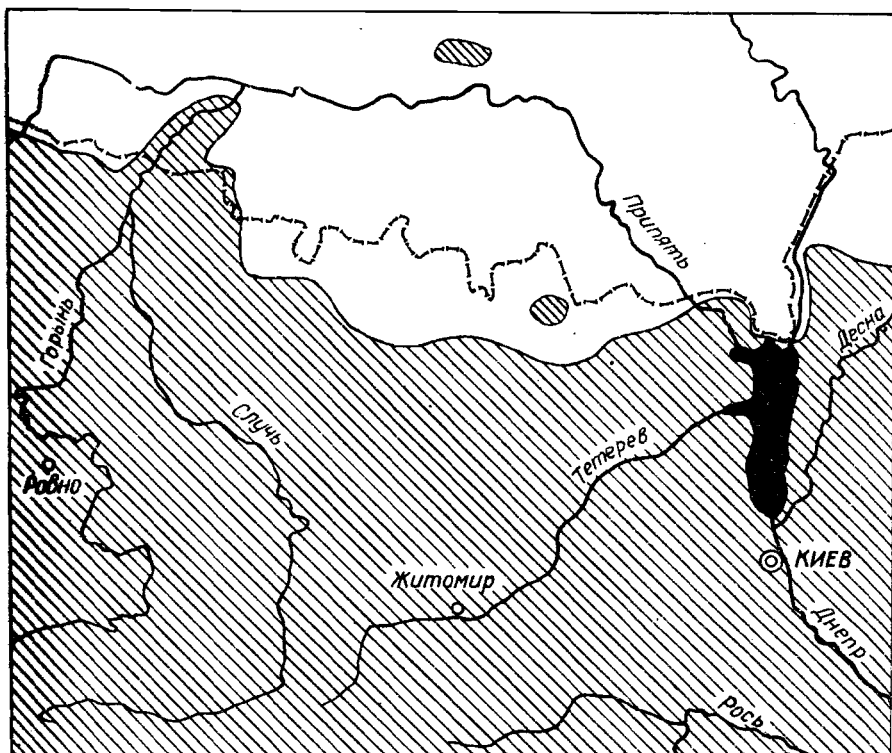
К а р т а № 2. Распространение и значения слова царина.

I) 'зеленые посевы колосовых'; 2) 'поле, засеянное озимыми'; 3) 'поле, засеянное яровой пшеницей'; 4) 'поле, нива (в разных знач.)'; 5) 'место, где колосится трава на сено'; 6) 'выпас (на общественном поле)'; 7) 'пустая, незаселенная часть села, выгон'; 8) 'поле под гречихой'; 9) 'ворота'; 10) 'огород'; II) 'межа, граница между полями'; 12) 'площадь возле церкви'; 13) другие значения

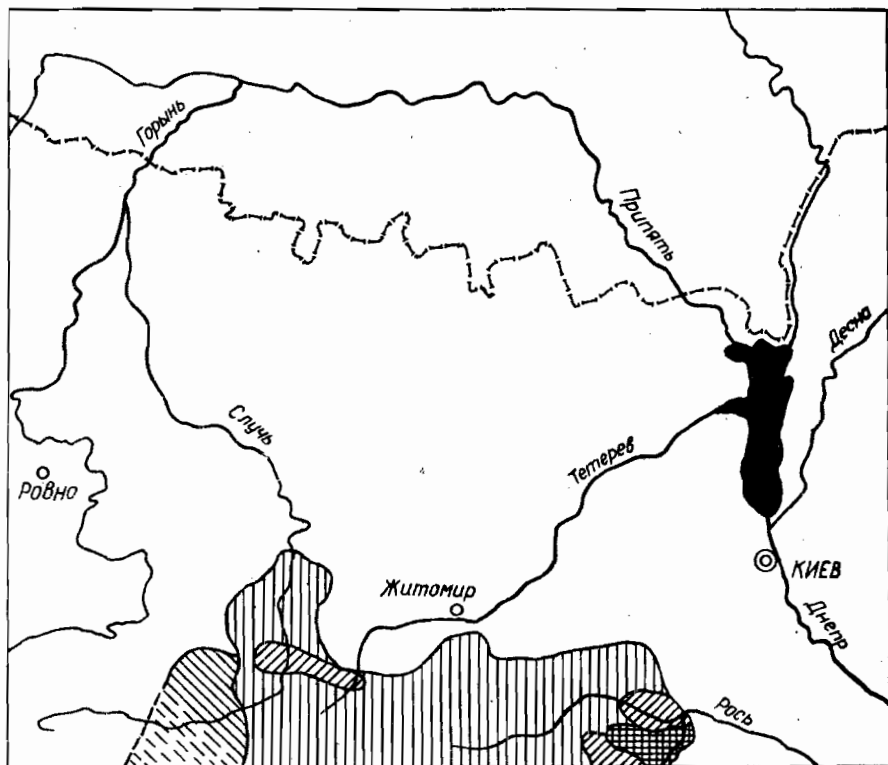

К а р т а № 3. Распространение и значения слова *шутый

- 1) 'без двух рогов'; 2) 'без одного рога'; 3) 'бесхвостый (о птице)'; 4) 'бесхвостый (о скоте)', 'безбородый (о козле)', 'безухий'; 5) 'лысый (о мужчине)'; 6) 'без кабины (о тракторе)'; 7) 'скупой'

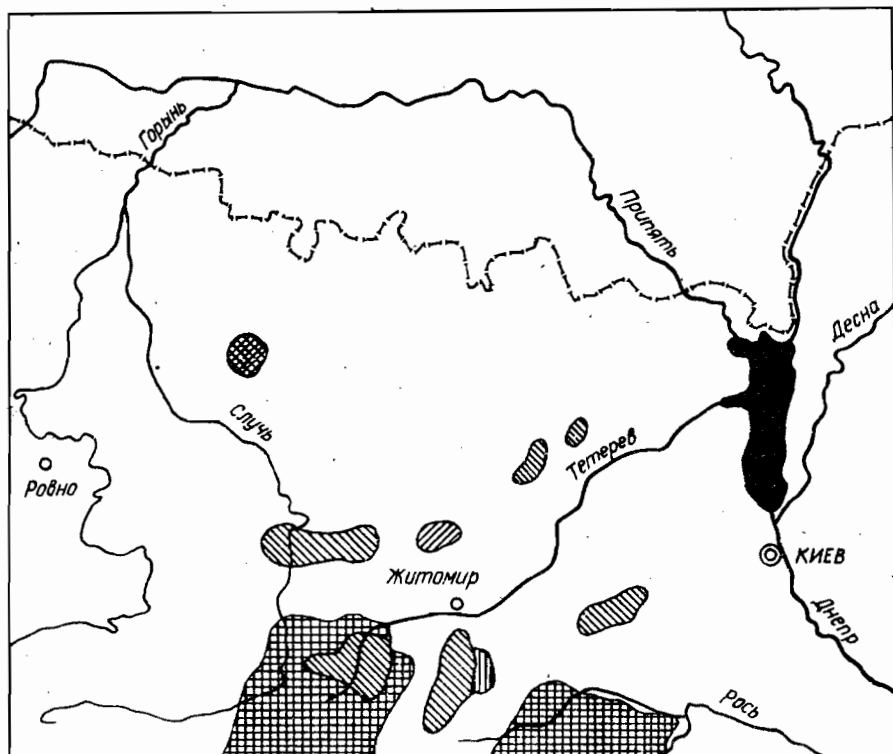

К а р т а № 4. Распространение лексем са́па, сапа́, са́пка, сапа́чка, сапан'іца, 'сапка, тяпка, мотыга'

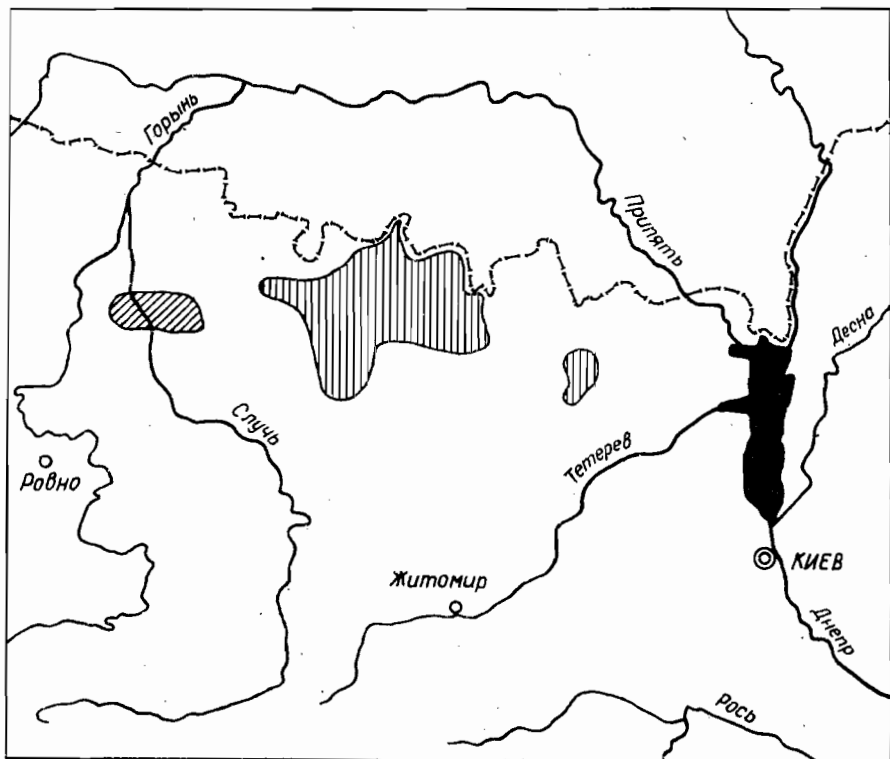
К а р т а № 5. Распространение и значения слова дармо,
дермо, дармо́й, дармо́йе

1) 'решето с большими отверстиями в кожаном или металлическом сетчатом дне для первоначальной очистки зерна или мякины от примесей'; 2) 'решето с металлическим сетчатым дном для просеивания угля'; 3) 'металлический лист с отверстиями для просеивания песка'; 4) 'ящик с металлическим сетчатым дном для просеивания мякины, угля и др.'

К а р т а № 6. Распространение и значения слова
+ мамалига

- 1) 'густая кукурузная каша'; 2) 'густая гречневая каша';
3) 'кукурузная лепешка'; 4) пренебр. 'неудачно испеченный хлеб';
5) пренебр. 'неудачно приготовленная пища'

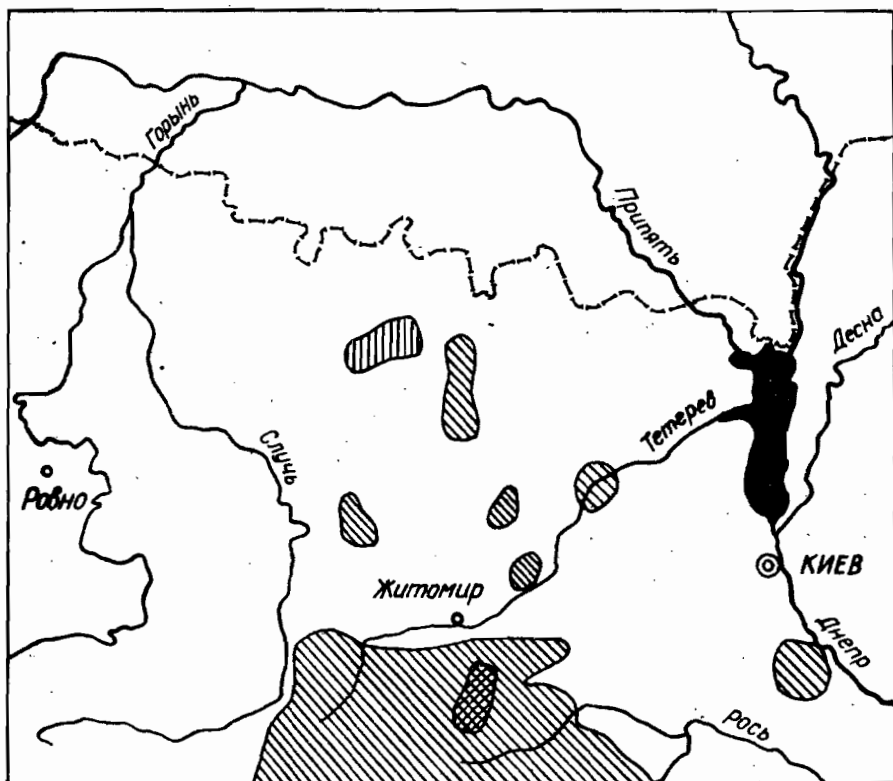
1

2

К а р т а № 7. Распространение и значения слова ч'їндакóра,
ш'їндакóра, ч'їндокóра, ч'їнкотóра

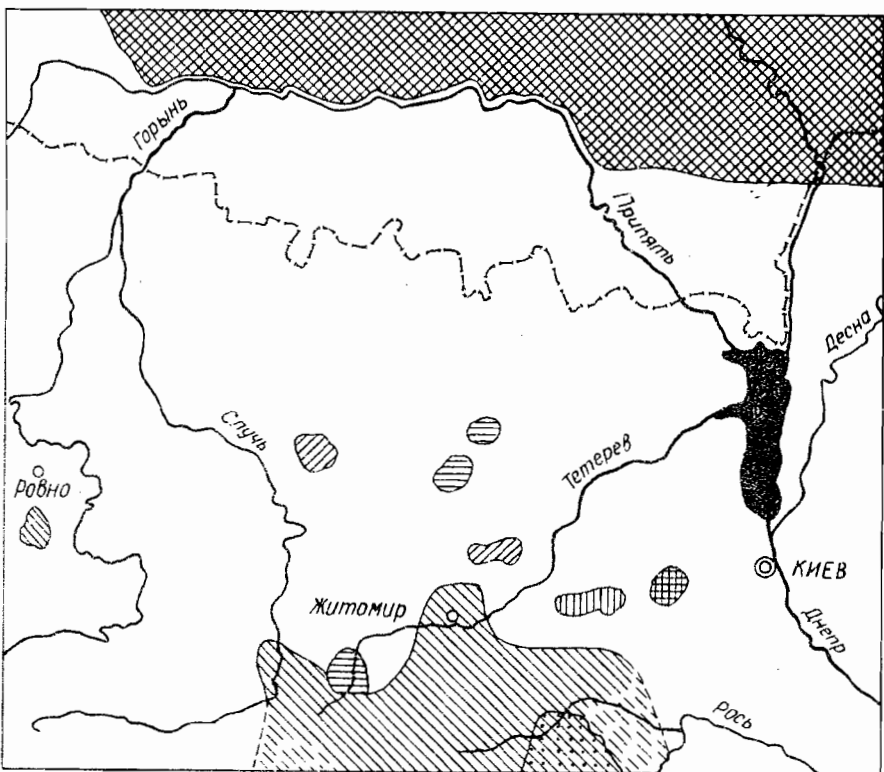
- 1) 'фабричный широкий шерстяной разноцветный (в полосу) пояс с бахромой на концах и с кисой для денег'; 2) 'широкий шерстяной женский пояс'

1 2 3

К а р т а № 8. Распространение и значения слова ремигати, ремигати, румегати.

1) ремигати, ремигати 'жевать жвачку'; 2) румегат' 'жевать жвачку'; 3) ремигати 'издавать слабый спокойный звук(о скоте)'

- 1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8

К а р т а № 9. Распространение и значения других слов восточнороманского происхождения

1) 'звурдитис' а, згурдитис' а, згурд'іти 'скипеться (о молоке)'; 2) урда 'молочко из толченых конопляных семян'; 3) фашія 'длинная полоса кожи'; 4) кайстра 'котомка, сумка, торба'; 5) бурдей 'сарайчик для хранения топлива'; 6) тирло 'стойло - место отдыха скота'; 7) тирло 'беспорядок'; 8) плач 'Інда' сдобное тесто'

ОРОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В КАРПАТОКОЙ ТОПОНИМИИ

Изучение местных географических терминов представляет собой один из основных способов топонимического исследования. Им можно не только объяснить происхождение топонимов, но и установить инвентарь самих географических терминов, выявить их особенности в различных планах: лингвистическом, историческом и географическом. Анализ географических терминов имеет также большое значение для изучения местных говоров и диалектов.

Карпатская топонимия содержит многочисленные и очень разные по происхождению и характеру реалий географические термины. Особенно хорошо представлена орографическая терминология. И это не случайно, поскольку одной из особенностей ландшафта рассматриваемой территории является обилие и многообразие форм рельефа. Здесь высокогорные массивы чередуются с просторными равнинами, острые каменные вершины — с низкими пологими холмами и оепками. Многочисленные большие и маленькие реки пересекают Карпаты во всех направлениях, образуя широкие долины, глубокие обрывистые ущелья, узкие проходы. С тончайшей детализацией названы горы и холмы, хребты и вершины, подножья и склоны, долины и ущелья, балки и овраги.

В проект программы "Общекарпатского диалектологического атласа" включены местные географические термины, которые по имеющимся данным, правда далеко неполным, характеризуются общевальпийской распространенностью. В данной статье рассматриваются орографические термины и образованные от них топонимы, встречающиеся в говорах восточнороманского населения некоторых оел Прикарпатья и Закарпатья. Материал собран нами непосредственно от местных жителей во время диалектологической экспедиции 1969 года.

По степени известности и употребляемости географические термины разделяются на: литературные и диалектные (местные, региональные). Большое значение для топонимии, лингвогеографии имеют, несомненно, диалектные термины, поскольку они довольно часто представляют собой слова или формы еще не зафиксированные в словарях. Ср.: клине 'склон горы', 'костгор', корхане 'холм, поросший лесом', 'высокая гора', тумпа 'невысокая круглая гора', 'отдельный невысокий холм, пригорок'. Однако не следует пренебрегать и литературными терминами. Хотя они и общеизвестны в язы-

ке, на местах они могут иметь специфические (узко локальные) значения. Например, термин дяд, помимо обычной семантики — 'высокая гора; холм' — в некоторых селах Закарпатья употребляется со значениями: 'безлесная гора', 'гора, покрытая пастбищами', 'пахотная земля на склоне горы'. Литературному мунте 'гора' здесь соответствуют семемы: 'высокая гора', 'гора с обрывистыми каменистыми склонами', 'гора, поросшая лесом (кроме вершины)'. Поэтому, благодаря их дифференциальной семантике по сравнению с общеязыковым значением, эти слова воспринимаются как местные (локальные) термины.

Полисемантизацию географических терминов можно объяснить нехваткой, отсутствием в языке адекватных слов для обозначения соответствующих реалий. Некоторые термины, благодаря своему семантическому развитию, приобрели даже противоположные значения: прислоп 'долина в горах' — 'горное ущелье' — 'горный перевал' — 'гора', отынка "скала" — "круглый склон" — "обрывистый берег" — "обрыв" и др. Семантический сдвиг подобных слов является результатом метонимии, когда объект получает в качестве названия номенклатурный термин другого объекта, находящегося рядом. Данное явление широко распространено в топонимии. Например, село, возникшее вблизи мэгура ('гора, холм'), получило название Мэгура; земельный участок, расположенный возле груя ('высокая гора', 'вершина горы'), назван Груй; пастбище возле хыртопа ('глубокий овраг, поросший травой', 'рытвина') наименовано Хыртоп и т.д.

В основном местные географические термины однозначны и конкретны. В топонимии карпатской зоны нашла свое отражение довольно детализированная терминология как положительных, так и отрицательных форм рельефа. Для обозначения разного типа гор употребляются термины: горган 'высокая гора с каменистой вершиной', груй 'высокая гора, покрытая лесом', киклэу 'отдельная высокая гора', кичерэ 'гора, поросшая лесом', мунте 'высокая гора', 'гора, поросшая лесом (кроме вершины)', мэгура 'высокая изолированная гора', пикуй 'гора с острой вершиной', тымпа 'гора с приплюсненной вершиной', циклэу 'высокая заостренная вверх гора' и др. Достаточно разнообразны и в то же время специализированы термины, относящиеся к отрицательным формам рельефа: адынкэтурэ 'углубление, впадина', буерак 'овраг, поросший лесом', гроапя 'яма, овраг, рытвина', гропанэ 'большой овраг', гэван 'овраг круг-

лой формы', 'рытвина, котловина', курэтурэ 'углубление на вершине горы', 'овраг', 'ущелье', понор 'овраг, рытвина', 'оползень', прорвэ 'глубокая пропасть, обрыв', струнгэ 'узкий проход между горами; ущелье', стрымтоаре 'теснина в горах; ущелье', тарницэ 'седловина между двумя горами' и др. Эти термины активно участвуют в образовании оронимов: Горган, Груй, Киклау, Кичера, Магура; Аднъкэтура, Гроапа, Гэвану, Поноаре, Хыртоп и др. Задача исследователя — изучить в сравнительном плане местные географические термины и образованные от них топонимы с целью выявления их лексико-семантических взаимосвязей и взаимоотношений.

Топонимическая система всегда территориальна. В названиях местностей отражаются природные условия и физико-географические черты территории: характер рельефа, особенности флоры и фауны и т.д. Однако топонимическая система любого края определяется не только природно-географическими условиями. В процессе ее формирования и развития особую роль играют лингвистические и социально-исторические факторы. Между топонимами и природными свойствами обозначаемых ими объектов нет прямой органической связи. Она всегда опосредованна и выявляется лишь в процессе развития общества. Выбор характерного признака, лежащего в основе наименования топообъектов, всегда определяется интересами общества, отношением человека к природе, значимостью данных объектов. На топонимическую систему оказывают влияние также социально-экономический строй общества, народные обычаи, культурные традиции, этнический состав населения, род занятия людей и др.

Природно-географические условия Кавказа, например, не препятствовали развитию специализированной горной терминологии в языках народов, заселяющих эту территорию. Местные жители употребляют большое количество слов, относящихся к разным по величине и по форме видам гор, утесов, скал и т.д.¹ Однако им известно мало слов, связанных с процессом расчищения от леса участков и возделывания новых земель в горной местности. Это положение нашло свое отражение и в местной топонимии. В карпатских говорах, а потому и в топонимии Карпат указанные термины представлены широко и детально: Курэтура (курэтурэ 'участок леса, выкорчеванный под пашни или пастбище'), Лазу (лаз 'участок леса, выкорчеванный под пастбище, виноградник, посев'), Лешу (леш 'расчищенный от леса участок'), Рунк (рунк 'расчищенный под пашни участок леса'), Секэтура (секэтурэ 'расчищенное от леса место,

на котором деревья высохли вследствие снятия коры'), Тзетура (тзетура 'сруб'), Хошляг (хошляг 'место, расчищенное от леса'), Чертеж (чертеж 'участок леса, намеченный к корчевке', 'расчищенный от леса участок') и др.

На Урале определенное распространение имеют топонимы, связанные с горнорудным лесозаготовительным и рыболовным промыслами². В топонимии Карпат подобные слова тоже встречаются, однако наибольшее распространение здесь имеют пастушеские термины. Ср.: Вэратик (вэратик 'летнее горное пастбище'), Ернатик (ерна-тик 'место зимовки скота'), Пэланка (пэланка 'загон для скота', 'огороженное место для овец возле летнего стойбища'), Пэскэлэу (пэскэлэу 'горное пастбище'), Сториште (сториште 'загон для овец или крупного рогатого скота'), Толоака (толоака 'пастбище возле села', 'пастбище на склоне горы'), Томнатик (томнатик 'осенний загон для скота', 'осеннее горное пастбище') и др.

Обилие вышеуказанных слов в топонимии свидетельствует о начале и последующих этапах развития земледелия в карпатской зоне, а также о наиболее развитой в прошлом, и в определенной мере и в настоящее время, такой отрасли хозяйства, как скотоводство и в частности горное пастушество.

Карпатская топонимия обусловлена лингвистически. Ни на Урале, ни на Кавказе нет таких названий как Горган, Груй, Кичера, Мэгура, Плай, Прислоп и др. Они были созданы на языковом материале многих племен и народностей, заселявших территорию Карпатских гор на протяжении всей истории. Наиболее древнее — само название Карпаты, относящееся к индоевропейскому субстрату: (в) korpa-ta 'скалистые' (ср. алб. karpë 'скала')³. В данном топонимическом регионе утвердились слова, унаследованные восточно-романским и славянским населением от древних славян: Дял, Извор, Прислоп, Хыртоп (Вертоп) и др.⁴ Эти слова свидетельствуют о генетической связи между карпатским языковым ареалом и балканским языковым союзом⁵. Здесь лексические архаизмы говорят о древнейших контактах между различными языками, диалектами и говорами (межславянских, славяно-романских, славяно-венгерских, романо-венгерских и др.).

Оронимия рассматриваемой зоны содержит названия, принадлежащие всем народностям и этническим группам, проживающим в настоящее время на данной территории: славянские (Долха, Загора, Облаз, Хайок, Хлибока и др.), романские (Валя, Гроапа, Груй, Мунте,

Плай и др.), венгерские (Легелеу < *Legelő* "пастбище", Сорош < < взгоров 'ущелье' и др.) и т.д.

Задача этимологического исследования топонимов состоит в определении языковой принадлежности самих топонимов, а не слов и терминов, от которых они образованы. Например, романскими следует считать топонимы, созданные романским населением на основе как исконно романских (латинских), так и нероманских (нелатиноских) элементов, но которые, будучи заимствованы из других языков, употребляются в романских языках (диалектах, говорах) с апеллятивной функцией. Исконно романского (латинского) происхождения оронимы: Валя (< вале 'долина' < лат. *vallis*), Гроапа (< < гроапе 'яма', 'могила'; ср. алб. *gropë* 'яма', 'впадина'), Груй (< груй 'холм', 'вершина' < лат. **grunium*), Мунте (< мунте 'гора' < лат. *mons, -tis*), Пикуй (< пикуй 'вершина' < лат. **pikkleus* < **pikk*), Плай (< плай 'горная местность', 'плато-горье' < лат. **plagius* < *plaga*), Рыпа (< рыпе 'обрыв', 'овраг' < лат. *ripa*). От заимствованных слов из славянских языков образованы оронимы: Горган (< рус., укр. курган), Дял (< др. слав. дѣль 'гора, холм'), Прислоп (< др. слав. пръслопъ 'обрыв, пропасть'), Холм (< рус., укр. холм), Хыртоп (< др. слав. врътъль 'пещера, грот') и др.; из венгерского языка: Мыгла (< < meglya 'груда (штабель) дров'), Хагеу (< hágó 'ущелье'), Циклеу (< < vizkő 'скала') и др. Эти названия коренным образом отличаются от оронимов типа Долха, Загора, Облаз, Легелеу, Сорош. Первые стали собственными (географическими) названиями лишь после того, как в восточнороманских говорах употреблялись сперва в качестве нарицательных слов: горган, дял, хыртоп, мыгле, циклеу и т.д. Вторые же в данных говорах как апеллятивы никогда не употреблялись. Унаследованные как топонимические заимствования от других народов, они всегда выполняли и выполняют и в настоящее время только топонимическую функцию.

В карпатском языковом ареале наблюдается и обратное явление — проникновение географических терминов из восточнороманских говоров в контактирующих с ними говорах различных языков: в украинских — бульбона 'глубокое место в реке' (< < бульбона 'глубокое место в реке', 'водоворот, омут'), гропа 'долина', 'котловина на полонине' (< < гроапе 'яма', 'могила'), завой 'крутобережные поляны возле речки' (< < завой 'прибрежная роща'), кичера

'гора, покрытая лесом', 'круглая гора' (< кичерэ 'высокая гора'), костыш 'склон горы' (< костыше 'склон горы; косогор'), лаз 'горный дуг', 'лесная поляна' (< лаз 'раочищенный под пашни участок леса'), магура 'высокая гора, высокая отдельная гора' (< магура 'возвышенность', 'холм, гора'), плай 'широкая тропинка, ведущая по горному хребту' (< плай 'горная местность', 'плоскогорье'), рипа 'крутой отвесный берег', 'круча, обрыв', 'овраг' (< рипа 'овраг', 'обрыв, пропасть'), тарница 'седловина между двумя горами', 'гора' (< тарница 'седловина (в горах)') и др.; в польских - gawra 'яма', 'впадина', 'нора' (< гаура 'дыра' < лат. ³cauilla < cauus, caula), ггара 'крутой склон' (< ггарапе 'яма', 'могила'), ггрой, ггрой, ггрой 'вершина горы', 'откос', 'гора', 'курган' (< ггрой 'холм, вершина'), кичера 'крутая гора' (< кичера 'высокая гора'), магура 'гора' (< магура 'возвышенность', 'холм', 'гора'; ср. алб. magulë 'возвышенность', 'отдельная высокая гора'), плай 'склон горы' (< плай 'горная местность, плоскогорье'), гура, гера 'овраг', 'обрывистый склон горы' (< рипа 'овраг', 'обрыв, пропасть'), сагуна 'обрабатываемое поле' (< царина 'пашня, нива') и др.; в словацких - gahura 'воронка', 'дупло (дерева)' (< гаура), ггара 'голая каменистая гора', 'обрывистый склон горы' (< ггарапе), ггрой 'окаленный склон горы', 'гора' (< ггрой), плай 'склон горы' (< плай), ггара 'речка', 'ручей' (< рчу 'река' < лат. rivus) и др.; в чешских - ггрой 'склон горы, заросший травой' (< ггрой), кичера 'высокая гора' (< кичера), плай 'склон горы' (< плай) и др.⁶.

Таким образом, местная географическая терминология и топонимия свидетельствуют о наличии языкового единства карпатской зоны - единство как система говоров и диалектов генетически родственных и неродственных языков. Дальнейшее изучение топонимии является одной из возможностей глубокого и всестороннего анализа этой системы.

Примечания

1 Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; его же. Опыт топонимического словаря горных названий Кавказа. - "Побежденные вершины". М., 1972, с. 167-193.

² Крюкова А. С. Семантический и словообразовательный анализ микротопонимии Приуралья. - "Ономастика Поволжья", I. Ульяновск, 1969, с.208-212.

³ Об этимологии оронима см.: Георгиев В. И. Проблемы возникновения индоевропейских языков. ВЯ, 1956, № I; Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с.180; Мурзаев Э. М. Местные географические термины. - "Вопросы географии", 1970, 81, с.27.

⁴ Об этимологии некоторых карпатских орографических терминов см. Клепикова Г. П. Из карпатоукраинской терминологии горного ландшафта. - Местные географические термины Вопросы географии, 1970, 81, с. 60-70); е е же. О карпатоукраинской терминологии горного ландшафта. - "Карпатская диалектология и ономастика". М., 1972, с.51-117.

⁵ Лекков И. Към методите на изследване на украинско-сърдарските лексикални съотношения. Питання слов'язнаводства. Львів, 1962, стр.36-41; Німчук В. В. Питання про зв'язки закарпатських українських говорів з південнослов'янськими мовами. Тези доповідей у Міжвузівськ. респ.славістичн. конф. Ужгород, 1962, с.91-93.

⁶ См.: Нгабес S. Nazwy geograficzne Nacjiszczyzny. Kraków, 1950; Гринченко Б. Д. Словарь української мови, т. I-IV. Київ, 1907-1909; Марусенко Т. А. Матеріали к словарю українських географических апеллятивов. - Сб.: Польське. М., 1968, с.206-255.

Ю.Кришаква (Пряшев)

ИЗ СЛОВАЦКО-ПОЛЬСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ОБЛАСТИ АНТРОПОНИМИИ В ГОРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СПИШЕ

Горальская диалектная область в Спише¹, которая занимает северо-западную часть Восточной Словакии, является составной частью карпатского языкового ареала, поэтому представляет интерес рассмотрение некоторых явлений межъязыковой польско-словацкой интерференции. Горальская область в Спише, как указывают исторические источники (Kavulják, 1933; Chaloureský, 1947), была заселена в XIII-XVII вв. мигрирующими пастухами - так наз. "валахами" польского происхождения.

В данной статье хочу указать на некоторые явления - следствии длительных контактов горальских говоров и спишских наречий, равно как и словацкого литературного языка. В качестве ис-

ходного материала послужил словообразовательный анализ прозвищ, бытующих на территории горальской области².

В горальской области в Спише примерно две трети населения наряду с официальными именами имеют и "живые" имена, т.е. имена, которые употребляются для идентификации лиц в неофициальном, частном общении. Вследствие незначительности миграции населения в этой области широко разветвлены родотвенные отношения, которые часто уже даже не осознаются; вследствие этого в одном населенном пункте живет много однофамильцев.

Горальские говоры в Спише на основании существенных языковых признаков считаются говорами польского происхождения. Эта констатация не была бы полной, если не отметить при этом, что горальские говоры в то же время находятся под сильным влиянием словацких диалектов. Это влияние заметнее всего в фонетическом и лексическом планах, несколько менее заметно в плане морфологическом. В.Важны (Vážný, в.74), например, считает следствием влияния словацких говоров на горальские функционирование морфемы =m в I-ом лице ед.ч. у всех глаголов.

В языковом и географическом отношениях горальские говоры в Спише не составляют единого целого³. С географической точки зрения нагорье Спишская Магура разделяет горальскую область на две части: северную, называемую Замагурье, которая составляет языковое и географическое целое (17 деревень), и южную, которая не образует единства — здесь горальские деревни часто представляют собой языковые островки в словацкой, украинской (а в прошлом — и немецкой) языковой среде. Природные условия предопределили и некоторые языковые различия, имеющиеся между северной и южной частями области. Различия тут наблюдаются прежде всего в фонетике, но также и в степени влияния спешских наречий на горальские говоры. Языковая интерференция в наибольшей мере заметна в южной части, т.е. в тех деревнях, которые непосредственно соседствуют с инодиалектными деревнями. При этом наблюдается определенное различие между говором старшего и среднего поколения, с одной стороны, и молодого поколения, с другой.

Прозвище⁴, так же, как и фамилия, является выражением определенных обстоятельств, связанных с названием. Возникновение прозвищ и их применение для идентификации лиц в неофициальном, частном общении сохраняет преемственность развития от одной именной системы названия к двуименной. Тот факт, что они не являются официально кодифицированными, таит в себе потенциальную

возможность постоянного образования новых прозвищ. С этим связана и экспрессивность прозвищ. Если же имя передается по наследству, оно, как правило, утрачивает экспрессивность и приобретает языковой характер.

Самые продуктивные словообразовательные модели прозвищ в горальской области в Спише — это модели, выражающие родотвенное отношение всегда к одному лицу (к отцу, матери, но если это имя передается по наследству, — то к бабушке и дедушке). Эта функция обозначения родства, наряду с основной функцией, идентификационной, выражается либо аналитической формой, т.е. сочетанием с предлогом, либо деривационными родотвами, такими, как патронимические суффиксы: *-of/=of*, *-in/=yn*. Например: *Jyndrek od Mažnego*, *Jaš od Ĥroboka*; *Valek Staskóf*, *Franek Mažokóf*; *Jaš Mišulin*, *Jantek Galancyn*. Согласно данным В.Бланара (Blanář, в. 37), выражение родотвенного отношения к одному лицу, а не ко всей семье, характерно для восточной части Словакии. Выражение родотвенного отношения к семье как к единому целому характерно для Средней и Западной Словакии. С этой точки зрения горальская диалектная область в Спише образует органическую составную часть восточнословацкой диалектной области. Выражение родотвенного отношения ко всей семье является в горальской области опорадическим и имеет место лишь в четырех деревнях, расположенных на краю области, например, *Vojtkovie*, *Beňo od Vojtkóf*, *Beňo Vojtkovki*.

Прозвища женских лиц образуются чаще всего от форм лиц мужского рода. В горальских говорах употребляются следующие суффиксы: *-uľa*, *-ino*, *-ka*, *-vka/-ska||=-vko/-sko*, *-ova*. Самым продуктивным является суффикс *-uľa*, который имеет стилистическую окраску. Суффикс *-uľa* употребляется и на всей территории Словакии. Суффикс *-ino* употребляется опорадически, в 4-х населенных пунктах, в районах, граничащих с ПНР. Этот суффикс можно рассматривать как реликтовый. Например: *Šmietanino*, *Krafcino*. Аналогичная ситуация наблюдается в горальской области на Ораве, где, по данным Т.Голембиовскэ (Gołębiewska, 1971, в. 43-44), суффикс *-ino* продуктивен у горалей на территории Польши, а суффикс *-uľa* — в Словакии.

По данным А.Зарембы (Zaręba, 1965, в. 457; Zaręba, 1966, в. 331), суффикс *-uľa* часто употребляется и в говорах Южной Польши, на Подгале и в соседних районах, а также на большой территории Южной и Юго-Западной Силезии. А.Заремба (Zaręba, 1965, в. 462) не рассматривает употребление этого суффикса в польских

и словацких говорах как следствие словацко-польских языковых контактов; он считает современную ситуацию наследием древнего состояния. Спорадичность употребления суффикса =ino в пунктах, граничащих с ПНР и высокая степень продуктивности суффикса =uľa, несомненно, свидетельствуют о том, что расширению суффикса =uľa способствовала и межъязыковая интерференция.

Стилистически неокрашенными являются суффиксы =ova, =vka/=ska||=vko/=sko, которые первоначально были суффиксами женских фамилий. Они используются вместо экспрессивно окрашенных =uľa, =ino, =ka и их частое употребление является результатом стремления приблизиться к городскому типу названия. В данном случае имеет место уже прямое влияние литературного языка на говоры.

В заключение я хотела бы упомянуть еще об одном способе образования прозвищ, который весьма архаичен и который свидетельствует о том, что образование прозвищ в этой области является живым языковым процессом и что прозвища, передаваясь по наследству, теряют свое значение и приобретают знаковый характер. Это явление интересно прежде всего с грамматической точки зрения. Аналогичный случай образования прозвищ я не нашла ни в словацкой, ни в польской очомастической литературе.

Речь идет о группе прозвищ, образованных от топонимической основы. На наш взгляд, при образовании этих прозвищ происходит процесс детопонимизации исконных топонимических единиц и переход из категории топонимов в категорию антропонимов. Отдельные этапы детопонимизации представляют собой постепенную переоценку формальной структуры исконных топонимических единиц.

Процесс детопонимизации состоит из нескольких этапов: 1. Изменение предложного сочетания в застывшую форму; 2. Его субстантивация, когда застывшая форма служит производящей основой для образования новых прозвищ. При деривации, однако, уже не осознается исходная морфематическая структура наименования, поэтому эти новые антропонимы надо оценивать мономорфематически как ряд фонем. Например:

0. Vilo v Polanky	(idem do:) Vila na Polane
1. Mašek Zbřysku	" Mačka Zbřysku
2. Mihol Zezatku	" Zezatku
3. Zestaryjkarcmuľa, Zezatkuľa	

Застывшее предложное сочетание субстантивируется без изменения своей формальной структуры и при образовании следу-

ших дериватов эта застывшая форма служит производящей основой. Застывшие предложные сочетания типа *Maček Zbýzku, Stavek Skiuru* встречаются во всей области. Последние две ступени переоценки формальной структуры топонимической единицы эпизодически встречаются в тех же самых населенных пунктах, в которых употребляются и формы на *-ino*, образованные от форм мужского рода. Это пункты, расположенные на периферии области, граничащей с ПНР, где сохраняются редкие, архаические явления, не встречающиеся в центральной части области.

Как результат межъязыковой интерференции в горальской области можно также рассматривать частое употребление суффиксов *-ko, -čik, -ik, -o* при образовании уменьшительных имен вместо старых, характерных для этой области суффиксов *-ek, -uř, -ě*. Например: *Jonek, Franuř, Stař, Jař, Jano, Fero, Janko, Ferko, Štefik, Urbančik*.

В южной части горальской области эти суффиксы употребительны и при названии лиц орднего и старшего поколения, в Замагурье — только лиц самого молодого поколения. И тут заметна неравномерность влияния спешоких наречий и литературного языка на горальские говоры.

Наши замечания не претендуют на полноту изложения, мы лишь хотели отметить, что область горальских говоров, в Спише и с точки зрения продуктивности некоторых словообразовательных моделей прозвищ представляет собой составную часть восточнославянской диалектной области, что можно рассматривать как результат длительных межъязыковых контактов прежде всего со спешокими наречиями, а в послевоенные годы — и с литературным словацким языком. В то же время некоторые архаические явления, имеющие место на периферии области, свидетельствуют о том, что многие явления в центре области являются следствием межъязыковой интерференции.

Перевод с польского
Л. И. Васильевой

П р и м е ч а н и я

I Кроме горальской области в Спише, есть горальская область на Ораве, которую исследовали прежде всего польские диалектологи

ГИ: К а г а á М. Fonetyka i fonologia. Polskie dialekty Orawy. Kraków, 1965; G o ł e b i o w s k a Т. Terenowe nazwy orawskie. Kraków, 1964; о н а ж е. Antroponimia Orawy. Kraków, 1971.

2 Всего здесь 33 населенных пункта, которые административно входят в два района — Поград и Старая Любовня.

3 Подробнее о классификации их см.: Sobie r a j w k i Z. Atlas pols kich gwar spískich na terenie Polski i Czechosłowacji. I-II. Poznań, 1966, s.79-84.

4 В словацкой ономастической литературе употребляется термин "živé meno", введенный В.Бланаром.

П р и н я т ы е о к р а щ е н и я

Blanár - В л а н á р. V. Porovnávia slovanska antroponomastika. - В кн.:Sbornik rozprav k sedmdesátým pátým narodeninám V.Šmilauera. Praha, 1970.

Gołębiowska, 1971 - G o ł e b i o w s k a Т. Antroponimia Orawy. Kraków, 1971.

Charourecky - Ч х а л о у р е с к ý V. Valaši na Slovensku. Praha, 1947.

Kavulják - К а в у л j á к А. Valaši na Slovensku. -Вкн.:Sbornik na počesť J.Škultétyho. Martin, 1933.

Vážný - V á ž n ý V. Z mezislovanského jazykového zeměpisu. Příspěvky k dokumentární hodnotě díla: "M.Małecki, K.Nitsch. Atlas jazykowy Polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934". Praha, 1948.

Zaręba, 1965 - Z a r e b a А. Ze związkow jazykowych polsko-czeskosłowackich (Rodzinny przyrostek -ula). - В кн.:Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, t.V. Warszawa, 1965.

Zaręba, 1966 - Z a r e b a А. Formy nazwisk żon i dzieci w dialektach języka polskiego. I-II. - "Onomastica". XI. Kraków, 1966; "Onomastica". XII, Kraków, 1967.

Л.В.Кракалия (Черновцы)

МОЛДАВСКО-УКРАИНСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ В АНТРОПОНИМИИ СОВЕТСКОЙ БУКОВИНЫ

В последние годы исследованием молдавско-украинских взаимоотношений занимаются многие ученые. Столь интенсивное изучение данного вопроса вполне объяснимо и закономерно, так как "ис-

тория современного молдавского литературного языка, его формирование и дальнейшее развитие не могут быть всесторонне изучены без учета молдаво-руско-украинских взаимоотношений¹. В этом плане большой научный интерес представляют проблемы изучения взаимоотношений молдавского и украинского антропонимикона.

Антропонимия Советской Буковины в общем русле украинской антропонимной системы в силу ряда географических и исторических факторов сохраняет некоторую специфику. Украинская антропонимическая система Советской Буковины включает в свой состав, кроме собственно украинских, также молдавские названия (Домника, Родика, Манолий, Мирча и др.). Это — результат тесных политических, экономических и культурных связей между украинским и молдавским населением, издавна проживающим в Черновицкой области.

Дополнение состава имен того или иного ареала за счет названий, заимствованных из других языков, является одним из очень важных средств обогащения и разнообразия нашего сегодняшнего именника. Давно известно, что "соприкосновение языков является исторической неизбежностью, и соприкосновение это неизбежно влечет за собой их взаимопроникновение"². Процесс проникновения молдавских элементов в состав украинского именника не воспринимается как нарушение антропонимической системы украинцев. Антропонимическая система языка отличается неизменностью и замкнутостью. Она постоянно пополняется за счет заимствований из других языков, а также путем трансформированных и индивидуальных образований. Взаимодействие двух братских народов — украинского и молдавского — активизирует развитие советской антропонимики в целом и содействует усвоению тех или иных имен ее широкими слоями населения. В наше время определенное количество наименований постепенно выходит за пределы функционирования только в одном (родном) языке и становится, таким образом, достоянием носителей другого языка. Беспрерывный ход развития общественной жизни украинцев и молдаван, находящихся в продолжительных дружеских контактах, обмен материальными и духовными ценностями, взаимообогащение их национальных культур позволяют говорить об общем фонде некоторой части имен в советской антропонимике.

На исследуемой территории употребляются такие молдавские личные имена, которые регистрируются и на собственно молдавской территории, как полные официальные названия: Виорика, Ливия, Фелиция, Манолий, Мирча. В роли официальных среди украинцев Совет

ской Буковины реже фиксируются имена, употребляемые как неофициальные. Так, в актовых записях украинок в последние годы зарегистрированы как полные официальные имена следующие молдавские разговорные формы: Аурика < Аурелия, Даруца < Дария, Анжелика < Анжела. Подобные названия, по наблюдениям М.А.Косничану, благодаря своей новизне функционируют как самостоятельные и в МССР (Аурика < Аурелия и др.)³. Такие факты являются свидетельством того, что в непрерывном процессе саморазвития и усовершенствования язык "... никогда не перестает использовать собственные ресурсы" (перевод наш - Л.К.)⁴.

Молдавские имена по-разному функционируют в украинской антропонимической системе Советской Буковины, имеют неодинаковый удельный вес в ней, но несомненно то, что каждое такое имя имеет свою "жизнь" в этой системе. Взаимодействие двух антропонимических систем - украинской и молдавской - не ограничивается качественным обогащением их антропонимикона; оно, безусловно, содействует и количественному обогащению их состава. Отметим, что степень распространения как украинских имен в целом, так и молдавских названий в составе украинского именника разная. Среди украинцев Советской Буковины наибольшей употребительностью характеризуются следующие молдавские имена: Виорика, Домника, Драгош, Манолий. Меньшей популярностью пользуются имена Родика, Лилика, Аурел, Калин. Не подлежит сомнению, что на степень употребительности в украинской антропонимической системе того или иного молдавского имени влияют культурно-исторические и эстетические факторы, не последнюю роль играют здесь и мода, определенные традиции. Однако наибольшее влияние имеет фактор расположения украинского говора по отношению к молдавскому. Молдавские личные имена на территории Черновицкой области функционируют не только в тех говорах украинских сел, которые расположены в абсолютном молдавском окружении (например, говор села Турятка Глубокого района), но и в тех говорах украинских сел, которые находятся на сравнительно большом расстоянии от молдавских (например, говоры Путильского района): Марика, Дорика, Аристица, Аурел. Эти примеры свидетельствуют о довольно значительных ареалах бытования наиболее распространенных молдавских личных имен на украинской языковой территории. Но практическое употребление таких имен в семьях украинцев разное. Наибольший процент украинцев - носителей молдавских имен фиксируется именно в тех укра-

инских селах, которые находятся в непосредственной близости от молдавских. Примером может служить украинское село Корчивцы Глубокского района. Кроме собственно украинских, здесь в семьях украинцев зафиксированы, как официальные, молдавские названия: Раду, Мариан, Троян, Флорий, Виорел, Мирча, Дорел (< Теодор), Домника, Родика, Флорика, Станкуца (< Стана), Аурика (< Аурелия).

Большинство разговорных форм, употребляемых украинцами Советской Буковины, функционирует в диалектной антропонимии Украины, однако некоторые из них ограничены рассматриваемым ареалом. Если, например, формы Иванко, Иваночко, Иваник распространены на всей территории Украины, то формы Ивоника, Ивонел, Ионича регистрируются только в Черновицкой области как в семьях молдаван, так и в семьях украинцев. Проникновение таких образований в украинскую антропонимную систему Советской Буковины объясняется постоянными, крепнущими контактами двух братских народов.

При образовании разговорных форм украинцы используют значительное количество словосоздательных моделей. Состав их богат и разнообразен: 1) собственно украинские (-ко, -ик, -чик, -цьо и др.) и 2) суффиксы молдавского происхождения (-іка, -іца, -ука): Василика, Наталица, Сидорука.

Контактирование языков — двусторонний процесс, который предполагает не одностороннее, а взаимное языковое влияние⁵. В наше время состав личных имен молдаван, проживающих в Черновицкой области, значительно расширился благодаря заимствованиям из украинского языка. В связи с тем, что "... язык особенно быстро обогащается в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей"⁶, в последние десятилетия усилился процесс проникновения украинских имен в молдавские семьи. Широкое распространение среди молдаван-буковинцев получили украинские имена: Одарка, Орися, Калина (а не Кэлина), Оксана, Леся, Олесь. Некоторые из этих имен (Оксана, Леся), как свидетельствуют записи Загсов последних лет, увеличивают свою частотность.

Непосредственное контактирование украинцев и молдаван находит яркое отображение и в системе образования разговорных форм имен. Многие разговорные формы, употребляемые украинцами, стали приобретением и молдаван. Так, например, при анализе системы персональной антропонимии молдавского села Междуречье Сторожинецкого района оказалось, что жители этого населенного пункта, кроме собственно молдавских образований, активно употребляют и

украинские названия: Иванко, Ивасик, Ганочка, Васьок, Юрась, Аурельцо.

Состав тех словообразовательных моделей, при помощи которых молдаване образуют разговорные формы имен, подвергся значительному расширению и обновлению. Наиболее активны суффиксы: -ко, -уся, -сь, -цо: Юрко, Ганнуся, Верусь, Флорцо и др. В диалектной антропонимии Советской Буковины отмечается тенденция к активному образованию новых словообразовательных средств, которые ранее в местных говорах не употреблялись ни украинцами, ни молдаванами: -а /-я/. Имена Вася, Катя, Саша, Паша очень популярны на исследуемой территории и в украинских, и в молдавских семьях. Отметим, что продуктивность новых словообразовательных моделей -а /-я/, -ша в разговорной речи буковинцев-украинцев и молдаван по национальности - возрастает. В языковой практике они в одинаковой мере употребляются как от новых, неизвестных здесь ранее, так и от старых, традиционных имен, распространенных на Буковине давно. Например: Боря < Борис, Поля < Полина, Мироша < Миرون. Такие примеры свидетельствуют о том, что в исследуемых говорах словообразовательные модели -а /-я/, -ша - живая продуктивная категория при образовании разговорных форм в семьях и украинцев, и молдаван. В то же время они не ограничены только территорией Черновицкой области. Новые словообразовательные модели -а /-я/, -ша активно функционируют в наше время в диалектной антропонимии других областей Украины, Молдавии, России.

Существование дружеских отношений между украинцами и молдаванами, проживающими на территории Советской Буковины, играет положительную роль в процессах взаимодействия и взаимообогащения двух антропонимических систем, дает возможность говорить о своеобразном "перекрещивании" этих систем.

Примечания

¹ Корлятану Н. Проблемы изучения славяно-молдавских языковых, литературных и фольклорных элементов. - "Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.", 1968, т. XXVII, вып. 6, с. 529.

² Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 257.

³ Косничяну М. А. Источники пополнения молдавской антропонимии. - В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 71.

⁴ П а л а м а р ч у к, Д. С. Оновлення і збагачення лексики української літературної мови після Лютня. — "Мовознавство", 1972, № 4.

⁵ Ср.: М и х а й л о в М. М. Дваязычие (Принципы и проблемы). Чебоксары, 1969, с.62.

⁶ Г о р ь к и й М. О литературе. М., 1953, с.667.

Г.Ф.Шило (Дрогобыч)

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ В РАЙОНЕ КАРПАТ

В данной статье рассматриваются некоторые заимствования и параллели, существующие в украинских и восточнороманских диалектах, которые еще не упоминались в научной литературе.

А.Зайончковский приводит в своей статье¹ слова podrum, bodrum 'погреб' (ср. греч. $\psi\lambda\omicron\beta\rho\mu\omicron\varsigma$), которое зафиксировано в ряде южнославянских языков, в молдавском; соответственное слово существует в гуцульских говорах: по́др'а (ж.р.), в надднептровских — по́др'а (рл.т.), підра, підре (ср.р.) 'чердак в сарае, конюшне' и т.д. В карпатоукраинских говорах известно слово під 'чердак над домом', ср. наличие того же слова в сербском (pod) в молдавском (под), при болг. чердак, слон и др.² Изогlossen слова під отделяет южные украинские говоры от северных, где распространено слово гора; последнее известно говорам юго-западной части БССР, а также охватывает почти всю территорию центральных и северных говоров Польши³. Отмеченное нами название одной детали в овине: квандра 'место в овине, куда кладут снопы' (с. Чагров, Ивано-Франковской обл.) можно сопоставить с названиями чвертетина, четвертина 'то же', записанные в некоторых пунктах Городокского района Львовской обл. В гуцульских говорах обмолоченный сноп называют жуп, в некоторых закарпатских говорах (Ужгородский р-н) существует производное жу́па и производное жупи'аг 'куль', ср. молд. жуп 'небольшой обмолоченный сноп ржи, который кроет крышу', 'связка стеблей кукурузы'.

Большой интерес представляет лексика, относящаяся к кличкам животных. Так, например, волыньские говоры в этом отношении сильно отличаются от надднептровских. В с. Худяковцы (Тернопольская

обл.) нами записано междометие для отгона овец а-рйа!; оно может быть сопоставлено с аналогичным междометием в говорах северо-западной части Румынии⁴; в надднестровских говорах междометие для приманивания лошадей о'ц'оў!, в воляньских - ко'оў!.

Для слова ватра М.И.Онышкевич в своем "Словаре бойковского говора" приводит некоторые значения, которые следовало бы включить в вопросник будущего "Общекарпатского диалектологического атласа": 'вал сена, покос', 'грунт, усадьба хозяина'; в этой связи можно упомянуть о существовании семантических параллелей в восточнороманских диалектах (ср. семантику слова ватра в молдавском индексе ОЖДА - настоящий оборник, стр. 157). Известно, что это слово зафиксировано за пределами карпатского ареала - в украинских говорах: 'огонь', 'костер', 'дно печи' (надднестровские), 'искра из горячей соломы' (жновольские), а также на южнославянской территории, например, в сербохорватском⁵.

Заслуживают внимания и названия некоторых растений, животных, птиц. Слово попонец 'вьюнок' фиксируется в надднестровских и западнобойковских говорах, есть оно и в сербских: попонац, ср. также молд. попонец. Название картофеля барабой, барабой известно надднестровским говорам (Золочевский р-н Львовской обл.); вместе с тем оно известно и в болгарских диалектах. Слово жир распространено в надднестровских говорах, в значении 'семя бука' оно характерно для болгарских говоров, ср. и соответствие ему в молдавском языке. Отметим и параллель: бабине вухо 'вид гриба' - сербохорв. *uho babino* 'то же'. Названию в украинских говорах к'ертиц'ї соответствуют южнославянские названия, в частности, сербохорв. *krtica*, а также молд. *къртица*; название лилик 'летучая мышь', встречаем во многих надднестровских говорах, ему соответствуют сходные названия как в болгарском, так и в восточнороманских.

Слово тарниц'а 'деревянная часть седла' встречается на Гуцульщине, ср. и в молдавском - топоним Тарницэ 'седловина между горами'.

Слово невїста отмечено в бойковских говорах в значениях 'молодая жена', 'молодая женщина', то же значение не только в сербохорв., но и в восточнороманских диалектах.

Исследуя языковые контакты, нельзя оставлять в стороне фразеологию. Например, в польском имеется много заимствований из

немецкого, ср.: *on ma resca* из нем. *Er hat Pech*, откуда он перешел в разговорную речь украинцев западных областей — "Він має пéха" 'ему не везет'.

П р и м е ч а н и я

¹ Z a j a s z k o w s k i A. Kilka wybranych etymologii zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich. — "Prace filologiczne", t.XVIII, s.161-169.

² Информация М.Младенова.

³ Mały atlas gwar polskich, t.1, карта № 6.

⁴ Atlasul lingvistic român, v.II. Buc., 1956, карта № 386.

⁵ См. значения в "Речник српскохрватског књижавног и народног језика" (књ. 2. Београд, 1962).

Г.И.Мелика, И.И.Шрамл (Ужгород)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ СКРЫТОЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

(На материале взаимодействия говоров украинского,
венгерского и немецкого языков Закарпатья)

Исследования в области межъязыковых контактов показали, что разные уровни языка характеризуются различной проницаемостью по отношению к иноязычным элементам. И хотя степень проницаемости отдельных уровней окончательно еще не установлена, ее крайние два полюса уже известны; наименьшей проницаемостью обладает морфологический уровень, наибольшей — лексический.

Проницаемость лексической системы языка проявляется прежде всего в гетерогенности происхождения лексики, которая связана со смещениями эвидентного интерференционного характера (иноязычные слова, кальки и т.д.)¹. Иноязычные элементы в лексике украинских, венгерских и немецких говоров, функционирующих на Закарпатье по несколько столетий, были объектом исследования ряда ученых УжГУ (П.Н.Лизанец², И.А.Дзензелевский³, С.И.Ковтки⁴ и

др.). В их работах речь идет не только о лингвогеографической регистрации заимствованных лексических единиц, но и о степени их семантической приспособленности к новой системе.

Противоположностью evidentных лексических смещений являются смещения дискретного интерференционного характера, состоящие в том, что они касаются не фонетической или морфологической структуры словоформы, а семантической структуры значения слова. Причем эти смещения могут скрываться в полисемии с высокой частотностью слов в направлении развития семантики слова и в самой структуре его значений. Они могут проявляться в сфере употребления данного значения слова, расширяя или, наоборот, сужая ее. Для выявления дискретных смещений интерференционного характера в синхронном плане⁵ самым удобным методом является, по нашему мнению, лингвогеография. С ее помощью становится возможным проследить, сколько и какие изосемы адекватных слов исследуемых языков распространены в данном ареале, как меняется полисемия слова в каждом отдельном населенном пункте, как глубоко в одноязычный массив проникают значения собственноязычных слов, приобретенных вследствие языкового взаимодействия.

Дискретные смещения в семантике слов взаимодействующих украинских, венгерских и немецких языковых идиомов города Мукачева и его окрестностей можно проиллюстрировать на нескольких примерах полисемии и на сфере употребления украинских слов рука, голова и адекватных им венгерских *kéz*, *fej* и немецких слов *Hand*, *Kopf*. Так, в украинско-венгерской контактной зоне слово рука имеет 50 значений и оттенков, а венгерское *kéz* — 47; в прилегающих к контактной украинско-венгерской зоне эти слова имеют по 44-42 (укр.) и 38-35 (венг.) значений, в отдаленных от контактной зоны одноязычных пунктах эти слова имеют по 36-34 (укр.) и 33-32 (венг.) значений и оттенков.

Возрастающее число значений слов рука, *kéz* и *Hand*; голова, *fej* и *Kopf* с постепенным продвижением от отдаленных одноязычных территорий к билингвальной территории мы объясняем прежде всего действием семантической интерференции, что доказывают и их изосемия. Так, мы находим во всем украинском ареале выражение *Він вже набив собі руку на цій роботі*⁶ 'у него в этой работе большой опыт', которое для венгерского и немецкого литературных языков не характерно. Однако в населенных пунктах контактной украинско-венгерской зоны и прилегающих к ней территорий

калька *ő rávert már a kezét a munkára* (дословная форма украинского выражения) распространена. В немецких говорах, образующих языковые островки в украинско-язычном массиве, это выражение звучит: *er hat die Hand bei dieser Arbeit angeschlagen*. Венгерский фразеологизм *fejre esni* 'неразумно поступать' встречается также в украинских (упасти на голову) и в немецких (*auf den Kopf fallen*) говорах. Подобно ведут себя и многие другие изосемы респондированных слов в данном ареале.

Степень дискретного смещения в семантической структуре значения слова в разных населенных пунктах в зависимости от их удаленности от контактной билингвальной зоны может также выявляться благодаря лингвогеографическим исследованиям. Так, например, в украинском языке и его идиомах слово ЛИТИ 'лить' употребляется, как правило, с названиями жидких, а СИПАТИ 'сыпать' с названиями сыпучих веществ. В немецком языке и его говорах различают соответственно *gießen* 'лить' и *schütten* 'сыпать'. В венгерском языке обычно в обоих случаях употребляется слово *önteni* 'лить' и 'сыпать'. Связано это с различной семантической структурой слов *önteni* с одной стороны и ЛИТИ-СИПАТИ *gießen - schütten*, с другой. Однако в украинских говорах сел контактной украинско-венгерской зоны и некоторых прилегающих к ней населенных пунктах слово СИПАТИ может употребляться применительно к жидким веществам. Например: *насп мені погар води (вина, пива и т.д.)*. Так же употребляется слово *schütten* в немецких говорах Закарпатья (срв.: *schütte mir Wasser ins Glas*).

Лингвогеография дает возможность установить степень распространенности смещения в сфере употребления данного значения слова. Так, слово ГОЛОВА в украинском языке употребляется в качестве единицы счета скота — у череді 40 голів окота 'в стаде 40 голов'. В немецком языке слово *Kopf* тоже употребляется в качестве единицы счета, но не скота, а людей, например, *eine 5-Kopf Familie* 'семья из 5 душ', *eine 10-Kopf Delegation* 'делегация из 10 человек'. Следовательно, сфера употребления слова ГОЛОВА и *Kopf* в данном значении неодинакова в украинском и немецком языках. Однако под влиянием окружающих украинских говоров и украинского литературного языка сфера употребления значения *Kopf* как единицы счета расширилась; оно может сочетаться со словами, обозначающими крупный рогатый скот, но не головы стада оленей, коз и т.д.).

При помощи лингвогеографии можно также установить, имеет ли семантическое смещение спорадический характер. Так, например, слово голова в украинском языке употребляется в значении 'председатель': голова зборів (колгоспу, профспілки) 'председатель собрания (колхоза, профсоюза)'. В этом значении Kopf в немецком литературном языке не встречается. В немецких же говорах Закарпатья слово Kopf в значении 'председатель' встречалось спорадически и только в сочетании со словом колхоз (Kolchoskopf). Чаще употребляются формы Kolchosholowa (заимствование украинского слова голова) и Kolchosrichter дословно 'колхозный судья, староста'.

Особенно успешным может оказаться лингвогеографический метод в сопоставительном исследовании адекватных семантических полей взаимодействующих языков. Этот метод дает возможность определить, как меняются (качественно и количественно) семантические поля в зависимости от удаленности населенного пункта от зоны маргинального контактирования исследуемых языков.

П р и м е ч а н и я

¹ Об эвидентных и дискретных смещениях на фонетическом уровне см.: Mellicka G., Schraml J. Diskrete Lautveränderungen in der ungarischen Umgangssprache von Mukachevo. - "Советское финно-угроведение", УШ, 4. Таллин, 1972.

² L i z a n e s P. M. Magyar-ukrán nyelvi kapcsolatok. A kárpátontúli ukrán nyelvjárasok anyaga alapján. Uzhhorod, 1970.

³ Д з е н д з е л і в о ъ к и й Й. О. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969.

⁴ К о в т ю к С. И. Украинизмы в венгерском говоре низовья реки Уж Закарпатской области Украинской ССР. Канд. дисс. Ужгород, 1973.

⁵ Об исследованиях семантической интерференции в диахронном плане, - В кн.: С е м ч и н с ь к и й С. Б. Семантична Інтерференція. Київ, 1974.

⁶ Ради удобства в статье приводим недиалектные фонетические формы, а соответствующие фонетические формы литературных языков, сохранив при этом лексическую и семантическую диалектные структуры.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНОСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МОЛДАВСКОЙ НАРОДНОЙ
БОТАНИЧЕСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ (УССР)

Исследование взаимовлияния и взаимообогащения языков народов СССР на всех лингвистических уровнях — одна из актуальнейших проблем советской лингвистики. Говоря о молдавско-украинских контактах, следует иметь в виду слова акад. И.К.Белодеда о том, что подобные контакты "...находят свое отражение в истории этих языков с давних времен. Они наблюдаются в памятниках старой письменности (украинских и молдо-валашских грамотах, деловых документах, юридических и дипломатических, а также торговых актах, письмах, записях, дневниках, летописях, произведениях светской и духовной литературы и т.д. (и в непосредственных заимствованиях в устной речи украинского и молдавского народов, что наблюдается и в современном народно-разговорном языке, и в литературе обоих народов"¹. Библиография работ по данной проблеме насчитывает десятки названий². В терминологической системе ботанических названий лексические единицы, собранные нами в Черновицкой области по специальной программе, могут характеризоваться следующим образом:

1. Термины, которые не изменили своей исконной формы: ЖЕЛЕЗНЯК (пп. 5, 9, 13)³, молд. лит. р э к и т а н (дербенник иволистный) < рус.железняк (РУС, I, 343)⁴; ПОДСНЕЖНИК (п.15), молд.лит. г и о ч е л (подснежник) < рус.подснежник; ПОДОРОЖНИК (пп. 40, 41, 42), молд. лит. д л я т р е х р е а л и й п э т л а ж и н э, п э т л а ж и н э-м а р е, п э т л а ж и н э-м о а л е (подорожник ланцетолистный, подорожник большой, подорожник средний) < укр. подорожник (ГСУМ, III, 245)⁵; СТОЛЕТНИК (пп. 8, 10, 13, 19, 21, 23, 33, 36, 38, 41, 42, 44, 45, 47), молд.лит. а л о е (алоэ колчоее) < рус.столетник; ЧОРСАК (пп. 5, 36, 41), молд. лит. с к а й-м э г э р е с к (татарник колючий) < укр. черсак (ГСУМ, IV, 459) и др.

2. Термины, претерпевшие более или менее существенные фонетические изменения, среди которых наиболее частыми являются следующие:

а) восточнославянская фонема а в конце слова соответствует молдавской ы/я: БАПКИ(Э) (пп.19, 45, 52), молд.лит. п э т л а ж и н э-м а р е (подорожник большой) < укр. бабка (ГСМУ, I, 14);

БРУСНИКЫ(Э) (пп.12, 14, 39), молд.лит. м е р и ш о р, к о а к в э э (брусника) < рус. бруоника (ДТС, I, 131)⁶, ср.укр. бруоничя (ГСУМ, I, 102); чех. brusnice, польск. brusnica, brusznica (ФЭСРЯ, I, 221)⁷; ДУДКИ(Э) (п.6), молд.лит. к у к у т э - д е - а п э (вех ядовитый) < рус. и укр. дудка (МОРН⁸, 67; ГСУМ, I, 453); КОНЮШИНЫ(Э) (пп.42, 45, 47, 51), молд.лит. т р и ф о й - р о ш у (клевер луговой или красный) < укр. конюшина (ГСУМ, II, 278; УИР, 172)⁹; СМОРОДИНЫ(Э) (пп. 23, 30, 32), молд.лит. к о а к в э э н я г р в (смородина черная) < укр. смородина (ГСУМ, IV, 160); ТРАВЫ(Э) (пп.13, 17, 19, 20), молд.лит. п и р - т ы р ы т о р (пырей ползучий) < укр. травка (ГСУМ, IV, 278); см. переход ы > й и в словах кладоуки < укр. кладовка, лауки < укр. лавка (УИР, 173 и др.);

б) в некоторых словах о перешел в оа. Данное фонетическое явление (о > оа) свидетельствует о большой древности этих слов в молдавском языке (говорах): ПОТОРОАКЫ(Э) (пп.7,8-15,18,26-28, 34), молд.лит. ц и н т а у р э (золототысячник малый) < укр. диал. потрох (ср. рус. потрох, потрошить, укр. потрохати, белорус. потрошыць, польск. patroszy - ФЭСРЯ, III, 346); ТУОАИ(Е) (пп.2, 3,5,8,9, 13-15, 22-27, 29-32, 34-36, 40,42, 44-47, 51,52), молд.лит. о м а г (аконит ядовитый) < укр. тоя (ГСУМ, IV, 274) и др.;

в) в некоторых терминах г > h: hАНУС (пп.17,25,30,36, 41-43,47,51,52), молд.лит. м о л у р э (фенхель обыкновенный) < укр. ганус; hОРЧИЦЫ(Э) (пп.8, 11, 12, 16, 43), молд.лит. м у ш т а р а л б (горчица белая) < рус. горчица (ФЭСРЯ, I, 445); ср. укр. гiрчиця (ГСУМ, I, 316); hРИЦУ (пп.46, 50, 52), молд.лит. м и к с а н д р э - с э л б а т и к э (желтушник серый) < укр. грички (ГСУМ, I, 327) и др.;

г) в отдельных терминах упущены некоторые звуки, имеют место другие фонетические изменения: СЕРПНИК (п. 43), молд.лит. с п и н - в ы н э т (синеголовник плосколистный) < укр. серпiвник (ГСУМ, IV, 116); МОЛЧИ (п.43), молд.лит. с к а й - а м а р (волчеч кудрявый) < укр. молочiй (ГСУМ, II, 443); БАКАЦИИ(Е) (пп. 4,5, 19), молд.лит. салкым (белая акация)¹⁰ (УИР, 172); КМИН (пп.5, 21, 36, 37), молд.лит. к и м и о н (тмин обыкновенный) < укр. кмин (ДТС, II, 124; ср. рус. тмин, белорус. кмiн, словен. kmīn, kmīn, чех. kmīn, словац. kmīn, польск. kmīn (ФЭСРЯ, IV, 65); КУЙБАБА (пп.40-43,45-47, 49,51,52), молд.лит. п э п е д и е (одуванчик лекарственный) < укр. кульбаба или куйбаба; СОНИШНИК (п. 5), молд.лит. ф л о а р я - с о а р е л у й (подсолнечник однолет-

ний), завидетельствовано и в "Молдавском лингвистическом атласе" (АЛМ) (карта 920); укр. соняшник (УИР, 172); СТАРИВНИК (п.12) молд.лит. я р б э-м а р е (девясиль высокий) < укр. становник (ГСУМ, IV, 197) в результате диссимилиации н в р.

3. Молдавская народная ботаническая терминология обогатилась путем калькирования: ОКИ-АНЮТИ (пп.25, 30, 35), молд.лит. т р е й-ф р а ц ь-п ь т а ц ь (фиалка трехцветная) < рус. Анютинны глазки; О-СУТЭ-ДЕ-КАПЕТИ (п.15), молд.лит. я р б э-д у л ч е (солодка голая) < рус.стоколос; ГАРЫ-САДОВАИ (пп.44,48, 49, 50), молд.лит. п и р-т ы р и т о р (пырей ползучий) < рус. трава садовая.

4. В данной терминологической системе встречаются лексемы, образовавшиеся путем "народной этимологии", несуществующей полностью¹²: БАРБАНОК (пп.5,9,11,14, 17-22, 24,25, 31-34,37-42, 46, 48), молд.лит. с а к с в, б р е б е н о к (барвинок малый) < укр. барвінок (ГСУМ, I, 29); БУБОЙНИК (пп.24,38,39), молд.лит. д р а ч и л в (барбарис обыкновенный) < укр.бубовник ; КУЙБУ-БАБИ (пп.32, 33), молд.лит. п ь п е д и е (одуванчик лекарственный) < укр.кульбаба (ГСУМ, II,323) и др.

5. Считаю, что в программу ОИДА (в славянской части) можно включить те лексемы, которые имеют сравнительно большое ареальное распространение: бапкэ (который обозначает и инструмент для точения косы), потроакэ, смородинэ, столетник; тоае, траукэ, барбанок и др.

6. Наличие в молдавских говорах Северной Буковины древнейших и сравнительно новых восточнославянских элементов в ботанической номенклатуре доказывает, что между этими народами существовали издавна тесные контакты, которые в последнее время заметно интенсифицировались.

Примечания

¹ Белодед И. К. Развитие языков социалистических наций СССР. Киев, 1969, с.279.

² См. Дырл А. М. Библиография привид инфлуенца лимбилор ест-славе асупра лимбилор романиче де рэсэрит. - Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Кишинев, 1961, с. 79-96.

³ Сторожинецкий район: 1 - Красноильское, 2 - Междуречье, 3 - Будинец, 4 - Майлан, 5 - Старые-Броскины, 6 - Рпчя, 7 -

Верхние-Петровцы, 8 - Нижние-Петровцы; Глубокский район; 9 - Купка, 10 - Каралчив, 11 - Широкая-Поляна, 12 - Каменка, 13 - Багринивка, 14 - Порубное, 15 - Дубовка, 16 - Дымка, 17 - Валя-Кузьмин, 18 - Волока, 19 - Коровия, 20 - Молодия, 21 - Острица, 22 - Горбова, 23 - Гоудиновка, 24 - Великая-Буда, 25 - Байраки, 26 - Привороки, 27 - Синауцы, 28 - Станивци, 29 - Буковка, 30 - Подвальное, 31 - Тернаука, 32 - Хряцка, 33 - Молница, 34 - Лунка; Новоселецкий район: 35 - Тарасауцы, 36 - Строинцы, 37 - Бояны, 38 - Магала, 39 - Буда, 40 - Колинкауцы (Хотинский район), 41 - Ракитное, 42 - Динауцы, 43 - Котылева, 44 - Черленовка, 45 - Берестя, 46 - Форосна, 47 - Ванчикауцы, 48 - Костичаны, 49 - Дранца, 50 - Мамалыга, 51 - Сталинешты, 52 - Несвол.

4 РУС — Русско-украинский словарь, т. I-III. Киев, 1970.

5 ГСУМ - Г р і н ч е н к о Б. Словарь української мови, т. I-IV. Київ, 1907-1909.

6 ДТС - Д а л ь В. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I-IV. М., 1955.

7 ФЭСРЯ - Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Т р у б а ч е в а, т. I-IV. М., 1964-1973.

8 МОРН - М е р к у л о в а В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967.

9 УИР - У д л е р Р. Я. Інфлуенце речипроце молдо-україне на районеле перифериче. - Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения, т. II. Кишинев, 1967.

10 Матеріали до словника буковинських говірок. Под ред. Ю. О. Карпенко и др. Випуск перший. Чернівці, 1971, с. 8.

11 К а р п е н к о Ю. О. Деякі назви культурних рослин у буковинських говірках (До питання про мовні взаємозв'язки). - Питання історії і діалектології східнослав'янських мов. Чернівці, 1958, с. 108.

12 С о с с ь о р Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 162.

К. Ф. Герман (Черновцы)

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Тесные многовековые связи между восточными славянами и молдаванами оказали значительное влияние на языки этих народов. Лексической интерференции в этой системе принадлежит главное место. Среди заимствованных слов имена прилагательные образовали заметный пласт, но изучены они недостаточно.

Займствование имен прилагательных – доказательство длительных языковых связей, результат многовекового контактирования между носителями разных языков. Молдавское население живет среди украинцев на Левобережье Днестра и на Буковине. Украинские говоры в окружении молдавских известны во многих районах Молдавской ССР. В этих зонах нередко встречаем население с украинско-молдавским билингвизмом. Зона фронтальных контактов между украинскими и молдавскими говорами тянется на сотни километров.

Лексика молдавского языка обогатилась и словами, заимствованными из русского языка – языка межнационального общения народов Советского Союза. Русский язык стал вторым родным языком для миллионов людей разных национальностей нашей социалистической Родины.

О начале контактов между славянами и предками молдаван можно говорить о VI–VII веков. Украинско-молдавские языковые связи начинаются о XIV века.

Молдавские имена прилагательные олавянского происхождения несут следы разных этапов развития языков восточных славян. Так, например, древние именные, краткие имена прилагательные, заимствованные от славян, сохранились в молдавском языке*.

Прилагательное мындру (MPC) принадлежит к наиболее древним славянским заимствованиям (< Мхдрь). Наличие следов носового в передаче ж говорит о том, что прилагательное заимствовано ранее X века. О древности этого заимствования говорит и конечный гласный у, который соответствует славянскому редуцированному гласному ъ. В XII веке редуцированные гласные ъ, ь в слабой позиции исчезают, а поэтому краткие прилагательные, заимствованные из олавянских языков после XII в., уже не имеют конечного – у: богат, слаб, слобод, слут (MPC). Поскольку краткие прилагательные заимствованы давно, они настолько прижились, что стали нормой современного молдавского языка.

В молдавских маргинальных и островных говорах распространено также большое количество прилагательных в полной форме, заимствованных от восточных славян значительно позже. Например: адресный (ТД, I, 2, II9), винг'ёрск'и (ТД, I, I, 2I6), виноградный (ТД, I, 2, 90), зимний (ТД, II, I, 90), лишний (ТД, II, I, Ш), мад'ирóван'и (ТД, I, 2, 75), михавийе (ТД, II, I, 9I), паспортный (ТД, I, 2, II9) и др.

* По мнению автора, в молдавском языке могут быть выделены краткие и полные формы прилагательных. – Прим. ред.

Прилагательные этого типа вошли в молдавский язык из украинского и русского в период, начиная с XIV века и позднее. В годы Советской власти в некоторых молдавских говорах стали употребляться прилагательные грамотный (ТД, I, I, 185), тракторный (ТД, I, I, 174).

Прилагательные, заимствованные из восточнославянских языков, делятся на несколько семантических групп.

Прилагательные, характеризующие: 1) моральное и психологическое состояние человека: вѣсел, гросиан (МРС), жидн'и (ТД, I, 2, 7), милостив, мындру, прост (МРС), строгий (ТД, I, I, 183), твип (МРС);

2) физическое состояние человека или животного, которые в переносном смысле могут распространяться и на неживые предметы и явления: базакъ, болеак, гол, гнганв, калик, кляпэуг, котоног, слаб (МРС), скороходный (ТД, II, I, 162), тэркат, трайник (МРС) и др.;

3) социальное положение человека: богат, свобод, сэрак (МРС);

4) абстрактные признаки и качества: драг, вѣшник, зѣбавник, слѣвит, тайник (МРС);

5) признаки домашних животных: грубошерстный (ТД, II, I, 190), паршив, паг, плеван (МРС);

6) место жительства, территорию, национальную принадлежность: белоруо, городовый, гуцул, дворян (МРС), европейский (ТД, I, I, 76).

Во многих прилагательных уже в молдавском языке произошли значительные смысловые изменения. Так, например, славянское вредни первоначально имело значение 'вредящий'; современное молд. вредник - это 'прилежный', 'способный', 'достойный', 'заслуживающий уважения' (МРС). Драгъ первоначально означало 'дорогостоящий', в современном молд. драг - 'любимый', 'милый', 'дорогой'; мѣдръ - 'умный'; молд. мындру - 'гордый', 'чванный', 'спесивый', 'очастливый', 'довольный', 'красивый', 'прекрасный', 'любимый' (МРС); простъ имело значение 'простой', сохраняющееся, например, в современном русском языке, молд. прост - 'глупый', 'неумный', 'неученый', 'необразованный', 'простой', 'простонародный', 'обыкновенный', 'грубый', 'плохой', 'неудовлетворительный', 'неблагоприятный' (МРС); сэрак означало 'простой', 'бедный' сѣрак 'верхняя одеж-

да из серого сукна, которую носили простые люди (УРС), молд. сара́к — это 'бедный', 'скудный', 'неплодородный', 'бессодержательный', 'достойный сожаления' (МРС); слав. скупъ — 'окупой', молд. скупъ — 'дорогостоящий', 'дорогой' и реже — 'скупой'. Прилагательное шлямпатий со значением 'некрасивая (походка)' распространено в юго-западном наречии украинского языка, откуда заимствовано молдавскими говорами; молд. шлямпат преобрело еще и значение 'оборвыш'. Последнее, вероятно, не без контаминации с другим украинским словом — шляпатник 'оборвыш', молд. шлямпат означает также 'недисциплинированный', 'неаккуратный'. Таким образом, семантика многих заимствованных от славян имен прилагательных изменялась и обогащалась в молдавском языке.

Анализируемые прилагательные образованы по нескольким типично-восточнославянским моделям. Адаптация их произошла, главным образом, на фонетическом уровне. Морфологическая же характеристика в подавляющем числе заимствований не претерпела изменений.

Многие прилагательные краткой формы не имеют ни суффиксов, ни окончаний: тряз, лаком, скупд, дырз, штирб.

Известны также краткие прилагательные с суффиксами -ан, -ав, -ив, -ан, -ит: здраван, цапан, румен, грозав, мыршав, гробан, славит; в этой группе наибольшую продуктивность имеют прилагательные с суффиксом -ав.

Полные прилагательные сохраняют славянские суффиксы: -н, -ск, -ов, -ан, -ян, -ейск, а также окончание -ий: зимний, сороходный, белоруски, вингерски, городовий, малировани, дворян, европейский, паспортный, лишний, адресный. В некоторых прилагательных наблюдается, правда, усечение конечного -й: ядни, вингерски и др.

Прилагательные с суффиксом -ик, которые выполняют также и функции существительных, происходят от соответствующих болгарских существительных: войник, гроазник, напрасник, невалник, народник, вечник, страшник, неприелник.

В некоторых прилагательных наблюдается морфологическая адаптация. Так, слав. пѣстръ дало в молдавском пестриц с молдавским суффиксом -иц. Последовательная адаптация наблюдается в прилагательных, являющихся этнонимами: например, русский, украинский в молдавском образуют формы с помощью суффикса -еск: русеск, украинеск и др.

Привлекает внимание и то, что большинство заимствованных от славян прилагательных имеют в молдавском языке большое число производных форм в разных частях речи, целые ряды однокоренных слов: богат, богаташ, богэцие; драг, дрэгуц, дрэгэлаш, драгосте, дрэгэлэшение, дрэгэлэшие, дрэгэстос, (а се) дрэгости; прост, простан, простатик, простеск, простеште, (а се) прости, простие, простолан, простэнак; сзрак, сэрэкуц, сэрэкачос, (а) сэрэчи, сэрэчие, сэрэчиме, сэрэчире и т. д.

В то же время в украинских говорах юго-западного наречия (буковинских, гуцульских, покутских, подольских и придунайских) употребляется значительное количество имен прилагательных, заимствованных из молдавского языка. По семантическому признаку они делятся на четыре группы.

Прилагательные, характеризующие: 1) внешний вид человека: гүшатий, путэрний, слүтий.

Гүшатий, -а, -е 'болен зобом', 'зобастый' - болезнь щитовидной железы (ГСУМ, I); также 'покрытый шишками на теле' (ЖМНС), последнее значение нами в говорах не зафиксировано. Слово образовано от молдавского корня гуш - (ср. гүше, МРС) и суффикса -ат и окончания -ий: Вин к'эшко д'эхайї, бо гүшатий (Петрали)*.

Путэрний, -а, -е 'сильный', 'крепкий', 'могущий'. Употребляется в буковинских говорах, граничащих с молдавскими говорами: Хок'в'Ін старій, але ш'е путэрний до роботи (Ст.Бросковцы); также - 'способный на что-либо': Неквісте путэрн'ї були перепройти йїї, то бұло би май л'їше (Турятка). Ср. молд. путерник (МРС).

Слүтий, слүтавий, -а, -е 'Частично или полностью парализованный': Вўйко слүтий на праву рўку ш'е з вўїни (Зеленов). Употребляется в буковинских, гуцульских, покутских и поднеэтровских говорах. Б.Гринченко приводит также это слово со значением 'изувеченный', со ссылкой на Желеховского - и 'дураковатый' (ГСУМ, IV). Корень слут - заимствован из молдавского. (Ср. слут (МРС);

2) моральное лицо, а также психологическое состояние человека: дж'энгашливий, скандалосий, супаратний, тїкалосий, фудўльний.

* В скобках после примеров приводятся названия населенных пунктов Черновицкой области.

Дж'єнгашливий, -а, -е 'нежный', 'деликатный', 'тонкий', 'хрупкий'. Употребляется в некоторых буковинских говорах, граничащих с молдавскими. Словарями украинского языка не фиксируется. Ср. молд. жингац (МСР).

Скандалосий, -а, -е 'скандальный', 'сварливый': Старá Яакмиха дже окандалоса, буде в нейї нев'їстка матиси (Бобовци). Ср. молд. окандалос (МРС). Употребляется в украинских говорах Буковины, контактирующих с говорами молдавского языка. Однокоренной синоним скандальный является литературной нормой и вошел в украинский язык через посредничество русокого языка.

Супаратний, -а, -е 'сердитый': Уна́ супаратна на мене (Турятка); 'Отгорченний': Не вз'али хлопц'ї в танец', ї сидит сама супаратна (Старые Бросковци). Известно немногим украинским говорам, соедествующим с молдавскими говорами. Ср. молд. супарат (МРС). В молдавском это слово употребляется и в значении 'удрученный'. Последнее не зафиксировано в украинских говорах.

Т'їкалосий, -а, -е 'делающий плохо все, за что бы ни взялся': Уна́ т'їкалоса. Не заставл'ай мїти миск'є, бо все поїє (Клиновка). Ср. молд. тикалос - 'подлый', 'гнусный', 'жалкий', 'несчастный' (МСР). Зафиксировано только в украинских говорах Буковины, граничащих с молдавскими говорами.

Фудульний, -а, -е 'гордый', 'высокомерный', 'надменный', 'зносчивый' Йек виддаласи, така фудул'на стала, шо нема́ рали (Росток). Слово известно во всех буковинских, покутских, гуцульских говорах. Ср. молд. фудул (МРС). Образует в украинском языке целое гнездо однокоренных образований: фудулітиси, фудулїя, фодул'ство; из сферы устной диалектной речи это слово попадает на страницы произведений украинских писателей (Ю. Федьковича, Марка Черемшины);

3) характер животных: бліндий, таркатий, фацєрний, бліндий, -а, -е, 'мягкий характером', 'ласковый': Тел'ї у нас дже блінде, л'убит си пєгїти (Дигтенец), известно только в буковинских и гуцульских говорах. Ср. молд. блынд (МРС).

Таркатий, -а, -е 'полосатый', 'пятнистый': То фўстка не файна чєрес то, шо дже йкас тарката (Путилов). Употребляется в буковинских, покутских, гуцульских говорах. Ср. молд. таркат (МРС). Отмечен и вариант тарканистий (ГСУМ, IV), а также производные: таркач - пятнистый конь, тарко - пестрая собака.

Фацарний, -а, -е 'вороватый'. Так не д'уб'юу кота за то, що фацарний (Неполоховцы). Употребляется в буковинских и гуцульских говорах. Ср. молд. фацарник (МРС) - 'лицемерный', 'ханжеский', 'дворушнический'. Как видим, в украинских говорах слово изменило свою семантику, употребляясь только с экспрессивной функцией, преимущественно когда речь идет о котах. Б.Гринченко со ссылкой на И.Верхратского приводит слово фацарний со значением 'упрямый', 'злобный' (ГСУМ, IV), а со ссылкой на произведения И.Франко ставит знак равенства между прилагательными фацарний и капарний ('неряшливый', 'неаккуратный'). Все примеры, где прилагательное фацарний выступает со значениями 'упрямый', 'злобный', 'неаккуратный' относятся к XIX веку. В наше время это слово резко сузилось, как ареал распространения, так и сферу функционирования и семантики;

4) разные стороны деятельности человека: газдовитий, к'елт'івний.

Г'аздовитий, -а, -е 'хозяйственный человек': То чолов'як д'уже г'аздовитий. Употребляется во всех буковинских, гуцульских и покутских говорах; в поднестриевских говорах распространен вариант г'азд'івний (ГСУМ, I). В украинских говорах имеется большое количество однокоренных слов, образованных от существительного г'азда (хозяин): г'азд'инечка (хозяйка), г'азд'инити (быть хозяйкой), г'азд'инька (деминутив от слова газдиня), г'азд'иня, г'азд'івка, г'азд'івство (хозяйство), г'азд'івський (хозяйский), г'азд'онька, г'аздочка (деминутивы от слова газда), г'аздування (хозяйничание), г'аздувати (хозяйничать) г'аздус'о (ласк. от г'азда). Ср. молд. газде (МРС).

К'елт'івний, -а, -е 'потративший деньги за что-либо': Шо йа вже к'елт'івний на цу хату (Бенилов-Подгорный): образовано под влиянием молдавских слов келтуялэ 'расход', келтуитор 'расточительный' (МРС). Употребляется в буковинских, гуцульских и покутских говорах.

Прилагательные, заимствованные из молдавского языка или образованные уже в украинских диалектах от молдавских корней, не вошли в украинский литературный язык, а употребляются только как диалектные слова в отдельных украинских говорах, главным образом в тех, которые соседствуют с молдавскими говорами.

Прилагательные, заимствованные из молдавского языка, полностью адаптированы в соответствии с особенностями фонетики и мор-

фологии тех или иных украинских говоров. При этом использованы суффиксы, типичные для украинского языка (-ит, -вт, -вщ, -лив, -ав, -вн, -н). Только у двух прилагательных наблюдаем молдавский суффикс -ос: окандало́сий, т'ікало́сий.

Из молдавского языка украинскими говорами заимствованы прилагательные, обладающие определенным эмоционально-экспрессивным зарядом. Именно новизна и сила экспрессивности этих слов могли побуждать носителей соседнего языка к их заимствованию.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

МРС - Молдавско-русский словарь. М., 1961.

ТД - Тексте диалектале, т.І, ч.І. Кишинев, 1969; т.І, ч.2, 1971; т.ІІ, ч.І. 1971. В скобках римской цифрой обозначен том, а первой арабской - часть тома, а второй - страницу.

УРС - Українсько-російський словник, т.У. Київ, 1962.

ГСМ - Словарь української мови, под ред. Б.Д.Грінченка, т.І-ІV. Київ, 1958.

ЖМС - Е. Желеховскій, С. Недільській. Малорусько-німецький словарь, т.І-ІІ. Львов, 1886.

Р.Я.Удлер (Кишинев)

ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ КАРПАТСКОГО АРЕАЛА (ф > с", в > з") В СЕВЕРО- ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКОВОГО МАССИВА

В некоторых говорах карпатского ареала (Закарпатской области УССР, Цара Оашулуй, Марамуреша и северо-восточной части Трансильвании СРР) ф > с" и в > з". Например: фин "крестник" > с"ин, фер "железо" > с"жер, вис "сновидение" > з"ис, виу "живой" > з"иу и др. Об этом свидетельствуют карты "Молдавского лингвистического атласа", "Румынского лингвистического атласа", "Румынского лингвистического атласа по областям - Марамуреш", монографические исследования Г.Вейганда, И.-А. Кандри, Т.Папахаджи и др.¹

В маргинальной северо-восточной группе молдавских говоров аттестованы как варианты с < ф и з < в, так и с < ч, з < дж и з < ж (< дж). Например: фин > с"ин, фер > с"жер, вис > з"ис, виу > з"иу, чинч "пять" > с"инс", круче "крест" > крус"и, жер "мороз" > з"ер, аржинт "серебро" > арз"инт, жой "четверг" > з"жой, жос "внизу" > з"жос, жуг "ярмо" > з"жуг и др. Эти варианты зафиксированы на картах "Молдавского лингвистического атласа", в работах М.В.Сергиевского, И.Пэтруца, Р.Г.Пиотровского, И.П.Черного, А.П.Евдошенко и др.² Этой особенностью северо-восточные говоры отличаются от всех остальных говоров дако-романского языкового массива.

М.В.Сергиевский видит в появлении с и з в северной части левобережья "результат некоторого влияния окружающей польской или украинской языковой среды"³. В другой работе он "... очень склонен относить появление мягких свистящих в северных говорах АМССР, не имеющих себе аналогов в других диалектах, за счет воздействия польского говорения, поскольку здесь именно польское население в значительной своей части полностью ассимилировалось молдавскому"⁴. М.В.Сергиевский считает, что носители этих говоров появились на территории Брацлавского воеводства "едва ли ранее конца XVII века или самого начала XVIII"⁵. По его мнению, ареал с, з расположен к северу от рек Ягорлык и Кодыма и характерен для территории Брацлавского воеводства Польши (до конца XVIII в.), а позднее - бывшей Подольской губернии России. Диалектная граница обусловлена длительным существованием здесь политической, а затем административной границы⁶.

И.Пэтруц считает, что с (< ш < ф) и з (< ж < в) в говорах Марамуреша не являются результатом "естественной эволюции". Причина этого фонетического перехода "внешнего" порядка. Он высказывается против предположения М.В.Сергиевского о воздействии польского произношения в говорах Левобережья, ибо польские ś, ź (śliwka, źle) и v, z (viano, zima) - фрикативные палатальные звуки, а левобережные - сибиллянтные палатальные (ср. рус. сила, зяблик, укр. сіяти, зять). Развитие ф > ш > с и в > ж > з. И.Пэтруц объясняет в обоих случаях влиянием украинского произношения. С (< ф) и з (< в) прошли независимую, самостоятельную эволюцию как в карпатском, так и в заднеэстровском ареалах. Но И.Пэтруц признает, что ни в Марамуреше, ни в северной части Заднеэстровья нет письменных доказательств существования в прошлом промежуточной стадии ш⁷.

А.П.Евдошенко присоединяется к мнению И.Петруца: "о" и з" возникли самостоятельно в Марамуреше и в Рыбницком районе. Первый звук произошел от щ", а второй - от ж"⁸.

В говорах карпатокой зоны развитие ф̄ в о" и в в в" - явление новое. Оно не аттестовано в текстах XVI в.⁹. Следовательно, можно предположить, что оно в это время существовало только в устной речи или же, что оно возникло в следующем столетии.

Известно также, что в говорах Закарпатья, Марамуреша и смежных районов аффрикаты ч̄ и дж̄ произносятся твердо. Возможно, процесс отвердения начался в конце XVII в., но самые ранние фиксации относятся к периоду после 1760 г. - до, примерно, 1800г.¹⁰.

Произношение твердого ч̄ в говорах Марамуреша, - по мнению И.Петруца, - обусловлено влиянием украинской речи смежных областей, для которой характерно твердое произношение этого звука. Что же касается отвердения звонкой аффрикаты дж̄ > дж̄, то оно произошло уже под воздействием глухого ч̄, ибо в соседних украинских говорах твердого звука дж̄ нет¹¹.

Гр.Русу предполагает, что отвердение ч̄ и дж̄ в говорах Марамуреша обусловлено внутренним развитием этих говоров. Отверждение аффрикат тесно связано с процессом потери палатального элемента фрикативными щ̄ и ж̄¹².

И.Гецеи считает, что отвердение аффрикат ѝ и џ̄ в говорах Марамуреша является результатом сплетения внутренних факторов с внешними. Он объединяет объяснения Гр.Русу с предположением И.Петруца. Следствием отвердения ʝ и j̄ явилась тенденция, установленная в разных областях, произносить твердо и аффрикаты ѝ и џ̄, но в Марамуреше эта тенденция приобрела характер закона, ибо марамурешский говор испытывает влияние омежной украинской речи, в которой ѝ тверд. Таким образом, восточнороманская фонетическая тенденция, благодаря контакту с иноязычным украинским говором в зоне северных Карпат, стала закономерностью¹³.

Считаем, что предки нынешних жителей северо-восточной части Молдавии и север-западной части Одесской области [нас.пункты Грушка (п.63), Плопъ (п.81), Молокишу-Маре (п.82), Бруштень (п.83), Офатинць (п.96), Воронкау (п.97), Старая Кульна (п.99), Михайловка (п.113) и Делакау (п.137) в "Молдавском лингвистическом атласе", а также других 27 селений (в том числе многие выселки), обследованных в дополнительных экспедициях] были родом из тех сел карпатского ареала, для которых характерно про-

изношение о" и э", откуда они ушли (по социальным, религиозным и другим причинам) после периода перехода ф > о" и в > э" и до периода отвердения аффрикат ч и дж", т.е. в конце XVI в. - в течение XVII в.¹⁴

В Западнорумынии, в бывшем Брацлавском воеводстве, они соприкасаются с молдаванами - выходцами из соседней северной части Бессарабии и Запрутской Молдовы, - в речи которых в это время уже бытуют щ" < ч, ж" < дж" и ж" < ж (< дж")¹⁵, наряду с щ" < ф и ж" < в, т.е. лабиальные ф, в, аффрикатные ч, дж" и фриктивный ж (< дж") стали мягкими фриктивными щ" и ж".

Поскольку развитие ф и в соответственно в с" и з" произошло через ступени *щ" и *ж"¹⁶, т.е. щ" (< ф) > с", ж" (< в) > з", то и щ" (< ч) > с", ж" (< дж") > з" и ж" < ж (< дж") > з". Таким образом, о" и э" карпатского происхождения на новом месте, оказавшись и здесь под воздействием говоров смежного многочисленного славянского населения, сохранились, окрепли и, в следствие аналогии, расширили свои позиции.

Допустить, что исследуемые нами говоры северо-восточных районов развились из центральных, как утверждают некоторые¹⁷, невозможно и потому, что при одинаковой окружающей иноязычной среде, "Молдавский лингвистический атлас" в одних говорах фиксирует северо-карпатские о" и э", а в других - общемолдавские щ" и ж".

В правильности нашего предположения убеждают и сведения исторического характера, некоторые сохранившиеся этнографические реалии и немногие лексические соответствия.

В.Ф.Шимарев в фундаментальной монографии "Романские поселения на юге России" и в известной работе "Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык МССР" несколько раз упоминает волохов, давно живущих в Польше, в Брацлавском воеводстве. Среди многочисленных источников, которые цитируются им, имеются работы Ст.Ведкевича и др., где отмечаются переходы трансильванцев в Галицию, в Покутию, в Буковину и в Молдавию¹⁸.

М.В.Сергиевский, ссылаясь на Ст.Ведкевича, пишет, что первые "поселенцы в польских землях шли из области Марамуреша, а совсем не из-за Днестра"¹⁹. Он приходит затем к заключению, что "для Украины польской нельзя предполагать сколько-нибудь значительные молдавские элементы ранее XVII в. "Отдельные населенные пункты возникли в XVII в. М.В.Сергиевский склонен относить лишь к XVII в. возникновение основной массы молдавских поселений"²⁰.

В другой работе, касаясь вопроса, откуда пришли в Приднестровье молдаване, заселившие его, М. В. Сергиевский отвечает так: "Обычное утверждение, что они перешли Днестр из соседней Бессарабии едва ли достаточно для всех случаев заселения, и а priori нельзя утверждать, что сюда не приходили жители собственно Молдавии и даже более отдаленных румынских областей. В решении этого вопроса за отсутствием зачастую возможности найти точные исторические данные главнейшую роль должно сыграть именно изучение живых современных говоров и сравнительная диалектология, которая позволит с достаточной степенью достоверности определить местности, откуда пришел тот или иной тип говоров. При этом существенную роль должна сыграть и сравнительная этнография молдавского и румынского населения". М. В. Сергиевский далее пишет, что предки современных молдаван на территории СССР принесли с собой свою речь определенных областей²¹.

Об эмиграции марамурешцев в Заднеостровье пишет и И. Цуцуну²².

Согласно турецко-польского мирного договора 1577 г., пишет Шт. Метеш, пастухам из Трансильвании разрешалось гнать свои стада овец за Днестр, где, весьма часто, они оседали.

Шт. Метеш устанавливает, что во второй половине XVII в. трансильванцы из уездов Сату Маре, Бихор и Марамуреш, сторонники свергнутого молдавского господаря Штефана Петричейку, поселились в польских землях, где прежде, с 1378 по 1572 гг. были основаны выходцами из Трансильвании, Марамуреша и Молдавии многочисленные села. В конце XVII в. и в XVIII в. многие тысячи трансильванцев (из уездов Турда, Клуж, Сомеш, Арад и др.) из-за экономических, религиозных, социальных и национальных причин покидают свои родные места и переселяются в Молдавии и на Буковине²³.

Этнографические материалы в сравнительном плане мало изучены. Тем не менее молдавские этнографы В. С. Зеленчук и Л. Д. Лоскутова установили, что орнаментация некоторых типов женских рубах близка к вышивкам из Закарпатья и Цара Оашулуй: "Особенностью праздничных женских рубах является собранный у кисти широкий рукав с расширяющимся манжетом... Крой рукава этих рубах очень близок к подобному покрою рубах закарпатских румын" и "Рубахи на кокетке украшают орнаментом в виде неширокой полосы, обрамляющей кокетку с четырех сторон. Эта манера расположения орнамента напоминает аналогичный прием орнаментации женских рубах в румынской области Цара Оашулуй". Подобные мотивы могли быть за-

несены в Поднестровье, - по мнению упомянутых исследователей, - переселенцами в ХУШ - XIX веках²⁴.

Н.А.Демченко выделяет сапу - орудие для обработки почвы - определенной формы, которая еще существует в нескольких селах Заднестровья и которая характерна для Марамуреша и северной части Запрутской Молдовы²⁵.

Наконец, имеются лексические соответствия и морфологические формы, овидетельствующие об общности говоров карпатского и северо-восточного ареалов. Например: враќниці "ворота" (АЛМ, карта 230, пп.82, 99) - *vraǵniṭă* (ALRR-Mar., h. 259; GR²⁶, 81); палант "забор" (АЛМ, вопр.647, пп.63, 82, 97) - *palant* (ALRR-Mar., h.281; КДА²⁷, вопр. 215, села Диброва, Ср. Водяное, Белая Церковь, Солотвино); щот "равнина" (АЛМ, карта 31, п.113) - *ṣăat* (ALR sn, h.817); изварниці "то, что остается после изготовления урды" (АЛМ, вопр.279, пп.81-83; КДА, вопр.161, села Диброва, Ср.Водяное, Белая Церковь, Сочотвино); окапримниці - скапримант - окаприминт "огниво" (АЛМ, вопр.695, пп.63, 81-83) - *scăprăminte* (GR, 62); код "баран" (АЛМ, вопр.22, 414, пп.63, 97, 99) - *koḍ* ("Carpaticea", 1963, № 3, стр.11); скас"ици "деревянный ящичек для соли" (АЛМ, вопр. 125, пп.63, 83) - *scăfiṭă* (ALRM sn, h.848; GR, 62); турмы ди лут (АЛМ, вопр.149, п.63) - *turmă de lupt* (ALR sn, h.676; ALRM sn, h.489) и др.

Глаголы а пуне "класть", а рэмыне "оставаться", а ынкуя "закрыть (на ключ)", а тэя "резать", а се суи "взбираться", а сари "прыгать", а перя "казаться" и др. в настоящем времени изъявительного наклонения и сослагательного наклонения в первом лице ед.числа и в третьем лице множ.числа оканчиваются на -ѳ: пуѳ, рэмыѳ, ыркуѳ, таѳ, суѳ, саѳ, паѳ и др. Эта форма характерна для говоров Марамуреша, Закарпатья и Левобережья МССР²⁸.

Глагол а дуря "болеть" в настоящем времени сослагательного наклонения в первом лице ед.числа употребляется в форме шѳ мѳ д'оайѳ "пусть болит" (АЛМ, вопр.696, пп.63, 81-83, 96, 97, 99, 113) - *vă mă d'ăie* (ALRR-Mar., h.119).

Следует учесть, что в результате многовекового раздельного существования как говоры Цара Оашулуй, Марамуреша и северо-восточной части Трансильвании, так и северо-восточные молдавские говоры прошли самостоятельный путь развития. Общие языковые элементы (их количество постоянно сокращается) имеют реликтовый характер.

Примечания

1 См. Атласул лингвистик молдовенеск, волумул I, партя П. Фонетика де Удлер Р., Морфология де Мелник В. Кишинэу, 1968, карты № 266-270, 275-280 и др.; Atlasul lingvistic român, partea I, vol. I de S. P. o. p. Cluj, 1938, hărțile NN 47, 73, 100, 282; Micul Atlas lingvistic român, partea I, vol. I de S. P. o. p. Cluj, 1938, hărțile NN 70, 107, 301, 304, 391; Micul Atlas lingvistic român, partea II, vol. I. de P. e. t. r. o. v. i. c. i. E. m. Sibău, 1940, harta N 158; Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureș, vol. I-II de N. e. i. e. s. c. u. P., R. u. s. u. G. r. și I. o. n. i. c. ă. I. Timișoara, 1969, 1972, hărțile NN 11, 116, 223, 224, 359, 360, 466, 484, 486, 497, 507; W. e. i. g. a. n. d. G. Linguistischer Atlas des dacorumänischen Sprachgebietes. Leipzig, 1909, h. NN 32, 40, 48, 55, 56; e. g. o. j. e. Despre dialectele literare românești "Convorbiri literare", XLII, 1908, nr. 4, p. 444-447; C. a. n. d. r. e. a. I. - A. Graiul din Tara Oașului. Buc., 1907, p. 12; P. a. r. a. h. a. g. i. T. Graiul și folklorul Maramureșului. Buc., 1925, p. LX; Удлер Р. Я. Молдавские говоры Черновицкой области. Консонантизм. Кишинев, 1964, стр. 57, 68 и др.

2 См. Атласул лингвистик молдовенеск, волумул I, партя П, карты № 266-270, 275-280, 349-361, 374, 375 и др.; С е р г и е в с к и й М. В. Материалы для изучения живых молдавских говоров на территории СССР. I. Опыт характеристики некоторых говоров в пределах Молдавской С.С. Республики. - Учен. зап. Института языка и литературы РАН ИОН". М., 1927, с. 88; e. g. o. j. e. Диалектологическая карта АМССР. - В кн.: Молдавские этюды. М.-Л., 1936, с. 11-18; e. g. o. j. e. Проблема происхождения и развития молдавского языка в свете данных языкознания. - Учен. зап. Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР", т. I. Кишинев, 1946, с. 49-50; e. g. o. j. e. Славянские элементы молдавской речи как материал для истории языка. - В кн.: Молдаво-славянские этюды. М., 1959, с. 78; F. ă. t. r. u. ț. I. Raporturi lingvistice ucraino-române. "Dacoromania", XI. Cluj, 1948, с. 51-59; e. g. o. j. e. S. e. r. g. i. e. v. v. k. i. j. M. V. Materialy dlja izucenija živych moldavskikh govorov na territorii SSSR. - Moldavskie etjudy. Рецензия И. Пятруца в "Dacoromania", XI, Cluj, 1948, с. 267-269, 275; П и о т р о в с к и й Р. Т. О молдаво-славянском языковом взаимодействии в Приднестровье. "Ученые записки И ЛПИИЯ, новая серия", вып. I. Л., 1954, с. 205-206; Ч е р н ы й И. П. Опыт описания лексических систем в северо-восточных молдавских говорах (Камениский и Рыбницкий районы МССР и Котовский район Одесской области). "Известия Молдавского филиала АН СССР", № 12 (45). Кишинев, 1959, с. 81-87; Удлер Р. Я. Молдавские говоры Черновицкой области. Консонантизм, с. 56-57, 67; e. g. o. j. e. Асупра инфлуенцей славе ресэритене ии консонантизмул молдовенеск. - В сб.: Студий де лимба молдовенескэ. Кишинэу, 1963, с. 67-68; e. g. o. j. e. Сергиевский М. Р. ши диалектология молдовенескэ. "Лимба ши литература молдовенескэ", 1966, № 2, паж. 55-56; Е в д о ш е н к о А. П. Проблема структуры языка. Кишинев, 1967, с. 137; К о н с т а н т и н о в и ч Е. Н. Из истории изучения молдавских говоров Рыбницкого района МССР. "Тезисы докладов и сообщений совещания по вопросам диалектологии и истории языка", М., 1971, с. 89-90.

3 С е р г и е в с к и й М. В. Проблема происхождения..., с. 50.

- 4 Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды. М., 1959, с.56-57.
- 5 Сергиевский М. В. Проблема происхождения ..., с.50.
- 6 Сергиевский М. В. Диалектологическая карта АМССР, с.II-12.
- 7 Pătruț I. Raporturi..., p.51-59; его же. M.V.Sergievskij. Materialy..., с.275.
- 8 Евдошенко А. П. Проблема структуры языка, с.137.
- 9 Pătruț I. Contribuții slave și maghiare la formarea subdialectelor dacoromâne. - "Cercetări de lingvistică", 1958, p.71; Rosetti Al. Recherches sur la phonétique du roumain au XVI-e siècle. Paris, 1926, p.87-88; его же. Limba română în secolele al XIII-lea - al XVI-lea. Buc., 1956, p.100-101.
- 10 Pătruț I. Указ.соч., с.69; Gheție I. În legătură cu durificarea africatelor \hat{c} și \hat{g} în Maramureș. - "Limba română", 1971, N 1, с.99-100; Rusu Gr. O inovație fonetică în subdialectul maramureșean. Durificarea africatelor \hat{c} , \hat{g} . - В кн.: Omagiul lui Alexandru Rosetti la 70 de ani. Buc., 1965, с.793-796.
- 11 Pătruț I. Raporturi..., с.59; его же; Contribuții..., с.69.
- 12 Rusu Gr. O inovație..., с.793-796.
- 13 Gheție I. În legătură cu durificarea africatelor..., с.99-102.
- 14 Сергиевский М. В. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории. - "Известия АН СССР, ОЛЯ", 1946, У, № 4, с.333-350; его же. Молдавская колонизация левобережного Приднестровья. - В кн.: Молдаво-славянские этюды. М., 1959, с.118 и след.; Удлер Р. Сергиевский М.В. ..., с.56.
- 15 Сергиевский М. В. Проблема происхождения..., с.42, 44, 49, 50; его же. Славянские элементы..., с. 78; его же. Диалектологическая карта АМССР, с.II, I3, I5, I7; Tudoran R. O problema de dialectologie istorică: $\hat{c} > \hat{b}$ și $\hat{g} > \hat{z}$ în graiurile moldovenești. - "Cercetări de lingvistică", 1965, N 1, с.90, 93.
- 16 Pătruț I. Contribuții..., с.71.
- 17 Евдошенко А. П. Указ.соч., с.137; Константинович Е. Н. Указ.соч., с.89-90.
- 18 Шишмарев В. Ф. Романские поселения на юге России. Л., 1975, с.12-91; его же. Романские поселения в СССР. ЛО Архива АН СССР, фонд 896, опись I, ед.хр.360, с.80-82, 87, 158 и след.; его же. Романские языки юго-восточной Европы и на-

циональный язык Молдавской ССР. - В сб.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953, с.102; см. V r a b i e Em. *Influența limbii române asupra limbii ucrainene*. "Romanoslavica", XIV, 1967, с.109-110, 118; N i ț ă A r m a ș S. и др. *L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves*. - "Romanoslavica", XVI, 1968, с.69-71, 100-106.

19 W ę d k i e w i c z St. *Zur Charakteristik der rumänischen Lehnwörter im Westslavischen*. - "Mitteilungen des rumänischen Instituts an der Universität Wien", hgg. v. W. Meyer-Lübke. Bd. 1, 1914, с.262-291, 401-402. Цит. по С е р г и е в с к и й М. В. *Молдавская колонизация левобережного Приднестровья*, стр. 47; W ę d k i e w i c z St. *Dyalekt rumuński używany na ziemiach polskich*. "Encyklopedia polska", t. III, dział III, część II, Crakow, 1915, стр.448-451. Цит. по V r a b i e Em. *Указ. соч.*, стр. 118.

20 С е р г и е в с к и й М. В. *Указ. соч.*, с.43, 44, 45, 48.

21 С е р г и е в с к и й М. В. *Материалы...*, с.78, 80.

22 T u ț u i a n u I. N. *Maramureșul vevodat istoric și economic*. Buc., 1942, с.20-21.

23 M e t e ș St. *Emigrări românești din Transilvania în secolele XIII-XV*. Buc., 1971, с.37-38, 42-44, 84-87, 124-125, 128, 135-138, 162-164, 179, 218, 230-232, 244.

24 З е л е н ч у к В. С., Л о с к у т о в а Л. Д. *Современный народный костюм Рыбницкого района Молдавской ССР*. - "Известия АН МССР", № 12, 1965, с.49; и х ж е. *Современная народная одежда Рыбницкого района*. - "Труды III Конференции молодых ученых Молдавии", вып. III (серия общественных наук). Кишинев, 1963, с.75.

25 Д е м ч е н к о Н. *Земледельческие орудия молдаван XVIII-начала XX вв.* Кишинев, 1967, с.84-85.

26 A r v i n t e V., U r s u D., B o r d e i a n u M. *Glossar regional*. Buc., 1961 (GR).

27 *Программа собирания материалов для "Карпатского диалектологического атласа"*. М., 1964. Неопубликованные материалы, собранные нами по этой программе, хранятся в архиве сектора молдавской диалектологии и экспериментальной фонетики Института языка и литературы АН МССР.

28 G i o e u Șt. *Subdialectul maramureșean*. - "Studii și cercetări științifice. Filologie". Iași, fasc. 1, 1963, с.105; T o d o r a n R. *Cu privire la repartiția graiurilor dacoromâne*. - "Limba română", 1956, № 2, с.49, карта 7; P ă t r u ț ă L. *Probleme de fonetică și morfologie*. III. *În legătură cu Ți și Ț în limba română*. - "Cercetări de lingvistică", 1959, IV, с. 44; T u r c u ș I. *Despre fiziologia și tratamentul lui Ț în limba română și despre unele forme verbale dialektale*. *Observații la opera lui Al. Philippide "Originea Românilor"*, vol. II. Iași, 1927. - "Studii

В.В.Усачева (Москва)

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ПРОГРАММЕ ОКДА

В программу "Общекарпатского диалектологического атласа" (ОКДА) предполагается включить ряд вопросов, касающихся духовной культуры народов, населяющих карпатскую зону, в частности, вопросы по обычаям и обрядам, которые сложились уже на Карпатах на основе какого-то существовавшего ранее поверья, или были унаследованы от более ранних эпох и лишь изменились, приспосабливаясь к новым условиям и обстоятельствам - ведь почти всегда обряд связан с реальной практической деятельностью человека и является ее отражением. При работе над той частью программы, которая будет содержать вопросы этнографического характера, мы столкнемся с трудностью составления реестра обычаев и обрядов, так как нелегко достаточно точно определить, какие из обрядов и обычаев можно считать общими для всех народов, населяющих карпато-дунайскую область, а какие из них являются результатом самостоятельного творчества или заимствованы одним народом у другого. Однако сбор обычаев и обрядов - это только первый этап работы над программой. Второй этап работы - это составление вопросника, который должен совмещать в себе вопросы чисто лингвистического характера (от понятия к слову и от слова к понятию) и в какой-то степени вопросы, затрагивающие этнографические аспекты. Нам кажется, что для каждого обряда или обычая желательно разработать схему, в которой должны быть отражены главные моменты ритуального действия (если оно еще сохраняется), указаны место и время действия, названы главные и второстепенные лица, участвующие в ритуале, перечислены предметы, которые являются обязательными и значимыми участниками разыгрываемого действия, приведены слова, произносимые действующими лицами обряда. Такая схема поможет будущим собирателям уяснить содержание обряда и выявить главные элементы его. Кроме схемы, "этнографический" вопрос должен содержать подвопросы, которые надо сформулировать так, чтобы из всех полученных ответов можно было бы сос-

тавить описание обряда или обычая. Так одновременно при опросе будут получены не только искомые лексемы, но и сведения этнографического характера. Такой подробный вопросник поможет собрать более полный и качественный материал и более точно определить семантический объем лексики, что даст возможность составить больше семантических карт для будущего атласа.

В "Программу обирания материалов для Карпатского диалектологического атласа" (М., 1964) было включено несколько вопросов по верованиям, обрядам и поверьям украинцев карпатского региона, в том числе вопрос № 196: "Что означает слово полазник: а) 'животное, которое на рождество вводят в дом', б) 'второй день рождества и Новый год'". При обследовании юго-западных говоров украинского языка выяснилось, что это слово имеет еще несколько значений, не указанных в "Программе", а именно: 1) 'человек, первым вошедший в дом на рождество или Новый год' (иногда упоминаются и другие праздники зимнего цикла), 2) 'еда, которую оставляют от рождественного стола и дают на оледующий день утром домашним животным'. В I-ом томе "Карпатского диалектологического атласа" (М., 1967) есть карта № II9 на распространение слова полазник (семантическая карта получилась пестрой и трудно читаемой, поэтому оставлена в архиве). Карта атласа показывает, что слово полазник распространено на очень компактной, четко очерченной территории. Оно известно бойковским говорам и части закарпатских (всего 5 пунктов, расположенных вдоль горного хребта Лесистых Карпат), говорам междуречья Доницы, Прута и Днестра. Неизвестно оно на Гуцульщине, в Советской Буковине и на большей части Закарпатья.

Сведения, полученные в результате обследования 150 населенных пунктов на территории Львовской, Ивано-Франковской, Черновицкой и Закарпатской областей УССР, дополнили материалы фундаментального исследования "Полазник у вжных славян, мадьяров, словаков, поляков и украинцев" ("Lud Słowiański", t. III, zes. 1, В(ethnografia), zes. 2, В(ethnografia), Kraków, 1933-1934) П. Г. Богатырева. Выяснилось, что слово полазник известно в 52 украинских селах. Однако диалектный материал, собранный участниками энциклопедий для КДА, неоднороден. В некоторых картотеках приводится контекст, содержащий описание обрядов, в других же только фиксируется искомое слово и его значение (хотя в "Программе" было примечание: "Дайте описание обряда"). Возможно, это объясняется тем, что во многих селах обряда как такового уже не суще-

ствуется, он размыт позднейшими напластованиями, жители не всегда могут дать толкование того или иного момента ритуального действия, например, для чего вводили в хату животное, в связи с чем возникают переосмысления обряда. Иногда информаторы помнят слово, знают, что оно означает, но не могут рассказать об обряде. Вопрос "Программы" о полазнике, имеющий важное значение и для познания духовной жизни народа, нацеливал собирателей прежде всего на лингвистический подход к его решению. Поэтому в материалах иногда отсутствуют сведения, важные для этнографа. Например, в материалах КДА часто нет указания на пол человека, которого называют полазником. Только в двух селах подчеркнуто, что полазник — это мужчина, так как женщина приносит несчастье. Для лингвиста противопоставление человек — не-человек (животное) достаточно, этнографу же важно знать пол человека, что весьма существенно, так как "классический" антропоморфный полазник должен быть мужского пола (вера в то, что приход женщины в определенные праздники приносит неудачу в хозяйстве, известен не только славянам, но и другим европейским народам). Также не всегда в картотеках указывается, какое животное вводилось в дом на праздник. В 18 пунктах не уточняется, какое животное участвовало в обряде, в шести селах записано, что вводилось молодое животное (ягненок, теленок), в восьми селах — корова, в пяти — овца, в четырех — конь. Такие сведения очень важны при сравнительном и типологическом изучении народной обрядовой традиции (ср., например, у болгар в роли полазника-животного выступает иногда петух и собака, у сербов — бык и корова, у словенцев — петух и ягненок, у греков — белая собака).

Итак, лингвистический атлас, охвативший некоторые этнографические аспекты, дал новые сведения не только для лингвогеографического изучения терминологии народной обрядности (наличие термина полазник на территории Прикарпатья), но и для этнографии, так как благодаря диалектным материалам мы узнали о существовании двух типов обряда полазник — антропоморфного и зооморфного — на значительной территории Прикарпатья.

Обряд полазник известен не только славянам, но и неславянским народам, живущим с древних времен в тесном контакте со славянами. По "Программе" КДА было обследовано 10 восточнороманских сел и 2 венгерских села на территории УССР. В эти неславянских селах ни термина полазник, ни обряда, связанного с верой в магическую силу первого гостя на рождество или Новый год, кото-

рый приносит счастье или несчастье дому на весь год, не зафиксировано. По материалам П.Г.Богатырева известно, что в венгерских селах Паннонии в день св.Люции (13.XII) ходят полазовать (palázołni) дети - мальчики 10-12 лет. Делается это для того, чтобы куры в будущем году хорошо и много неслись. Мальчики с охапкой соломы входят рано утром перед восходом солнца в дом, на пороге разбрасывают солому, встают на нее на колени и произносят стихи с пожеланиями: "Чтобы корова давала много молока, чтобы у них было столько денег, сколько мякны, чтобы у них было столько яиц, сколько на небе звезд, чтобы у них было столько куриц, сколько стеблей в траве и т.д.". Получив подарки (деньги, яйца, фрукты), мальчики (palázulák, palázolák) прощаются и идут в следующий дом, а хозяйка собирает солому и кладет ее в гнездо курицы или гусыни. В некоторых местностях (Вашмедь, Немет-Генче) мальчики ходят не группами, а по одному¹. Венгерская обрядовая традиция, как видим, допускает вариации в ритуале - полазники могут ходить группой и посетить несколько домов, что совершенно не допускается в славянском обряде. Главное отличие полазника от колядника у славян - полазник всегда один и может придти только в один дом в селе, он несет ответственность за злую или добрую долю, которую он своим приходом передает тому дому, порог которого он первым переступит ранним утром на рождество или Новый год. Колядники же всегда ходят группой, обходя по очереди все дома села, они не несут ответственности за будущее.

И.Книежа приводит слово palázol (palázul, palázzul) с таким объяснением: "mit selbandern am tage der hl. Lucie von Haus zu Haus Sprüche aufzagen: Luca napján házról-házra többendmagával köszönteni jár" и указывает на то, что оно известно в западных областях страны, хотя обряд бытует по всей Венгрии, только под другим названием. Что же касается происхождения слова palázol И.Книежа полагает, что оно попало в венгерский из хорватского².

Вопрос о том, есть ли полазник у молдаван, не раз затрагивался этнографами. П.Г.Богатырев считает, что у румын полазника нет³. П.Караман, однако, полагает, что обряд этот был известен румынам; он пришел к ним от славян и был заимствован в таком виде, в каком существовал в то время у славян, но сейчас в Румынии исчез совсем. По его мнению, обряд полазник, переходя от славян к румынам, сросся, контаминировался с обрядом колядова-

ния, а полазники слились с колядниками, что мы наблюдаем, например, у словаков (под названием *rolazník* выступает *koledník*, который поет те же самые колядки, что и настоящие колядники)⁴ и у венгров (см. выше).

Об обряде полазник упоминает М.Я.Салманович в очерке "Румыны", помещенном в книге "Календарные обычаи и обряды народов зарубежной Европы" (М., 1972, с. 294 сл.). У румын обычай полазник связан с днем св.Василия. *Polazník* — первый человек, обязательно мужского пола, входящий в этот день в дом. Румынский полазник делает все то же, что славянский полазник: войдя в дом, подходит к очагу, произносит благопожелания: желает хорошего года всем, прибавления скота, достатка в доме и т.д.

Ю.В.Попович в книге "Молдавские новогодние праздники" (Кишинев, 1974) пишет об обряде "Первый посетитель" (Каренэтра при-муд ын касэ, Вестигоруд), приход которого приурочен к первым трем дням рождества и Нового года. "Обычай этот связан с поверьем, что от первого новогоднего посетителя зависит приплод домашних животных в течение года, причем пол посетителя предопределял пол плодящихся животных" (стр.71). Он отмечен в сс. Селиште Ниспоренского, Степь-Сочь, Телешово Оргеевского, Талмазы Суворовского районов МССР. Автор отождествляет этот молдавский обычай с обрядом южных славян, венгров, словаков, поляков и западных украинцев. Однако здесь есть только один элемент обряда полазник, кстати, не всегда выступающий у славян. Например, нет сведений, что у украинцев и поляков, населяющих Карпаты, пол пришедшего человека влияет на пол будущего приплода, зато этот мотив широко известен у болгар как в Болгарии, так и в южной части МССР и Одесской области (УССР); у поляков Мазовии в р-не р.Нарев и у белорусов в Белостокском р-не в сочельник в зависимости от пола пришедшего в дом определяли, "*ktowa przyniezie buvka albo jałowkę*" (корова принесет бычка или телку). Наверное, можно говорить об этнографических универсалиях, о типологии космологических представлений и воззрений народов.

П.Караман указывает на то, что в основе обряда полазник лежит значение приметы первого гостя или первой встречи в первый день нового года, а такой обряд трудно признать исключительно славянским, т.к. магия первого дня, первой встречи является характерной чертой верований почти всех европейских народов. У южных славян этот обряд выступает в достаточно определенной форме,

Поэтому там можно говорить об организованном церемониале, который воспринимается и воспроизводится народом как необычайно важное действие. У других же народов это выражается лишь в поверии или магической процедуре, которая может или не может быть выполнена.

Прослеживая распространение обряда у северных славян, живущих на Карпатах, П.Г. Богатырев главное внимание уделяет наличию термина полазник или производных с тем же корнем: полазитъ, podlazovat', podlazu под. Наличие термина полазник, полѣзник, полажајник, podlaziņik является главным моментом, который позволяет нам говорить о тождестве обряда. Элементы, из которых состоит обряд полазник, распространены географически шире, чем сам обряд. Это можно объяснить двояко: 1. Элементы эти являются остатками обряда полазник, который прежде имел более широкую область распространения. Затем сам обряд исчез, оставив после себя только разрозненные элементы. Но при таком объяснении остается непонятным, почему ни в одном месте, выходящем за пределы нынешнего распространения этого обряда, не сохранилось термина полазник. 2. Это объяснение более вероятно: отдельные элементы, составляющие комплекс обряда полазник, существовали еще до создания этого комплекса и были широко распространены, включая территорию, на которой потом был создан комплекс обряда полазник. Только наличие всех элементов, входящих в этот комплекс (допускаются незначительные вариации), позволяет говорить об обряде как таковом.

Исследование традиционной народной обрядности в сравнительно-историческом и типологическом плане с применением метода картографирования изучаемых явлений поможет выявить новые данные, касающиеся материальной и духовной культуры древнего населения карпато-дунайского региона.

П р и м е ч а н и я

1 Богатырев П. Г. Указ. соч., с. 213 сл.

2 K n i e z e a I. A magyar nyelv szláv jövevényzavai, t. 1. Budapest, 1955.

3 Богатырев П. Г. Проблемы изучения материальной и духовной культуры населения Карпат. - "Советская этнография", 1964, № 4.

4 P. K a g a s a r. Obrzęd kolędowania u Słowian i u Rumunów. Kraków, 1933, s. 398.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПАХОТНЫХ ОРУДИЙ
В КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОМ АРЕАЛЕ

Естественно-географические и почвенно-климатические условия, многолетний опыт и навык земледельческого хозяйства весьма пестрого в этническом составе населения карпато-днестровского ареала способствовали развитию здесь с древних времен двух видов традиционных пахотных орудий—рало и плуга.

Наиболее древним и примитивным видом традиционных пахотных орудий являются однозубые рала, которые по характеру работы и с формально-типологической точки зрения разделяются на два типа: без полоза и с полозом.

Однозубое рало без полоза имело наклонную к поверхности почвы рабочую часть, было весьма поворотливое, но неустойчивое. Согласно полевым этнографическим материалам, оно было распространено в центральной и северной частях Пруто-Днестровского междуречья. Этому, на наш взгляд, способствовали ландшафтно-географические условия. Оно было удобно для маневрирования во время работы на сравнительно неплотных, но закоренелых лесных почвах.

По конструкции этот тип рал делится на два варианта. К первому варианту относится рало, обнаруженное нами в с.Лапушна Котовского района. Оно состоит из двух частей. Одна часть выполняла функцию грядиля и наральника, другая — ручек. Оно имело сравнительно высокую посадку. Ко второму варианту относится рало из с.Гырбовец Новоаненского района. Оно также состояло из двух частей. Однако одна часть выполняла уже функцию наральника и ручки, а другая — прямого грядиля, который укреплялся при помощи клиньев в отверстие первой части. Оно имело менее высокую посадку¹.

Этот тип рала был известен и земледельцам средневековой Молдавии. В фресках монастыря Сучавица, выполненных в конце XVI в.,

изображена сцена начала пахоты. Здесь ясно видны характерные части бесподовшенного рала. На основе анализа этого изображения в сопоставлении с другими более ранними археологическими материалами, исследователь В. Нямец приходит к выводу о том, что в Молдавском княжестве в XVI в. широко применялось кривообразное рало для обработки старопашотных мягких земель².

Второй тип - рало с полозом - представлен также двумя вариантами: прямогрязильными и кривогрязильными ралами. Оба варианта состояли из двух частей. Одна из них выполняла функцию рукоятки и наральника, а вторая - грязиля. У первого варианта грязиль имел прямую форму и соединялся в отверстии рукоятки, а у второго - выгнутую и укреплялся в полозе. Эти рала были более устойчивыми, но менее поворотливыми. Первый вариант встречался в степной части северного Приднестровья, второй - на крайнем юге междуручья Прута и Днестра.

Рала с полозом широко применялись в средневековом Молдавском княжестве³.

По характеру работы и с формально-типологической точки зрения традиционные плуги подразделяются многими этнографами на следующие два типа: с передвижным и с неподвижным отвалом. Первый тип, известный под названием "плуг де коастэ" (оборотный плуг), употреблялся для пахоты на больших склонах, второй - на равнинной местности.

Говоря о соотношении этих двух типов плугов, следует отметить, что значительно преобладал второй тип, который, учитывая условия рельефа ареала, встречался повсеместно. Первый же тип применялся лишь в тех хозяйствах, земледельческие угодья которых были расположены на сравнительно крутых склонах.

Традиционный плуг с неподвижным отвалом имел два варианта: плуг прямогрязильный и плуг кривогрязильный.

Прямогрязильные плуги известны по иконописным материалам молдавского средневековья. В фресках Воронежского монастыря и церкви св. Ильи в Сучаве (XVI в.) изображена сцена пахоты плугом этого варианта. На изображении Воронежского монастыря ясно видны характерные части более примитивного плуга этого варианта⁴. Судить о форме лемеха трудно. Можно полагать, что он симметричный, но не очень правильной формы.

Распространение аналогичных плугов на территории Пруто-Днестровского междуручья в более поздний период подтверждается этнографическими музейными материалами. В Кишиневском ио-

торико-краеведческом музее экспонируется часть деревянного корпуса этого примитивного плуга. Если сравнить эту часть с изучаемым изображением, то сразу бросается в глаза сходство этих орудий. Очевидно, именно такие плуги имелись в виду, когда Журнал Министерства государственных имуществ в 1847 г. в характеристике хозяйств Хотинского уезда Бессарабской губернии писал, что "земля пашется туземными плугами без колес, с деревянными отвалами, у коих только ошники обделаны железом"⁵. А.А. Скальковский, хорошо знавший молдавский край середины XIX в., писал, что в северной и центральной частях, особенно в уездах Кишиневском, Сорокском и Оргеевском, где возделывание кукурузы составляет главнейшее хозяйство царан и помещиков, плуги их очень просты и запрягаются одию или "даже двумя парами их мелких быков..."⁶.

В фресках церкви св.Ильи из Сучавы изображен плуг этого же варианта, но большего размера и более развитой конструкции⁷. В отличие от предыдущего этот плуг имел более массивный и широкий полоз. Передний конец более узкий и тонкий, на нем укреплен лемех. Задний конец значительно шире и более толстый, посередине раздвоен. Железный лемех асимметричной формы. Плуг имеет двухколесный передок.

Бытование этого плуга в междуречье Прута и Днестра в XIX-нач. XX в. подтверждается литературными, музейными и полевыми этнографическими материалами. Немецкий ученый Р.Браунгардт, исследовавший земледельческие орудия XVIII-XIX вв. многих народов европейской части России, приводит в своей работе рисунок молдавского плуга⁸, деревянные части которого не отличаются от плуга, изображенного на сучавских фресках. Часть такого плуга с раздвоенным полозом в задней части экспонирован в Кишиневском историко-краеведческом музее. Отдельные детали (часть ручек, задний конец полоза) этого плуга обнаружен нами в с.Ганск Котовского района. Учитывая все эти материалы и на основании изображений, можно утвердить, что это пахотное орудие широко применялось в течение многих веков на большей части Пруто-Днестровского междуречья. У бедных крестьян он почти в неизменной форме сохранился до конца XIX - начала XX в.

Анализ имеющихся данных позволяет полагать, что существовал вариант прямогрязильных традиционных более легких плугов, менее устойчивых, но более поворотливых, и массивных, тяжелых плугов, которые были значительно более устойчивыми, но менее поворотливыми. Первыми, очевидно, обрабатывали в основном сравнительно

мягкие старопашотные и лесные земли, а вторыми — более дернистые и плотные черноземные почвы, а также целины и залежи.

Второй вариант — кривоградильный плуг, согласно полевым материалам, применялся в юго-западной части Молдавии. Градиль имел вертикальную выгнутость и укреплялся на полозе между рукоятками. Непосредственное соединение градилья с полозом придавало плугу большую силу и устойчивость при пахоте на особенно дернистых степных почвах юга. Этот плуг имел симметричный лемех, плоский отвал, чересло и двухколесный передок. К сожалению, более подробных данных об этом плуге у нас нет. Аналогичный плуг широко применялся у соседних народов бассейнов Средиземного и Черного морей. Учитывая это обстоятельство, возникает основание предполагать, что такой плуг был характерен для этого огромного ареала, в состав которого входила и южная часть Пруто-Днестровского междуречья.

Сведения о традиционном плуге с передвижным отвалом весьма скудные. Такой вариант традиционного оборотного плуга в Молдавии нам пока известен лишь по литературным данным. Во время этнографических экспедиций нам не удалось обнаружить вариант этого плуга. По материалам многочисленных информаторов удалось восстановить общий вид этого типа плуга, аналогии которому имеются в районах Карпат на Украине. Следует полагать, что этот плуг возник в горных и пригорных районах Молдавского княжества. Оттуда он распространился и в Пруто-Днестровском междуречье, где рельеф местности требовал его применения. Лемех этого плуга имел симметричную форму, а плоский деревянный отвал прикреплялся к корпусу плуга довольно свободно. В процессе вспашки склонов земляной пласт всегда отваливался в одну сторону — в сторону ската. Для этого при повороте плуга в обратном направлении отвальную доску легко переставляли.

Дальнейшее более глубокое этнографическое изучение этих орудий позволит выяснить и их этнические своеобразия, основанные на традиционном навыке и многолетнем опыте ведения земледельческого хозяйства.

П р и м е ч а н и я

I См. Демченко Н. А. Молдавские рэла. Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972, с. 160.

2 Neamtu V. Contribuții la problema uneltelor de arat din Moldova în perioada feudală. "Arheologia Moldovei", IV, Buc., 1966, p.298-299.

3 Там же, с.299-302.

4 Воронеж. Фрески XV-XVI вв. Бух. 1959, репрод.97.

5 "Журнал Министерства государственных имуществ" (ЖМИ). М., 1847, ч. XXIV, с.49.

6 Скальковский А. А. Взгляд на хлебопашество и хлебную торговлю в Новороссийском крае и Бессарабии. — "Журнал Министерства внутренних дел" (ЖМВД). М., 1848, ч.23, с.54.

7 Neamtu V. Указ. соч., с.310-311.

8 Braungardt R. Die Urheimat der Landwirtschaft aller indogermanischer Völker. Heidelberg, 1912, s.245.

Ю.В.Попович (Кишинев)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ОБЫЧАЕВ ГОДОВОГО ЦИКЛА У НАРОДОВ БАЛКАНСКОГО И КАРПАТСКОГО АРЕАЛОВ

Выявление или уточнение ареалов отдельных элементов или комплексов традиционной культуры и их последующее историко-этнографическое объяснение (или по крайней мере их осмысление в свете этнической истории изучаемого народа и региона) является своеобразным способом обобщения диалектологического материала. Особенно перспективным представляется картографирование традиционных бытовых обрядов, при изучении которых интересы этнографов и лингвистов-диалектологов переплетаются особенно явственно.

Картографирование элементов традиционной духовной культуры, выявление ареалов распространения бытовых обрядов в их этнографической форме и диалектологическом осмыслении, сопоставление этих ареалов, наложение их друг на друга позволяют определить взаимосвязь и зависимость явлений, иногда казалось бы совершенно несопоставимых. В конечном итоге это способствует изучению путей развития народной культуры, взаимных исторических связей и влияний племен и народов.

В нашей статье будем касаться лишь трех, на наш взгляд, наиболее выразительных, обрядовых элементов: а) обычаев вождения быка или "тура" на Новый год, б) бытовых традиций, связанных с функцией термина кращун и в) сопоставления понятия 12 святочных дней в пределах карпатского ареала и шире.

В Молдавии и Северной Буковине обычай, связанные с быком ("ку бухаул", "ку боурул", "боул", "турица"), дает возможность сопоставления трех рядов явлений, различных по своей форме, но функционально объединенных в единой обрядовой структуре. Согласно первому варианту, в канун Нового года по селам водили "овященного" быка, заходили с ним в дома, где желали хозяевам благополучия и богатого урожая. По второму варианту, в новогодний праздник по селу ходила группа парней, двое из которых изображали быка, наряжаясь в его шкуру. В дальнейшем вместо животного появился своеобразный символический предмет "бухай", при помощи которого поздравляющие имитировали рев быка.

Подобные обряды наблюдались и во многих других местах. В трех вариантах, под аналогичным названием обычай встречается в Трансильвании¹. В первых двух вариантах обычай бытовал в Венгрии². По свидетельству К. Мошинского, О. Колберга, А. Вацлавика и других этнографов маска быка или "тура", "туронька" особенно характерна для представлений ряженых в Словакии (turon), в юго-западной и в частности центральной Польши (о "туром", "туронем")³.

Аналогичный обычай существовал и в Западной Украине (Галиции), где крестьяне старались еще до прихода гостей ввести в избу скотину (бидло), которая по поверью приносит счастье⁴. Украинцы, жившие по р. Збруч, накануне Нового года с песнями водили по хатам быка (турицу) для того, чтобы хорошо плодился скот⁵. Обрядовые действия с крупным рогатым скотом в новогодний вечер наблюдались у крестьян Закарпатья⁶.

Представляется очевидным, что эта традиция уходит своими корнями в глубокую древность, в доземледельческую эпоху, в которой эти обряды могли быть связаны с культом плодородия, воплощенного в диком быке-туре, его силе производителя⁷. Любопытные данные в этом отношении можно, видимо, извлечь из сопоставления ареала распространения обычая с туром и географических (физических) карт ареала. Наложение их друг на друга дает нам возможность с большей долей вероятности заключить, что обычай с бугаем, туром или туроньком в различных этнографических средах первоначально был связан с животноводческим бытом населения Карпатских гор и

предгорий Карпат. И лишь потом, в зависимости от изменения хозяйственного уклада жизни различных этнических групп, этот обычай стал переходить в земледельческую хозяйственную среду.

Определенный интерес для общевосточной и карпатской диалектологии представляет понятие, связанное со словом крэчун. На территории Молдавской ССР этим словом обозначен религиозный праздник "рождества". Подобное же понятие засвидетельствовано в других восточнороманских языках⁸. В том же значении оно встречается у венгров — "Karácsony". Особо широко это слово представлено у славян. Этот термин встречается (наряду с другими) у болгар — красиц, красицес⁹; у словенцев — красиц¹⁰; у чехов и словаков — красиц¹¹.

Четкость географического ареала (исключительно карпатский и балканский), регулярность и простота соответствий находится в противоречии с невыясненной еще этимологией этого слова, о чем свидетельствует и статья А.В. Десницкой, помещенной в настоящем сборнике.

Албанский лингвист Е. Чабей в специальной статье, посвященной этому слову, старается доказать, что в восточнороманских языках крэчун является вариантом албанского kërcuni (пень), заимствованного в отдаленную эпоху, что данное слово проникло в эту этническую среду с обычным значением "пень", а затем приобрело значение "рождественский пень" и позднее — значение "рождества". Причем семантическую эволюцию слова Е. Чабей связывает с языческим обрядом, известным многим европейским народам, когда в рождественский вечер в огонь клали пень¹². Кажется, чего убедительнее? Однако, возвращаясь к основной мысли, заметим, во-первых, что слово крэчун в значении "пень", "рождественский пень" на территории Молдавской ССР не встречается, чем значительным образом снижается вероятность перечисленной семантической эволюции у восточных романцев. Кроме того, полезно обратить внимание и на то, как признает и сам автор статьи, что даже в "албанском языке kërcu не встречается в обозначении рождественского пня"¹³. Это, на наш взгляд, может опровергнуть албанскую теорию происхождения указанного термина. Очевидная распространенность этого слова в значении "праздника рождества" в различной этнической среде, преимущественное его бытование у славянских народов приводит нас к мысли о возможной связи со славянским миром. Этому взгляду придерживается в частности А. Росетте, который утверждает, что крэчун не является прямым продолже-

нием старого латинского термина *creationem*, а воспроизводит южнославянское слово крэчун, переданное восточнороманским языком через болгар, живущих на севере Дуная¹⁴.

Следует обратить внимание и на возможность родства термина крэчун и его функции с терминологией, выражающей не только зимний праздник или время его чествования. В Галиции, например, крэчуном называется обрядовый хлеб, выпекаемый на рождество¹⁵. И. Снегирев отмечал, что у карпато-русоов "канун рождества называется керечун, который у них почитается за божество"¹⁶. Но самое интересное состоит в том, что понятие крэчун, крачун можно возвести к предполагаемому древнеславянскому *krt* - чорт.¹⁷ Чешский фольклорист и этнограф К. Эрбен отметил, в частности, что понятие *krt* связано самым непосредственным путем с мифологическим образом *krado* у саксонских славян, откуда происходят теперешние названия домашнего духа у чехов - *křet*, *skřet*, *střitek*, у поляков *skrzat*, у латышей *krat*¹⁸. А. Н. Афанасьев обратил внимание также на то, что один из главных богов западных славян в языческую эпоху - Радигост именуется в источниках "*unik kirtov*"¹⁹. По существу, термин крэчун, крачун был известен всему славянскому миру. Это в конечном итоге указывает на его древний, реликтовый характер. Древность этого слова подтверждается еще тем обстоятельством, что оно обнаруживает соответствия также за пределами славянских языков.

Географическое распространение бытовых традиций, связанных с функцией термина крэчун в рамках карпатского и балканского ареалов, а также отсутствие этого термина в лексиконе остальных народов Европы позволяют предполагать, что этот термин был заимствован восточнороманскими народностями и венграми у древнеславянского населения карпатского ареала.

В восточнороманских и венгерском языках не существует четкого понятия и особого названия для начинающихся с рождества 12 святочных дней, как например у славян - "святки", "святочный период". В народе, у молдаван их называют обычно описательно "днями между двумя праздниками" (зилеле де ла крэчун пыне ла Анул ноу), у венгров - *ket karácsony közeröl*.

Таким образом, в карпатском и балканском ареалах можно указать на более или менее родственные по культуре и языку элементы. Наряду с этим, в рамках карпатского ареала встречаются и совершенно специфичные явления, свойственные определенным этнолингвистическим группам.

Примечания

- 1 См. Попович Ю. В. Молдавские новогодние традиции. Кишинев, 1974.
- 2 См. D ö m ö t ö r T. Ungarische Volkslauben und ungarische Volksbräuche zwischen Ost und West. - "Europa et Hungaria", Budapest, 1965; Об. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, XIX - начало XX в. Зимние праздники под ред. А. С. Токарева и др. М., 1973, с. 201; К а в е р з н е в А. Праздник и будни. - "Вокруг света", 1975, 4, с. 9.
- 3 М о з г у њ к и К. Kultura ludowa słowian., t. 11, str. 2, wyd. 2. Warszawa, 1968, p. 293, 294; K o l b e r d O. Dzieła wyuzetkie. Wrocław - Poznań, t. 48, pp. 66, 67; V a c l a v í k A. Výroční obyčaje a lidové umění. Praha, 1959, s. 80.
- 4 P a u l i Z. Piesni ludi ruskiego W. Galicyi, t. 1. Lwów, 1839, с. 1.
- 5 Г а л ь к И. Народные обычаи и обряды з околлиц над Збручем, ч. 2. Львов, 1862, с. 15.
- 6 Б о г а т ы р е в Н. Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья. - В кн.: Вопросы теории народного искусства. М., 1971, с. 222.
- 7 См. Л и п е ц Р. С. Образ древнего тура ют. элоски его куклыта в облынах. - В об.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 105.
- 8 Ş a b e j E. Crăciun. "Studii și cercetări lingvistice", 1961, 3, p. 325.
- 9 A v b o t h O. Archiv für slavisch philologie. Bd. IX, s. 3.
- 10 Э р б е н К. Я. О славянской мифологии. - "Русская беседа", кн. 8, 1857, с. 123-125; C i h a c A. Dictionnaire d'etymologie daco-romane. Francfort S/M, 1879, p. 79.
- 11 С а б е j E. Указ. соч., с. 316.
- 12 Там же, с. 314-316.
- 13 Там же, с. 315.
- 14 R o s e t t i A l. Istoria limbii române, v. III, Buc., 1962, p. 45-46.
- 15 С у м ц о в Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.
- 16 С н е г и р е в И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. I. СПб., 1837, с. 139.

17 Токарев С. А. Религиозные верования восточно-славянских народов XIX- начало XX в. М.-Л., 1957, с.108.

18 Эрбен К. Я. Указ.соч., с.96-97, 100, 104-105.

19 Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу, т.III. СПб, 1869, с.760-761.

П.Ондрус (Братислава)

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ПО КАРПАТСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ,
ИЗДАНЫХ В СЛОВАКИИ

Материал для настоящей работы был извлечен из словацких лингвистических и этнографических публикаций (книг и журналов) и дополнен по следующим лингвистическим и этнографическим библиографиям: В л а н á р V. Bibliografia jazykovedy na Slovensku v rokoch 1934-1947. Bratislava, 1950; D v o n ě L. Bibliografie slovenskej jazykovedy za roky 1948-1952, 1953-1956, 1957-1960, 1961-1965. Martin, 1957, 1958, 1962, 1970; Ž a t k o R. Výberová bibliografia ľudovej kultúry karpatskej na Slovensku. Bratislava, 1962; Ž a t k o R. Register Národopisného zborníka I-XI (1939-1952). - "Slovenský národopis", r.2, с.3-4. Bratislava, 1953; К u b o в á M., Ž a t k o R. Vecný a menný register Slovenského národopisu I-X (1953-1962). Bratislava, 6/Г; К u b o в á M. Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1960-1969. Bratislava, 1971; К u b o в á M. Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za roky 1971, 1972. - "Slovenský národopis", r. 21, 22, 1973, 1974; S t a n o P. Bibliografia slovenského ľudového výtvarného umenia so zreteľom na hmotnú kultúru od vzniku záujmu o ľudové výtvarné umenie do konca roku 1957. Martin, 1959; T y l Z. Bibliografie české lingvistiky. 1956-1960. P., 1963; Ž a t k o R. Bibliografia slovenskej etnografie a folkloristiky za rok 1956. - "Slovenský národopis", r.6, 1958; P o d o l á k J. Spôsoby chovu hospodárskych zvierat. B., 1962.

1. В а r а n L. Nejstarší formy lidové obuvi v karpatské oblasti Československa. - СЕ, r.3, 1955, с. 125-161.

2. B a r a n L. Přežitky staré lidové kultury v Karpatech. - DU, r.5, 1951, c.36-42, 81-85.
3. B a r a n L. Staré formy platěné obuvi v karpatské oblasti Československa. - ČE, r.4, 1956, c.179-200.
4. B o t í k J. Medzinárodná konferencia o problémoch štúdia ľudového staviteľstva v Karpatoch (Smolenice 15-20.II.1971). - SN, r.20, 1969, c.298-300.
5. B o t í k J. Medzinárodne o ľudovej kultúre v Karpatoch (Medzinárodná konferencia na tému "Kultúrne spoločenstvo a diferenciácie v ľudovom staviteľstve v Karpatoch" v Smoleniciach 15-20. II.1971). - "Nové slovo", r.13, 1971, c.50.
6. B o t í k J. Структура и программа деятельности Чехословацкой секции МККК. - "Carpatica", r.4, 1972, c.21-28.
7. B o t í k J. Zasadnutie Československej sekcie MKKK. - SN, r.20, 1972, c.651-654.
8. B u f f a F. Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. B., 1953, 246 c.
9. C r a n j a l ě. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k Moravskému Valašsku. P., 1938, 563 c.
10. D o s t á l P. Valašská povstání za třicetileté války 1621-1644 (ze zápasů východomoravského lidu. P., 1956, 240 c.
11. D u n a r e N. Trepanácia oviec ako ľudová liečebná praktika v karpatskom pastierstve. - SN, r.9, 1961, c.579-609.
12. E l s c h e k o v á A. Valašská hudobná ľudová kultúra na Slovensku. - LT, r.12, 1961, c.247-248.
13. F r o l e c V. Деятельность Международной комиссии по изучению народной культуры в карпатской области в период 1964-1971 гг. - "Carpatica", r.4, 1972, c.9-17.
14. F r o l e c V. K problematice karpatsko-balkánských vztahů v lidovém stavitelství. - ĽKK, c.153-161.
15. F r o l e c V. Kulturní vztahy v lidovém stavitelství v Karpatech. - SN, r.16, 1968, c.169-201.
16. G a š p a r í k o v á V. Adaptácia látok s historickou tematikou v oblasti slovenských Karpat. - ĽKK, c.347-357.
17. G a v a z z i M. Po stopách kulturných proudů v oblasti Karpat. - ĽKK, c.19-31.
18. G u n d a B. Kultúrne morfológické problémy v Karpatoch. - ĽKK, c.19-31.

19. H a b o v š t i a k A. Dve štúdie z oravskej dialektológie. - JŠ, 2. Dialektológia, 1957, c.139-176.
20. H a b o v š t i a k A. O výskume pastierskej terminologie. - SN, r.9, 1961, c.653-658.
21. H a b o v š t i a k A. Vplyv valašskej kolonizácie na stredoslovenské nárečia. - JČ, r.13, 1962, c.8-27.
22. H a b o v š t i a k A. Общеславянский лингвистический атлас и исследование пастбищно-скотоводческой терминологии. - "Carpatica", r.3, 1963, c.9-12.
23. H a b o v š t i a k A. Na okraj jedného príspevku o pastierskej terminológii - SN, r.12, 1964, c.640-645.
24. H a b o v š t i a k A. Oravské nárečia. B., 1965.
25. H a b o v š t i a k A. Pastierska kolonizácia v Karpatoch a slovenské nárečia. - ES, r.1, 1969, c.83-101 (Резюме по-словацки).
26. H a l a g a O. Riečna doprava v karpatskej oblasti sa feudalizmu. - SN, r.20, 1972, c.557-570.
27. H a l a g a O. Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréko-katolíci. Košice, 1947, 135 c.
28. H a l a š a J. Na salaši na tom hornom (Z dávnej minulosti salašníctva, príchod Valachov na Slovensko, valašská kultúra, dnešné salaše). - KS, r.41, 1964, c.136-141.
29. H ä u f l e r V. Horské oblasti v Československu a jejich využití. P., 1955.
30. Hołub-Pacewiczowa Z. Pastierstvo v Nízkych Tatrách. - Zb. MSS, r. XXVII-XXVIII, 1933-1934, c.94-166.
31. Ch a l o u p e c k ý V. Valaši na Slovensku. P., 1947, 116 c.
32. Ch o t e k K. Staré typy valašského domu. Príspevek k štúdiu domu karpatského. - NVČ, r.11, 1916, c.133-145.
33. J a w o r s k a B. Materiálne k štúdiu pastierstva na Slovensku. - SN, r.7, 1956, c.387-432.
34. J e ř á b e k R. Karpatské voňarství v 19. století. P., 1961, 178 c.
35. K a d l e c K. Valaši a valašské právo v zemích slovenských a uherských a úvodom, podávajícím přehled teorií o vzniku rumunského národa. P., 1916.
36. K a v u l j a k A. Valaši na Slovensku. - В кн.: Сборник на погест' J. Škultétyho. Martin, 1933, c.336-374.

37. K a v u l j a k A. Valaši na Slovensku - na okraj publikácie V. Chaloupeckého o valschoch. - SMSS, r.38-42. 1949, c. 306-319.

38. K l i m o w a-R y c h n o v á M. Mezižánrové vzťahy v oboru lidové povesti v materiáloch o Tatařoch a Turcích v západní karpatské oblasti. - ĽKK, c.319-337.

39. K o p o s y ň s k a-J a w o r s k a B. Przydatność określonych metod badawczych w problematyce karpatskiej. - ĽKK, c.111-121.

40. K o v a č e v i č o v á S. Múzeá ľudovej architektúry v prírode slovenskej časti Karpat. - ĽKK, c.239-293.

41. K o v a č e v i č o v á S. Sídelné typy v slovenskej časti Karpat. - ĽKK, c.189-199.

42. K r á l J. Antropogeografický výskum horských oblastí Karpat. - ČMSS, r.XXI, 1929, c.42-51.

43. K r á l J. Činnosť československej sekcie komise slovanskej pro výskum salašnictví v Karpatech a na Balkáne za leta 1924-1948. - SN, r.9, 1961, c.631-652.

44. K r á l J. Pastýřský život v Malých Karpatech. - SN, r.13, 1965, c.399-400.

45. K r a n d ž a l o v D. О современном состоянии изучения румынских влияний в Карпатах. - "Ethnographica", r.3-4, 1961-1962, c.254-273.

46. K u b i j o w i c z W., K r á l J. Zpráva o činnosti komise slovanskej pro výskum salašnictví v Karpatech a na Balkáne za období 1924-1928. - Sb. ČSZ, sv. 35, 1929, c.64-66.

47. K u b i j o w i c z W. Badania nad życiem pasterskim na Słowaczynie. - "Bratislava", r.3, 1929, c.292-293.

48. K u b i j o w i c z W. Typy pastierskeho života na Slovensku. - SMSS, r.XXIV, 1930, č.3-4, c.101-109.

49. K u b i j o w i c z W. Życie pasterskie w Wielkiej Fatrze - B: Sborník archeologického a národopisného odboru Slovenského vlastivedného múzea z rokov 1924-1931. B., 1931, c.117-126.

50. K u b i j o w i c z W. Rozšíření kultur a obyvatelstva v severních Karpatech. - SFFUK, Zv.8, 1932, 142 c.

51. L a u r i n č í k J. Ovčiarstvo a salašnictvo. B., 1958, 490 c.

52. M a o ŕ e k J. K dejinám mezislovanských a slovansko-rumunských vzťahu od konce 15. do poč. 17. stoloť. - SHS, II, 1956.

53. M a c ů r e k J. Valašské osídlení na Kysucko-Čadecku a jeho souvislosti s Tešínskem (v 16. a 17. stol.). - SB, r.52, 1954, c.454-499.

54. M a c ů r e k J. K dejinám valašské kolonizace trenčanské stolici. - "Valašsko", IV, 1954, c.6-27.

55. M a c ů r e k J. Valaši na severovýchodní Moravě a jejich vztahy k Tešínsku, Polsku a hornímu Slovensku (do roku 1620). - SB, r.53, 1955, c.145-195.

56. M a c ů r e k J. K dejinám valašské kolonizace v jiho-
východní Moravě. - "Valašsko", r.V, 1956, c.25-72.

57. M a c ů r e k J. Valaši v západních Karpatech v XV-XVIII
storočí. K. dejinám osídlení a hospodářsko-spoolečenského vývoje
jižního Tešínska, jihozápadního Polska, severozápadního Sloven-
ska a východní Moravy. Ostrava, 1959, 526 c.

58. M a ť á k I. Stratigrafia ľudovej hudby v Karpatoch a
na Balkáne. (Symposium konané pod záštitou Ústavu hudobnej vedy
SAV a Medzinárodnej komisie pre výskum ľudovej kultúry v Kar-
patskej oblasti pri SAV v dňoch 26-28. V. 1965). - SN, r.14, 1966,
o.175-179.

59. M á c h a V. Pastevníctví na Slovensku. P., 1925, 416 c.

60. M e l i s h e r ō í k A. K otázke vzniku zbojníctva v
Karpatoch. - SN, r.4, 1956, c.163-194.

61. M j a r t á n J. Zum Geleit (Úvodom). - ĽKK, c.9-17.

62. M l y n a r ō í k J. Záseh valašskej kolonizácie do hos-
podárskych pomerov Oravy v 16. a 17. storočí. B., 1959, 73 c.

63. M r u š k o v i č Š. Výskum ľudového staviteľ'stva a
bývania v Československej časti Karpat. - ĽKK, o.265-274.

64. O l t e a n u P. Vianočné rumunské sviatky a obyčaje
so zreteľom na Slovensko. - NS, r.VI-VII, 1945-1946, c.156-171.

65. O l t e a n u P. K fonetickému súvisu medzi rumunčinou
a západnou slovančinou. - JSb., 1/II, 1946-1947, c.63-106.

66. O n d r u s P. Slovenské nárečia a karpatská jazyková
'oblast'. - Studia Academica Slovaca. 2. Prednášky IX letného se-
minára slovenského jazyka a kultúry. B., 1973.

67. O n d r u s P. Stredoslovenské nárečia v Maďarskej ľu-
dovej republike. B., 1956, 317 o.

68. O r e l J. Výskum umělecké lidové výroby v Karpatoch. -
UR, 1962, c.1r

69. P á t k o v á J. Porada o výskumoch ľudovej kultúry v
Karpatoch. - SN, r.9, 1961, c. 314-315.

70. P o d o l á k J. Tradičné spôsoby zimovania dobytku na Horehroní. - SN, r.8, 1960, c.268-322.
71. P o d o l á k J. Pastierstvo na Horehroní. I diel. Ovčiarstvo (кандидатская диссертация). Národopisný ústav SAV. B., 1961.
72. P o d o l á k J. Pasienkové a lúčne hospodárstvo na hornom Pohroní. - SN, r.9, 1961, c.549-578.
73. P o d o l á k J. Konferencia o štúdiu ľudovej kultúry karpatskej oblasti. - SN, r.9, 1961, c.481-486.
74. P o d o l á k J. Letné salašníctvo oviec v oblasti horného Hrona. - Zb. SNM, r.55, 1961, c.5-76.
75. P o d o l á k J. [Рец. на:] R. J e ř á b e k. Karpatské vorářství v 19. století. - SN, r.10, 1962, c.170-171.
76. P o d o l á k J. Prvé výsledky výskumu pastierstva v oblasti Vysokých Tatier. - SN, r.10, 1962, c.124-140.
77. P o d o l á k J. Zpráva o výsledkoch štúdia ľudovej kultúry karpatskej oblasti za roky 1961-1962. - SN, r.11, 1963, c.565-569.
78. P o d o l á k J. Slovensko-pol'ská porada o štúdiu ľudovej kultúry karpatskej oblasti (jún 1965). - SN, r.13, 1965, c.589.
79. P o d o l á k J. Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier. B., 1967, 207 c.
80. P o d o l á k J. Medzinárodná konferencia o štúdiu ľudovej kultúry v Karpatoch (Smolenice, 11-13.9.1967). - SN, r.16, 1968, c.279-286.
81. P o d o l á k J. Pastierska kultúra v Karpatoch ako predmet etnologického štúdia (резюме по-словацки). - ES, I, 1969, c.67-83.
82. P o d o l á k J. Prastaré spôsoby nietenia ohňa u karpatských pastierov. - ES II, 1970.
83. P o d o l á k J. Niektoré problémy porovnávacieho štúdia ľudových kultúr karpatskej oblasti. - LKK, c.31-63.
84. P r a ž á k V. Vliv valašské kolonizace na některé důležité etnografické jevy ve způsobu bydlení ve východní části ČSSR (резюме по-чешски). - LKK, c.161-167.
85. P r e k o p I. Z histórie salašníctva, ovčieho mliečarstva a bryndziarstva na Slovensku. - VČ, r.16, 1967, c.167-172.
86. R a p o š K. Pôvod salašníctva v Brezne. - ČMSS, r.20, 1928, c.44-49.

87. R a t k o š P. K otázke emfyteuzy na Slovensku. - *HŮ*, r.7, 1960, č.1, c.119-123.
88. R a t k o š P. Osídlenie a hospodársky vývoj Horehro-
pia do zaciatku 18. storočia. - *SN*, r.13, 1965, c.135-171.
89. S i č y n s k y j V. Dřevěné stavby v karpatské ob-
lasti. P., 1940, 216 c.
90. S o u č e k J. Kultúrne spoločenstvo a diferencie v
ľudovom staviteľstve v Karpatoch (Smolenice, 15-17. 11. 1971). -
NA, r.9, 1972, c.64-66.
91. S t r á n s k ý A. Dřevěná cirkevní architektura na
Karpatech. - "Staviteľské listy", r.19, c. 115-123, 131-133, 146-
154, 165-169.
92. Š t i k a J. Bádání o karpatském salašnictví a valaš-
ské kolonizaci na Moravě. - *SN*, r.9, 1961, c.513-541.
93. Š t i k a J. Historická analýza ako základ pre štúdi-
um analógií v karpatskom salašnictve. - *ES*, r.3, 1971, c.91-99.
94. Š t i k a J. Salašnictví v povážskej a kysucké oblas-
ti. - *SN*, r.8, 1960, c.323-370.
95. Š t i k a J. Význam slova valach v Západných Karpa-
tech. - *SN*, r.10, 1962, c.396-437.
96. Š t i k a J. Ohnišť'ě v karpatských salašnických ko-
libách. - *ČL*, r.54, 1967, c.267-284.
97. Š t i k a J. Salašnicke koliby v západokarpatské ob-
lasti. - *Zb. SNM*, r.62, 1968 (Etnografie, 9), c.77-117.
98. Š t i k a J. O stavebním vývoji západnokarpatské ko-
liby. - *LKK*, c.121-128.
99. Š v e h l á k S. Medzinárodná konferencia o štúdiu ľu-
dovej kultúry v Karpatoch (11-13.9.1967 v Smoleniciach). - *NA*,
r.4, 1967, c.64-65.
100. U r b a n c o v á V. Poľnohospodárstvo a chov dobyt-
ka. - Slovensko, č. 11. Ľud. B., 1975, c.792-798.
101. V a ř e k a J. Koliby zvané "kram". Příspěvek ke stu-
diu salašnictví v Karpatech. - *SN*, r.9, 1961, c.628-636.
102. V a ř e k a J. Zpráva o mezinárodní karpatské konfe-
renci o lidovém stavitelství (Smolenice, 15-20.11.1971). - *ČL*,
r.59, 1972, c.123.

П р и н я т ы е о к р а щ е н и я

B. - Bratislava.

"Carpatica" - "Carpatica". B. (c 1969).

- ĀE - Āeskoslovensk etnografie. P.
 ĀL - Āesk lid. P.
 ĀMSS - Āasopis muzelnej slovenskej spoločnosti. Martin.
 DU - Dolina Ugratina. V.Kralovice.
 ES - Ethnologia Slavica. B.
 "Ethnographica" - "Ethnographica". B.
 HĀ - "Historick Āasopis. B.
 JĀ - Jazykovedn Āasopis. B.
 JSb. - Jazykovedn sbornk. B.
 JŠ - Jazykovedne štdie. B.
 KS - Krsy Slovenska. B.
 ĀKK - Āudova kultra v Karpatoch. Ethnographia Carpatica.
 B., 1972.
 LT - Lidov tvořivost. P.
 NA - Nrodopisne aktuality.
 NVĀ - Nrodopisn vstnk Āeskoslovensk. Strařnice.
 P. - Praha,
 Sb.ĀSZ - Sbornk Āeskoslovenskej spoločnosti zeměpisne.P.
 Sb.MSS - Sbornk muzelnej slovenskej spoločnosti.Martin.
 SHS - Slovansk historick studie. P.
 SFFUK - Sbornk Filozofickej fakulty University Komensk-
 ho. B.
 SS - Slezsk sbornk. Opava.
 UŘ - Umění a řemesla. P. "Valařsko" - "Valařsko". Brno.
 VĀ - Vlastivedn Āasopis. B.
 Zb.SNM - Zbornk slovenskho nrodopisnho mzea. Martin.

ИНДЕКС МОЛДАВСКОЙ ЧАСТИ ПРОГРАММЫ-ВОПРОСНИКА "ОБЩЕКАРПАТСКОГО ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА"

Настоящий "Индекс" составлен на основе материалов карт диалектологических атласов молдавского, румынского, украинского, болгарского, польского и венгерского языков, статей, монографий и словарей (диалектальных, этимологических и др.), программ-вопросников национальных атласов и других источников.

В инвентаре "Индекса" содержатся 1) восточнороманские слова, зафиксированные в говорах хотя бы двух языков карпатской зоны, а также 2) слова иного происхождения, которые, благодаря восточнороманскому посредничеству, стали достоянием иноязычных смежных говоров. В "Индекс" включены литературные и диалектные географические термины различного происхождения, имеющие распространение в весьма широком ареале. От многих из них в разных языках образованы топонимы.

При подаче семантических единиц слова проводится разграничение родового и видовых значений, исконного и деривационных значений. Переносные значения слова приведены после прямого. Нередко порядок иной: от более встречаемого значения слова к менее встречаемым.

Лексемы сгруппированы тематически. Наряду со значениями, характерными для восточнороманских языков и диалектов, часто указаны значения, приобретенные соответствующими лексическими единицами в заимствующих говорах. Производные лексемы следуют после основной; иногда они отнесены в разные тематические группы¹.

В "Индексе" не указывается, как будут сформулированы вопросы в окончательном варианте программы атласа. В настоящее время анализируются различные мнения относительно их характера и формулировок².

Стилистические и терминологические пометы (перен., ирон., мед., бот. и др.) не даются.

"Индеко" поставлен членами сектора молдавской диалектологии и экспериментальной фонетики Института языка и литературы АН МССР Р.Я. Удлером, В.В. Корчмарь, А.И. Еремией, В.К. Павелом, В.А. Комарницким и В.Ф. Мельником под руководством Р.Я. Удлера: Его инвентарь дополнен лексемами и семемами, предложенными участниками III Международной конференции по "Общекарпатскому диалектологическому атласу" А.В. Десницкой, Г.П. Клепиковой, Н.В. Никончуком, К.Ф. Германом, П.Н. Ливанцом и И.А. Калужской.

I. СКОТОВОДСТВО

БАЧ - 1. 'чабан'; 2. 'старший чабан'; 3. 'чабан, который изготавливает брынзу'.

БАЧИЦА - 1. 'жена "бача"'; 2. 'большая ложка, которой пользуются пастухи при изготовлении сыра'.

ВАЛАХ - 1. 'валах, аромун'; 2. 'чабан'; 3. 'человек, который кастрирует баранов, быков, коней, кабанов'; 4. 'кастрированный баран'; 5. 'кастрированный конь'.

ВЭТАГ (ВЭТАФ) - 1. 'старший чабан'; 2. 'мастер брынзодел'; 3. 'глава, главарь, вожак'; 4. 'надсмотрщик (в помещичьем имении)'.

ВЭТЭЖЕЛ - 1. 'шафер'; 2. 'дружка на свадьбе'; 3. 'вожак'.

МОКАН - 1. 'чабан'; 2. 'неряшливый человек'; 3. 'коренастый человек'.

ПЭЖУРАР - 'чабан'.

ХАЙЦАУ - 1. 'пастух'; 2. 'пастух коров'; 3. 'пастух волов'; 4. 'пастух буйволов'.

БОУАР - 1. 'пастух стада волов'; 2. 'пастух стада крупного рогатого скота'.

ВЭКАР - 'пастух стада крупного рогатого скота'.

ВЭКАРКЭ - 'плетеный загон для крупного рогатого скота'.

ПОВЭРАШ - 'помощник пастуха'.

МОЛГАШ - 'дояр овец'.

БОРДЖА - 1. 'землянка'; 2. 'бедное жилище'; 3. 'крестьянский дом без печки'; 4. 'небольшая землянка, в которой содержатся кролики'; 5. 'погреб'; 6. 'сарайчик для хранения топлива'.

- КОЛИБЭ** - 1. 'хижина'; 2. 'маленький и плохой дом (лячуга, избушка)'; 3. 'шалаш (пастуший)'; 4. 'зимнее жилище лесорубов и др.'; 5. 'укрытие для овец'; 6. 'конура для собак'.
- СТЫНЭ** - 1. 'летнее стойбище'; 2. 'сыроварня'; 3. 'летний лагерь для крупного рогатого скота'; 4. 'стадо, табун'; 5. 'большое количество, множество (о людях и овцах)'.
- ТЫРЛЭ** - 1. 'летнее стойбище овец'; 2. 'летний лагерь коров'; 3. 'место перед загонами, где овцы отдыхают после дойки'; 4. 'место около воды, где скот отдыхает в полдень'; 5. 'местность за оелом, куда выгоняют скот для выпаса'; 6. 'вытоптанное, отравленное место на посевах, на огороде'; 7. 'берлога'; 8. 'мусор в доме или во дворе'; 9. 'беспорядок'.
- СТАНИШТЕ** - 1. 'место, где овцы отдыхают после дойки'; 2. 'место, где поят овец или крупнорогатый скот'; 3. 'место, где рогатый скот отдыхает в полдень'.
- МЕРИЗЭ** - 1. 'место, где отдыхают в полдень овцы или крупнорогатый скот'; 'отдых скота в жаркие часы'.
- МЕРИЗА (А)** - 'жевать (жвачку) (о животных)'.
- БЕУКЭ** - 1. 'водопой для животных'; 2. 'руоло ручья'.
- СТОРОШТЕ** - 1. 'место в загоне, где овцы едят зимний корм'; 2. 'остатки после того, как овцы поели'; 3. 'навозная куча'.
- ИМАШ** - 'пастбище, выгон'.
- ПЭСКЭЛЭУ** - 'пастбище'.
- ТОЛОАКЭ** - 1. 'пастбище за селом, где пасутся овцы'; 2. 'горная равнина'.
- ВЭРАТИК** - 1. 'горный выгон'; 2. 'летнее горное пастбище'.
- ТОМНАТИК** - 1. 'осеннее содержание овец'; 2. 'осеннее пастбище'.
- ЕРНАТИК** - 1. 'корм'; 2. 'место зимовки скота'; 3. 'зимнее пастбище'.
- ВАТРЕ** - 1. 'место, где горел костер ("живой огонь" - фок вич)'; 2. 'очаг (домашний очаг)'; 3. 'огонь'; 4. 'пламя'; 5. 'большая свеча'; 6. 'нижняя плоскость печи'; 7. 'леманка'; 8. 'ступенька, выступ перед печкой'; 9. 'место стоянки отары'; 10. 'загон, в котором спят овцы'; 11. 'лужайка, поляна'; 12. центральная, самая древняя часть села'; 13. 'родное село, место рождения'; 14. 'нижняя часть кузнечной печи'.
- САЛАШ** - 1. 'хижина пастухов'; 2. 'хижина для сторожей'; 3. 'сарай для дров'; 4. 'гроб'.
- СЭЛЭШИ (А)** - 'принимать кого-то на ночлег'.

КОШАР — 1. 'загон для скота (безотносительно к виду)'; 2. 'загон для крупного рогатого скота'; 3. 'загон для овец'; 4. 'загон для овиной'; 5. 'плетеная ограда вокруг маленького фруктового дерева для защиты от скота'; 6. 'плетеный амбар для хранения кукурузы'; 7. 'корвина'; 8. 'улей'; 9. 'коробка для ложек и соли, которая вешается на стену'.

ОДАЕ — 1. 'загон за оелом для крупного рогатого скота'; 2. 'летнее помещение в поле для сторожей'; 3. 'название земли, где находится это помещение'; 4. 'комната'; 5. 'помещение'.

ОБОР — 1. 'забор'; 2. 'двор'; 3. 'ограда'; 4. 'сарай для скота'; 5. 'загон для скота'; 6. 'загон для скота, иногда и для овец, где они зимуют'; 7. 'огороженное место во дворе, где находятся помещения для скота и для овец'; 8. 'загороженное место, где продается скот'.

ОКОЛ — 1. 'загон овец на летнем стойбище'; 2. 'загон для коров при летнем лагере'; 3. 'загон для овец или коров во дворе, в котором они зимуют'; 4. 'вокруг, кругом, около'.

ЦАРК — 1. 'загон для ягнят'; 2. 'загон во дворе для ягнят или для поросят'; 3. 'загороженное место в конюшне для телят, ягнят и др.'; 4. 'загороженная часть печки или кровати для маленьких детей'; 5. 'загороженное место, куда кладут молочные продукты'; 6. 'большая корзина, установленная в земле и покрытая сверху, где держат початки кукурузы'.

ЫНЦЭРКЛИ (А) — 1. 'ограждать изгородью место для стоянки овец'; 2. 'ограждать изгородью определенное место'.

ЫНЦЭРКА (А) — 1. 'отлучать ягненка'; 2. 'отлучать от груди ребенка'.

ГАРД — 1. 'забор'; 2. 'изгородь'; 3. 'ограда'; 4. 'огороженный двор'; 5. 'изгородь из прутьев, колючего кустарника и др. вокруг сада или поля'; 6. 'забор в русле реки для ловли рыбы'; 7. 'ограда из камней в русле реки для ловли рыбы'.

ПАЛАНКЭ — 1. 'укрепление, забор из стволов дерева или досок, расположенных горизонтально'; 2. 'укрепление, забор из кольев, вбитых в землю'; 3. 'загон, укрытие для скота в поле'.

СТРУНГЭ — 1. 'загон для дойки овец'; 2. 'загон вместе с помещением для дойки овец'; 3. 'дыра в заборе'; 4. 'щербина, промежуток между передними зубами'; 5. 'испорченный зуб (дыра в коренном зубе)'; 6. 'дупло'.

СТРУНГАР — 1. 'помощник чабана, который гонит овец по одной в

- огороженное место, где их доят'; 2. 'патрон, при помощи которого делается круглая метка в ушах овец'.
- КОМАРНИК** - 1. 'полка, на которой сушится сыр в сыроварне или в помещении для пастухов'; 2. 'сыроварня'; 3. 'помещение, где доят овец'; 4. 'хижина для пастухов'; 5. 'место в загоне для овец, где хранится овечьий сыр'; 6. 'ящик, в котором хранят сыры'.
- ЗВЫРЖИНЭ** - 'продольная балка комарника или загона, где доят овец'.
- ЛЯСЭ** - 1. 'полка из плетеных прутьев или из узких, забитых через интервал досок, на которой сушат сыр'; 2. 'полка из прутьев, на которой сушат оливы'; 3. 'борона'; 4. 'плетеная дверь у загона для овец'; 5. 'низкие, ворота из узких досок'; 6. 'плетень'; 7. 'приспособление, выплетенное из лозы, для утепления хаты'; 8. 'преграда для ловли рыбы'; 9. 'лестница'.
- ПОРЯЛЭ** - 1. 'начало пастушеского сезона в горах'; 2. 'обор в дорогу'; 3. 'часть пастбища, выделенного для дойных овец'; 4. 'ночная пастба баранов'; 5. 'место для ночлега овец'; 6. 'трава с пастбища, предназначенного для дойных овец'.
- МУТАРЕ** - 1. 'переход на летнее стойбище в горах'; 2. 'перемена места стойбища в течение одного сезона из-за отсутствия пастбы (в засушливые годы)'.
- РИДИКА (А)** - 1. 'поднимать'; 2. 'сниматься с места' (с гор с отарами овец) .
- ХАЛЭУ** - 1. 'углубление в пне, в котором ставят ооль для овец'; 2. 'рыболовная сеть'.
- ПЫРТИЕ** - 1. 'узкая тропинка, проделанная овцами'; 2. 'узкая тропинка в горах'.
- УРМЭ** - 'дорога, проложенная дикими животными'.
- ДЫРЭ** - 1. 'тропа'; 2. 'след'.
- ТАУРЭ** - 1. 'дыра'; 2. 'конура'; 3. 'лачуга'; 4. 'берлога'; 5. 'дупло'; 6. 'пещера'.
- МАРЖИНЕ** - 1. 'край'; 2. 'конец'; 3. 'овца, которая постоянно отходит от отары'.
- ПУТИНЭ** - 1. 'кадка (для хранения брынзы)'; 2. 'кадка для закваски овечьего молока'.
- БЭРБЫНЦЭ** - 1. 'бочонок, кадка (для хранения брынзы)'; 2. 'кадка для закваски овечьего молока'; 3. 'кадка, в которую доят овец'.

- ГЭЛЭТЭ** - 1. 'ведро'; 2. 'деревянная посуда, в которую доят овец'; 3. 'мера емкости (для зерна и молочных продуктов)'; 4. 'бочонок, обычно для брынзы'.
- ГЭЛЭТАР** - 'дояр овец'.
- Ч'ТУРА** - 1. 'бадья'; 2. 'отупка'; 3. 'высушенная тыква для крашения вина, самогона'; 4. 'трубка (курительная)'; 5. 'башка'.
- ГЪОБ** - 'деревянная кадка, в которую сливают надоенное коровье молоко'.
- ДОНИЦЭ** - 'подойник'.
- КАНТЭ** - 'деревянная посуда, в которую доят коров'.
- КОУЭ** - 1. 'деревянная кружка для воды'; 2. 'ведро'; 3. 'деревянная посуда, в которую доят овец'; 4. 'деревянная посуда, в которую доят коров'; 5. 'бадья'; 6. 'ручная маслобойка'.
- БОТЭ** - 1. 'деревянная посуда, кадка для молока'; 2. 'специальная бочка с придавленным боком, предназначенная для перевозки на ишаке воды для пастухов'; 3. 'глиняный кувшин для воды'; 4. 'глиняный сосуд для воды с двумя ручками'; 5. 'палка, дубина'; 6. 'валик (ремизны роликов у ткацкого станка и др.)'.
- КЮПЭ** - 1. 'единица меры молока у пастухов (0,7 л)'; 2. 'кружка, которую подвешивают по середине доильного ведра, чтобы не брызгать во время доения'; 3. 'кружка'; 4. 'стакан, бокал'; 5. 'глиняная чашка для еды'; 6. мн.ч. 'банки'; 7. 'коленная чашечка'; 8. чашечка цветка; 9. Небоовод.
- ДОАГЭ** - 'клепка (бочки, кадки)'.
- РЭВАШ** - 1. 'специальная палка с зарубками для измерения молока'; 2. 'процесс измерения молока'; 3. 'счет срубленных дров или рабочих дней'; 4. 'письмо'.
- КАРЫМБ** - 'палка с отметками, которой весной измеряют молоко от каждой овцы в отдельности'.
- БРАЙ** - 1. 'четырёхгранный, с зарубками на конце, толстый буковый кол, с которым пастухи поворачивают и раздробляют в ведре сыр (вурду или брынду)'; 2. 'толстый кол, в конце которого закреплено стальное лезвие и служит для резки части отга сена'.
- БИРГИДЭУ** - 'деревянная палка, утолщенная в одном конце, разделенная на несколько частей, с помощью которой замешивается подогретая первичная сыворotka, чтобы не подгорела'.
- ГЭВАН** - 'большая деревянная ложка, которой пользуются пастухи при изготовлении сыра'.

СТРЕЖУРЭТОАРЕ - 'цедилка'.

ЧЕДИЛЭ - 'цедилка'.

ХЫРЗОБ - 'круг, на котором кладут цедилки с сыром'.

ТЯСК - 1. 'пресс для брынзы'; 2. 'камень, который кладется над дощечками в бочке с квашенной капустой'; 3. 'виноградодавилька'; 4. 'пресс для выжимания растительного масла из семян'.

КУШБЭ - 1. 'приспособление (изогнутая палка), на которое вешают казан для кипячения жидкости (молока, сыворотки) или для приготовления еды'; 2. 'перекрестные палки у яспера (рыболовная снасть)'.

ПРЕПЕЛЯК - 'приспособление из трех палок, на которое вешают казан для кипячения жидкости'.

ГЫНЖ - 'кольцо из плетеного ивняка, которым фиксируют три палки (кужбу), с которых свисает котел над костром'.

СИУЗЭ - 1. 'горячая зола, пепел'; 2. 'горячая зола, смешанная с мелкими угольками (у костра пастухов в поле, в лесу, но не дома)'.

СИУЗАР - 'человек, поддерживающий огонь постоянно на летних пастбищах в горах'.

СКРУМ - 1. 'пепел'; 2. 'нагар'; 3. 'гарь'.

КЫРЛИГ - 1. 'длинная пастушеская палка с загнутым концом для ловли овец за ноги'; 2. 'длинная пастушеская палка с железным крючком для ловли овец за ноги'; 3. 'специальный крючок в помещении для пастухов или в сироварне, на котором висят цедилки с сыром'; 4. 'крючок железный с разным назначением'; 5. 'вид цапки (мотыги), имеющей форму клюва'.

КАЦЭ - 'длинная пастушеская палка с загнутым концом для ловли овец за ноги'.

КЫРЖЭ - 1. 'длинная пастушеская палка с загнутым концом для ловли овец за ноги'; 2. 'костыль'.

МЭЧУКЭ - 1. 'пастушеская толстая палка с утолщением в одном конце'; 2. 'дубинка'; 3. 'толстая длинная палка'; 4. 'толстая короткая палка';

БЫТЭ - 1. 'дубина с одним утолщенным концом'; 2. 'пест у ручной маслобойки'.

ЧОМАГ - 'палка толстая наверху, суковатая, дубина'.

ДРУГЭ - 1. 'толстая палка'; 2. 'веретено'.

ЫНДРУГЭТЭТҮРЭ - 'ссученная вдвое нить'.

ФЛУЕР - 1. 'пастушеская сопелка'; 2. 'сопелка'; 3. 'овисток'; 4. 'берцовая кость'; 5. 'кость руки от кисти до локтя'.

ФЛУЕРА (А) (УН КЫНТЕК) — 'насвистывать (песню)'.
ТЭРХАТ — 'вещи пастухов, собранные в кучу, которые перевозятся при перемене места стойбища'.
КЛЮПОТ — I. 'звонки на шее у животного (у коровы, у овцы)'; 2. 'колокол (у церкви, в школе)'.
ТУРМЭ — I. 'большая отара овец'; 2. 'стадо других домашних животных'; 3. 'стая птиц'; 4. 'толпа людей'.
БОТЭЙ — I. 'небольшая отара овец'; 2. 'стадо свиней'; 3. 'стая уток'; 4. 'группа детей'.
КЫРД — I. 'отара овец, состоящая из 50—100 голов'; 2. 'стая птиц'; 3. 'группа детей'; 4. 'свора'; 5. 'толпа'.
ГРОС — I. 'отара овец, которые должны оягниться'; 2. 'отара овец и ягнят'.
ЧИРЦЭ — I. 'стадо (обычно крупного рогатого скота)'; 2. 'отара'; 3. 'ватара, толпа'; 4. 'гнездо'; 5. 'нора'; 6. 'берло — га'; 7. 'тайное убежище'; 8. 'жилище'.
МАНЭ — I. 'общее название молока коров или овец'; 2. 'название молока, связанное с поверьем, что, заколдовав животное, можно лишить его молока'; 3. 'спорынья злаковых'; 4. 'хорошая погода для урожая'.
СТРИГОЙ — 'привидение'.
СТРИГЭ — 'колдунья, которая по поверью лишает корову молока'.
ВЫРКОЛАК — 'нечистая сила, вурдалак'.
МЭСУРЭ — 'измерение количества молока от каждой овцы в отдельности, в зависимости от которого ее хозяйину причисляется определенное количество молока (обычно это делается 2—3 раза в сезон)'.
ЛАПТЕ, мн.ч. ЛАПЦ — 'разовое количество молока, выдоенное от всех овец'.
КОРАСЛЭ — 'молозиво'.
КОРОСЛІ (А СЕ) — I. 'сгуститься (о первом молоке после оягнения или отеления)'; 2. 'сгуститься (о несвежем молоке при кипячении)'.
СТЫРІІ (А) — I. 'терять молоко'; 2. 'пересыхать, высыхать (о ключе, источнике)'.
БЭТУТ (ЛАПТЕ) — 'молоко со снятыми сливками'.
КЫГ — I. 'сывороточная закваска, вещество, извлекаемое из сычуга ягненка'; 2. 'сычуг ягненка, теленка'; 3. 'желудок животного'.

го'; 4. 'внутренности животного'; 5. 'порошок, который употребляется для сгущения молока'; 6. 'сгущенное молоко'.

ЫНКСЕГÁ (А) - 'заправлять молоко сычугом'.

КАШ - 1. 'сгустившееся овечье молоко'; 2. 'свежий овечий сыр'; 3. 'сорт брынзы (неразделенный на куски соленый сыр) из овечьего или коровьего молока'.

КАШКАВАЛ - 'сорт овечьего сыра, засоленного кусками'.

БУЛЗ - 1. 'свежий сыр'; 2. 'большой кусок сыра или брынзы'; 3. 'круглый комок мамалыги с брынзой внутри'; 4. 'комочек земли'.

БРЫНЗЭ - 1. 'соленый овечий сыр'; 2. 'свежий или соленый коровий творог'; 3. 'внутренности'.

БРЫНЗИ (А СЕ) - 'сгуститься (о несвежем молоке при кипячении)'.

БУРДУФ - 1. 'желудок жвачных животных'; 2. в выраж. "брынза де бурдуф" сорт брынзы, приготовленный в желудке молодого теленка или ягненка'.

РЫНЗЭ - 1. 'желудок, общее название'; 2. 'желудок жвачных животных'; 3. 'желудок птиц'; 4. 'желудок человека'; 5. 'сорт брынзы, приготовленный в желудке молодого теленка или ягненка'; 6. 'сычуг'; 7. 'наперник'.

РЫНЗАР - 1. 'ягненок'; 2. 'ягненок, которого предстоит зарезать'.

МЕРИНДЕ - 1. 'съестные припасы, провизия'; 2. 'еда холодная, в дорогу'; 3. 'фураж'; 4. 'брынза'.

ЗАРЭ - 'пахта'.

ЗЭР - 1. 'первичная сыворотка из овечьего или коровьего молока'; 2. 'вторичная овечья сыворотка'.

ЗЭРУЙ (А) - 1. 'подогревать до кипячения простоквашу после снятия сливок'; 2. 'подогревать до кипячения первичную сыворотку'.

ЗЭРЫ (А СЕ) - 'портиться (о молоке в вымени овец)'.

ЗЭРЫТЭ - 'овца, у которой испорченное молоко в вымени'.

ЖИНТИЦЭ - 1. 'сыворотка из овечьего молока'; 2. 'вторичный сыр'; 3. 'вторичная сыворотка'; 4. 'сыворотка с кусочками свежего сыра'.

ЖИНТЭЛЭУ - 'палка, которой замешивают подогретую первичную сыворотку'.

ЖИНТУЙ (А) - 'тереть сыр, чтобы отделилась сыворотка'.

ЖИНТУИТ - 'предварительно тертый сыр с небольшим количеством сыворотки, из которого готовят специальный сорт брынзы'.

ЖИНТУЯЛЭ - 'жирная сыворотка, которая выделяется при терке сыра';
УРДЭ - 1. 'вторичный сыр'; 2. 'вторичная сыворотка'; 3. 'сыр из козьего молока'; 4. 'толченые конопляные семена или толченый мак'.

СУТАР - 1. 'новорожденный ягненок, сооунок'; 2. 'ягненок поздно рожденный'; 3. 'черный ягненок'; 4. 'ягненок, который бо- дается'.

ТЫРЭИУ - 'ягненок поздно рожденный'.

ВЭТУЙ - 1. 'однолетний козленок'; 2. 'теленка (телочка) до од- ного года'; 3. 'одно- или двухлетняя коза до отела'; 4. 'бес- плодная коза'; 5. 'овца, которая впервые ягнится'; 6. 'двух- летняя овца'.

НЕЛЯПКЭ - 1. 'корова (реже овца), отелившаяся раньше трехлетне- го возраста'; 2. 'телка (реже ягненок), родившаяся от двух- летней коровы (или овцы)'.

БЕРБЕК - 'баран'.

АРЕТЕ - 1. 'баран'; 2. 'большой красивый баран'; 3. 'двухлет- ний баран'; 4. 'баран в промежуток времени, когда его выво- дят из стада овец и вновь выпускают'.

РЫНГАЧ - 'вол, плохо кастрированный'.

БУХАЙ - 'кастрированный баран'.

БАВАНЭ - 1. 'старая, беззубая овца'; 2. 'старая овца, неспособ- ная к размножению'.

БЕРК - 1. 'баран с коротким хвостом'; 2. 'баран без хвоста'; 3. 'собака или другое домашнее животное без хвоста'; 4. 'мел- кая, в завитушках (о шерсти овец)'.

БЫРКЭ (БИРКЭ, БЫРКЭ) - 1. 'овца'; 2. 'ласкательное название ов- цы'; 3. 'вид овец с короткой густой белой шерстью'; 4. 'бел- ый баран'; 5. 'мелкий рогатый скот (баран или овца, козел или коза)'; 6. 'метка на ухе овцы'; 7. 'шкура овечья'; 8. 'шапка из овечьей'.

ЧУЛ - 'баран (или овца) с короткими ушами'.

ЧУЛИ (А) - 'наострить уши'.

КОРНУТЭ - 'рогатая овца'.

ЧУТ (ШУТ) - 1. 'безрогий (о рогатых животных)'; 2. 'безрогий (о мелком рогатом скоте)'; 3. 'бесхвостный (баран или овца)'; 4. 'безухий (баран или овца)'; 5. 'человек без одной руки или ноги'; 6. 'безбородый (козел)'; 7. 'безволосый (чело-

век)'; 8. 'о отбитыми ручками (о глиняной посуде)'; 9. 'тупой (об орудиях труда)'; 10. 'с недостатком, с изъяном'; 11. 'скупой'.

АПЛЕКЭТОАРЕ - 1. 'овца, кормящая своего ягненка'; 2. 'овца, кормящая чужого ягненка'; 3. 'дойная овца'.

АПЛЕКА (А) - 1. 'кормить молоком'; 2. 'воспитывать, вырастить'; 3. 'воспитывать заботливо'.

МЫНЗАРЕ - 1. 'общее название дойных овец'; 2. 'дойная овца'; 3. 'олягившаяся овца'.

МУЛГАРЭ - 1. 'дойная овца'; 2. 'овца, от которой отлучили ягненка'.

БЯЛЭ - 'чисто белая овца'.

БЭЛАН - 1. 'белой масти (о животных)'; 2. 'светловолосый (о человеке)'.

БРЭЗ (БРЯЗ) - 1. 'черный баран с белой головой'; 2. 'лошадь темной масти с белым пятном на лбу'.

БАРЭ - 1. 'черный баран или козел с белой грудью'; 2. 'черно-белый цвет (о животных, о птицах)'.

БАРНЭ - 'черная корова с белыми пятнами вокруг глаз'.

БОКШЭ - 'черная корова с белыми боками'.

КАЧУРЭ - 1. 'овца черного цвета'; 2. 'овца черного цвета с коричневым оттенком'.

ЛАБЭ - 1. 'черная овца'; 2. 'черно-серая овца'; 3. 'корова с желтоватыми пятнами вокруг глаз'.

БУКЭЛАБЭ - 'овца с черной мордой'.

БУРЭ - 'темно-серая масть (волос)'.

САИН - 'серый (о шерсти овец)'.

КОАЧИН - 'баран с красноватой мордой'.

ПОРОМБЭ - 'серый (о шерсти овец, о перьях птиц)'.

МУРГ - 1. 'гнедой (вол или конь почти черной масти)'; 2. 'серый, темный, черный'; 3. 'несчастный'.

ТЭРКАТ - 1. 'пегий (о масти лошади)'; 2. 'пятнистый, полосатый (о животных)'.

ОАКШЭ - 1. 'черная овца с белыми пятнами вокруг глаз'; 2. 'белая овца с черными пятнами вокруг глаз'; 3. 'черная овца (или баран)'; 4. 'белая овца (или корова) с черной мордой'; 5. 'женщина (или мужчина) с крупными черными глазами'.

ПИСТРУБЭ - 1. 'овца с черными пятнами на морде'; 2. 'овца с черной мордой в маленьких белых пятнах'.

ГРИВЭ - 'овца с черными или белыми пятнами'.

БОГЭРЭДЭ мн.ч. - 'мелкие овцы'.

ПОТРИКАЛЭ - I. 'патрон, при помощи которого делается круглая метка в ушах овец';

 'метка овец в форме круглой дырки в ушах'.

'оечерэ, жумэтатэ де лунэ'.

'хырлец'.

'борть сковаэ'.

'кырнэ'.

'спинтекатэ'.

'щуютэ'.

'кишкатэ'.

'урма куцитулуй'.

КРЕЦ - 'кудрявый (о шерсти коз)'.

БАСКЭ - 'вся шерсть, состриженная с одной овцы'.

МИЦЭ - I. 'шерсть ягнят'; 2. 'неопрятные волосы'.

МИЦУИ (А) - I. 'стричь ягнят'; 2. 'стричь низкосортную шерсть с ног, с хвоста, с головы или из-под задней части брюха овец'.

НОТЕНИНЭ - 'вид шерсти ягнят'.

ШКАМ - 'шерсть высшего сорта'.

ЦИГАЕ - I. 'овца с мягкой и шелковистой шерстью'; 2. 'шерсть хорошего качества'; 3. 'шкурка овцы такого вида'.

КАНУРЭ - 'шерсть низкого качества'.

ШТИМ - I. 'короткая шерсть, остающаяся после ее первичной обработки'; 2. 'сальная грязь, которая снимается со стриженной шерсти после обливания ее кипятком'.

ТУШИНЭТУРЭ - 'шерсть низшего качества (с ног, с хвоста, с головы, из-под задней части брюха овец)'.

ТУШИНА (А) - I. 'стричь шерсть вокруг вымени овцы'; 2. 'стричь шерсть с ног, с хвоста и вокруг него'.

ФЛОКОТИНЬ - I. 'шерсть низшего качества'; 2. 'линяющая шерсть домашних или диких животных'.

КЭЛУШЭ - I. 'паразит, живущий под кожей у овец'; 2. 'паразит, живущий в шерсти овец'; 3. 'бутон цветов'; 4. 'клещевина'; 5. 'почка виноградной лозы'.

РЭСУДУГ - 'болезнь овец, которой они страдают, когда долго содержатся в неочищенном, сыром загоне; выпадение вымени овец'.

ГЭЛБАЗЭ - 'болезнь (печени) овец, которой они страдают, когда пасутся в болотном месте'.

РУМЕГА (А) - I. 'жевать жвачку'; 2. 'грызть'; 3. 'есть'; 4. 'издавать слабый звук (о животных)'.

ЦЫРКУИ (А) - I. 'доить овец'; 2. 'доить понемногу тонкой стружкой'; 3. 'выдаивать остатки молока'; 4. 'капать'.

МЫРЛИ (А) - I. 'оплодотворять (овец)'.

ПЫРЧИ (А) - 'оплодотворять (овец, коз)'.

ЫНТОАРЧЕ (А) - 'каотрировать путем перекручивания труб'.

ТОКМИ (А, А СЕ) - I. 'договориться о купле-продаже (чаще овец)'; 2. 'нанимать'; 3. 'помириться'; 4. 'трамбовать землю'.

ТОКМЛЭ - I. 'соглашение, уговор, договоренность (чаще всего о купле-продаже)'; 2. 'сговор, помолвка'; 3. 'примирение'; 4. 'точное, честное слово'.

АРВОНЭ - 'задаток'.

ПАРТЕ - 'участь, доля'.

БИР - 'налог'.

ДОВИТОК - I. 'окотина'; 2. 'тупой (о человеке)'; 3. 'скот'; 4. 'товар, имущество'.

ДОГ - I. 'норовистая скотина'; 2. 'ленивый'.

ГЛИГАН - 'дикий кабан'.

ГАДИНЭ - I. 'зверь'; 2. 'плохой человек'.

МАРФЭ - I. 'товар (общее название)'; 2. 'скот'; 3. 'скотина'; 4. 'имущество'.

ЦАП - I. 'козел'; 2. 'козлы (для рубки, пилки дров)'.

ДУЛЭУ - I. 'большая собака'; 2. 'общее название дворняжки'; 3. 'будка для собак пастухов'.

ПУРЧЯ - 'молодая свинья (самка)'.

ГОДИН - I. 'поросенок от четырех месяцев до одного года'; 2. 'толстая свинья'.

МЭГАР - 'осел'.

ГЛОЛБЭ - I. 'худая лошадь'; 2. 'несчастье; несчастный случай'; 3. 'штраф'; 4. 'наказание'.

АРМЭСАР - 'жеребец'.

КОДАШ - 'отставший'.

ФРУНТАШ - 'передовой'.

СИМБРИЕ - I. 'супруга (совместная обработка земли)'; 2. 'жалование, плата слугам, батракам'; 3. 'вознаграждение натурой (молочными продуктами), выданное хозяином старым своим пастухам'.

ДАТ - 'плата за пастбище, которую пастух выплачивал частным владельцам или общине'.

БЕРЕГАТЭ - 'глотка'.

КОАДЭ - I. 'хвост (животного)'; 2. 'коса'; 3. 'лента'.

БЭШИКЭ - I. 'пузырь мочевого'; 2. 'пузырь'; 3. 'пузырь мыльный'; 4. 'рожа, рожистое воспаление'; 5. 'кисет из свиного мочевого пузыря'.

ЗЭБАЛЕ мн.ч. - I. 'пена у рта людей, скота'; 2. 'трещинки, ранки в углах рта людей, скота'; 3. 'сыпь на губах у людей, скота'; 4. 'коренной зуб'; 5. 'удила'.

БАЛЕ - 'пена (у рта) у детей и животных'.

МЕРЛУНКЭ - 'смушка ягненка'.

БЛАНЭ - I. 'мех'; 2. 'доска у забора'.

ПАРТАЛ - 'остаток от съеденной волками овцы, который пастухи должны предъявить хозяину овцы'.

ЗОБ - 'овес, смешанный с другими зернами, которым кормят лошадей'.

ТРАСК - I. 'остаток от пищи скота'; 2. 'пыль'.

ЛЭТУРЬ - 'помои (отходы пищи), которые даются собакам'.

БАЛЕТЭ - 'навоз'.

КЭКЭРЯЗЭ - 'навоз овец, коз'.

БЫР! (БИРР!, БЕР!) - 'межд. для понукания овец'.

КЕДЗЬ - КЕДЗЫ - 'межд. для понукания коз'.

БРЕ! - БРЕ, БРЕЙ! - 'ну, ты!, эй!'.

ЧА! - ЧАЛА! - крик погонщиков волов: I. 'направо!'; 2. 'налево! (реже)'; 3. 'пошел!'

ХЫСИ - крик погонщиков волов: 'налево!'

2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

КУРЭТУРЭ - I. 'участок леса, выкорчеванный под пастбище, виноградник или посев'; 2. 'склон, поросший виноградником'.

ОГОР - I. 'пашня, нива'; 2. 'пахотная земля'; 3. 'пар'; 4. 'зябь'; 5. 'перелог, залежь'.

ГЛИЕ - I. 'земля'; 2. 'борозда с травой'; 3. 'глина при стройке'.

ЦАРИНЭ - I. 'пашня, нива'; 2. 'территория села вместе с пастбищами и нивами'; 3. 'зеленые посевы колосовых'; 4. 'засеянное или засаженное поле (обычно за селом)'; 5. 'поле, засеянное озимыми'; 6. 'место, где колосится трава на сено'; 7. 'поле плодородное'; 8. 'пастбище (на общественном поле)'; 9. 'пустая, незаселенная часть села'; 10. 'поле под гречи-

хой'; II. 'гречиха'; I2. 'ворота'; I3. 'плашка (деталь сруба дома)'.
МОШИЕ - I. 'имение'; 2. 'состояние'.

ФАЛЧЕ - 'единица измерения площади (более 140 сотых)'.
ПРЭЖИНЭ - I. 'шест, жердь'; 2. 'линейная мера длины (около 6 м)';
3. 'старинная мера площади (около 0,02 га)'; 4. 'верзила, дьлда'.

БРАЗДЭ - I. 'пласт земли, отворачиваемый плугом'; 2. 'ряд скошенного сена'; 3. 'борозда'.

ГРЕШ - I. 'огрех, пропуск (при пахоте)'; 2. 'разбросанное сено';
3. 'ошибка'.

ПРЭШИ (А) - 'полоть'.

РАРИЦЭ - I. 'рало'; 2. 'культиватор-полольник для кукурузы и других растений'.

КОТИГЭ - I. 'плужный передок'; 2. 'телега двухколесная'; 3. 'тележка (ручная), которой пользуются пастухи'.

КОРМАНЭ - 'отвал плуга'.

ПОЛИЦЭ - I. 'отвал плуга'; 2. 'часть ярма'; 3. 'полка'.

БЫРСЭ - 'подпорка у плуга'.

ГРАПЭ - I 'хворостянка - плетенная борона'; 2. 'борона'.

ГРЭПА (А) - 'боронить хворостянкой (грапой)'.
САПЭ - I. 'мотыга'; 2. 'цапка, вид мотыги для огородных куль-

тур'.

СЭПА (А) - I. 'копать'; 2. 'полоть (с мотыгой, сапой)'.
РОСКАЛ - 'заступ, железная лопата'.

ХЫРЛЕЦ - 'заступ'.

БАЛТАГ - 'секира'.

БАРДЭ - I. 'разновидность топора с короткой согнутой ручкой для плотнической работы'; 2. 'тесло'.

ГРАЛЕ - I. 'вилы обычно с пятью - восьмью зубьями'; 2. 'специальные металлические вилы для выкапывания и погрузки свеклы, картофеля и др.'

ФУРКЭ - I. 'вилы'; 2. 'прялка'; 3. 'шест, которым подпирают ветви фруктовых деревьев или виноградные лозы, отягощенные плодами'.

КОПОРЬЕ - 'ручка косы'.

ТОПОРЫШТЕ - I. 'ручка топора'; 2. 'ручка косы'.

БЭТЭЛЭУ - I. 'пест'; 2. 'отбойная бабка'.

КОАРБЭ - I. 'ручной коловорот'; 2. 'ручка ручного коловорота, веялки, триера'.

ЧУР - 'решето'.

ЧУРУИ (А) - 'решетовать'.

ДЫРМОЙ - 1. 'решето с крупными отверстиями для зерна'; 2. 'решето с металлическим сетчатым дном для просеивания угля'; 3. 'ящик с металлическим сетчатым дном для просеивания мякины, угля'; 4. 'металлический лист с отверстиями для просеивания песка'.

КОШ - 1. 'короб деревянный для зерна на мельнице'; 2. 'помещение на дворе для хранения кукурузных початков'; 3. 'корзина из прутьев для кукурузы'; 4. 'большая плетеная корзина (для винограда и др.)'; 5. 'припособление для ловли рыбы'; 6. 'дымоход'.

КОШНИЦЭ - 1. 'корзина из прутьев для кукурузы'; 2. 'место, где собираются рыбы у берега, под камнем'.

ДИКМЭ - 'часть сельхоз.продуктов, которая выплачивалась крестьянами помещикам'.

МЕРТИК - 1. 'гарнец'; 2. 'отаринная мерка'.

КИТЭ - 1. 'связка в 10-12 горсток конопли'; 2. 'пучок (цветов)'.

КУП - 1. 'небольшой обмолоченный оноп ржи, которым кроют крышу дома'; 2. 'связка стеблей кукурузы и др.'

КЛАЕ - 1. 'укладка снопов'; 2. 'укладка сена, соломы'.

БОГЛЭ - 1. 'куча неочищенной кукурузы'; 2. 'межевой камень'.

ПОЛОГ - 1. 'разбросанное оено'; 2. 'ряд собранного сена'; 3. 'сноп (пшеницы и др.)'; 4. 'прокос (сена, пшеницы и др.)'.

ПЛОСКОАВЭ - 'копна'.

ТРИНЭ - 1. 'остатки сена или соломы после сгребания граблями'; 2. 'опилки'; 3. 'борона'; 4. 'приспособление, плетенное из ветвей, для сушки инжира'; 5. 'плетеная дверь у загона овец'.

ГОЗ - 1. 'охвостье, вымолотки'; 2. 'корм для скота'; 3. 'сор, мусор'; 4. 'ооринка'; 5. 'бурьян в посевах'.

КИТАР - 1. 'полевой сторож'; 2. 'купец, торгующий злаками'.

БУЛГАР - 1. 'огородник'; 2. 'болгарин'.

БУРГЭРИЕ - 'огород'.

БУЛГЭРЕСК (ЛОКУЛ) - 'огород'.

АРГАТ - 1. 'батрак, поденщик'; 2. 'бездомный бродяга'.

КАР - 1. 'воз'; 2. 'арба (с двумя или четырьмя колесами)'.

КЭРУЦЭ - 1. 'телега, повозка'; 2. 'длинная телега для подвоза стволов'; 3. 'большая телега для перевозки кормов'; 4. 'коляска (запряженная одной или двумя лошадьми)'.

- КЭЛУШ - 1. 'палка, которая ставится между спицами колеса, чтобы затормозить телегу'; 2. 'кляп'.
 КЭРЭУШ - 'возничий'.
 КАПРЭ - 'козлы (экипажа)'.
 САКА - 'водовозная бочка'.
 ПОДГОРНИЦЭ - 'нижняя часть ярма'.
 КЭПЭСТРУ - 1. 'недоуздок, узда'; 2. 'вожжи'.
 КУРМЕЙ - 'кусочек ремня, которым привязывают животных'.
 ФЫНГУЙЕ - 1. 'канат'; 2. 'веревка'.
 ШЮАРЭ - 1. 'бечевка'; 2. 'шпагат'; 3. 'канат'; 4. 'шнур'.

3. РАСТЕНИЯ

- ПЭПУШОЙ - 'кукуруза'.
 ПЭПУШЭ - 1. 'кукла'; 2. 'початок кукурузы'; 3. 'кукуруза'; 4. 'овязка табачных листьев'; 5. 'кисет'.
 МЭЛАЙ - 1. 'просо (растение и плод)'; 2. 'разновидность проса, из которого делают веники'; 3. 'кукуруза'; 4. 'кукурузная мука'; 5. 'лепешка из кукурузной муки'; 6. 'постная лепешка'; 7. 'пирог с яблочной начинкой'; 8. 'плохо выпеченный хлеб'; 9. 'клейстер из кукурузной муки'; 10. 'смеесь из воды и кукурузной муки, которая служит для чистки кож'.
 КАРТОФ - 'картофель'.
 БОСТАН - 1. 'тыква (общее название)'; 2. 'белая тыква'; 3. 'желтая тыква'; 4. 'бахча'; 5. 'дыня'.
 ЧАПЭ - 'лук'.
 ПЭТЛЭЙКЭ - 1. 'помидор'; 2. 'баклажан'.
 ПЭСТАБЕ - 'стручок фасоли, гороха, акации и др'.
 БОБ - 1. 'горох'; 2. 'горошина'; 3. 'фасоль'.
 ЛИНТЕ - 'чечевица'.
 МЭКРИШ - 'щавель'.
 ЛЕОРДЭ - 'лук медвежий, черемша'.
 РУЖЭ - 1. 'цветок (общее название)'; 2. 'роза'; 3. 'шиповник'.
 ТРАНДАФИР - 'роза (растение и цветок)'.
 БУЖОР - 'пион'.
 ЛИЛИЯК - 'сирень'.
 ЛИЛИЯК - 1. 'летучая мышь'; 2. 'птица козодой'; 3. 'бабочка ночная'.

- БУСУЙОК - 'базилик'.
 МАГИРАН - 1. 'душица'; 2. 'мятник'; 3. 'майоран'; 4. 'общее название красивых цветов'.
 МУШКАТЭ - 'герань'.
 ПОДБАЛ - 'мать-и-мачеха'.
 ГИНСУРЭ - 'горечавка, соколиий перелет'.
 БРЫНДУШЭ - 'шафран'.
 КУКУТЭ - 'цикута'.
 ФЕРИГЭ - 'папоротник'.
 ЯРВЭ - 'трава'.
 ЧУПЕРКЭ - 1. 'гриб (общее название)'; 2. 'вид грибов'.
 КУКУРУЗ - 'шишка еловая'.
 СКРАБЕ - 1. 'трава, которая растет в горах и которой овцы питаются зимой'; 2. 'хворост'.
 ТРИФОЙ - 'клевер, трилистник'.
 БРУСТУРЕ - 1. 'репейник, лопух'; 2. 'листья капусты'.
 СПИИ - 1. 'боярышник'; 2. 'колючка'; 3. 'вилка'.
 СПЫНЭ - 'морозник, четверичник'.
 ГИЗДЕЙ - 'лядвенец'.
- КОПАК - 'дерево'.
 ПРУИ - 'слива (дерево)'.
 ГУТУЕ - 'айва (плод)'.
 ЗАРЭЭР - 1. 'непривитый, полудиккий абрикос (дерево)'; 2. 'абрикос'.
 МОРВЭ - 'шелковица (плод)'.
 АФИН - 'черника (растение)'.
 АФНАР - 'место, где растет черника'.
- ШИР - 'желудь буковый, ясеневи'.
 ШИРОВИНЭ - 'место, где много желудей'.
 ГЫРЯЦЭ - 1. 'вид дуба'; 2. 'дерево'.
 СКОРУШ (СКУРУК) - 1. 'вид клена'; 2. 'рябина'.
 ТУФЭ - 1. 'куст'; 2. 'букет'; 3. 'пучок'; 4. 'кисточка из черных шелковых ниток'; 5. 'стадо'; 6. 'множество, толпа'.
 ЧЕТИНЭ - 1. 'хвоя'; 2. 'ветка хвойных деревьев'; 3. 'иглы хвойных деревьев'; 4. 'можжевельник'; 5. 'сосна'.
 ШНЯПЭН - 1. 'можжевельник'; 2. 'сосна'.
 ХЭЧЭТЭ - 1. 'сосна молодая'; 2. 'дерево'; 3. 'ствол'.

- БОЗ - 1. 'бузина'; 2. 'сирень'.
 ПАШУРЭ - 1. 'рогоз'; 2. 'камыш'; 3. 'кукуруза'.
 БУТУК - 1. 'бревно'; 2. 'куст винограда'.
 ЦАПИН - 'орудие, с помощью которого перемещаются пни'.

4. ДОМ И ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА

- ГАЗДЭ - 1. 'временное жилье'; 2. 'ночлег'; 3. 'хозяин (обычно зажиточный, который имеет кого-то у себя на квартире)'.
 ХЫЖЭ - 1. 'крестьянский дом'; 2. 'бедная крестьянская хатенка';
 3. 'летняя кухня'.
 КОТЛОН - 1. 'ниша в стене'; 2. 'подпечек'.
 ЧЕРЕП - 1. 'черепица'; 2. 'глубокий глиняный круглый протвень для выпечки хлеба'.
 С(К)ЛЕМЭ - 'скоба'.
 СЛИМНЭ - 'верхняя балка'.
 ГРИЦЭ - 1. 'балка вдоль хаты, которая поддерживает потолок';
 2. 'балка поперек хаты'; 3. 'брус, балка'.
 ЛЯЦ - 'продолговатая узкая дощечка, обструганная в четырех углах'.
 ПОД - 1. 'потолок дощатый'; 2. 'пол дощатый'; 3. 'этаж дома';
 4. 'помост (в зале)'; 5. 'остов телеги'; 6. 'нижняя часть улья'; 7. 'часть мельницы'.
 ПОДИНЭ - 1. 'деревянный пол'; 2. 'деревянный потолок'; 3. 'чердак'; 4. 'выложенное хворостом, соломой место, на котором ставят коню или стог'; 5. 'ровное место на склоне горы'.
 ПОДИШОР - 1. 'палка, на которую кладут сыр в сыроварне'; 2. 'кровать из досок'.
 КЭМАРЭ - 1. 'кладовая, пристроенная к дому'; 2. 'кладовая (для предметов питания)'; 3. 'ниша (обычно у очага)'.
 ОБЛОК - 'окно'.
 СОБЭ - 1. 'печь, печка'; 2. 'жилая комната'; 3. 'комната женщины'; 4. 'гостиная'.
 ЗГУРЭ - 1. 'шлак'; 2. 'сажа'.
 ТРОСКЭ - 'шлак'.
 ПОАРТЭ - 1. 'ворота (общее название)'; 2. 'ворота с аркой или с доской сверху, которые состоят из двух половин и открываются в две стороны'.
 ВРАТНИЦЭ - 'ворота'.

БРАМЭ - 1. 'ворота'; 2. 'ворота большие железные'; 3. 'ворота большие, красивые, покрытые сверху крышей'; 4. 'ворота из досок (без просвета)'; 5. 'ворота большие из досок или железа (без просвета) в тирье или в другом месте'; 6. 'ворота (только у сарая)'; 7. 'ворота (у стодола), которые открываются в две стороны, т.е. из двух половин'.

ПІВНІЦЭ - 'подвал'.

КОТЭЦ - 1. 'постройка из досок или из другого строительного материала для свиньи, или для кур, или для собаки'; 2. 'клетка из прутьев, где кормят цыплят отдельно от квочки'; 3. 'хранилище для кукурузы, в виде врытой в землю большой корзины'.

ПЭЛАНТ - 1. 'забор из досок'; 2. 'ограда, общее название'.

КЛАКЭ - 'коллективная помощь (обычно когда строят дом)'.

ПОКРЫШ - 1. 'крышка (кастрюли)'; 2. 'покрышка (горшка)'.

КОРШЕУ - 'оплетенная бутылка'.

ПЛОСКЭ - 1. 'деревянный или глиняный сосуд, круглый и сплюснутый'; 2. 'укладка сена'.

ПЛОСКОАНЭ - 'сосуд'.

ХЫРЭУ - 1. 'чугунок (для мамалыги)'; 2. 'кадка'.

БЛІД - 'миска глиняная'.

ФЕЛЭЖЫН - 1. 'пиала, чаша (без ручки)'; 2. 'маленькая чашечка для кофе'; 3. 'стакан'.

ЗОЛНІЦЭ - 'лохань для стирки белья'.

ЗОЛІ (А) - 'стирать белье (с золой)'.

ЛЭШІЕ - 'щелок'.

ШТОБЭЙ - 1. 'колодец (оруб)'; 2. 'сосуд, где вымачивают белье'; 3. 'колода для пчел'.

АЛБІЕ - 1. 'корыто'; 2. 'корыто, из которого едят свиньи'; 3. 'корыто, в котором купают младенцев'; 4. 'русло реки'; 5. 'котловина'.

ДИМИРЛІЕ - 'железная посуда, которой измеряют зерно, равная 21,5 л'.

ВАДРЭ - 1. 'железная или деревянная посуда, которой измеряют жидкости, равная 10 л.'; 2. 'ведро'; 3. 'бадьа'.

ЛАЦЭ - 'лавка, скамья без спинки, вдоль стены крестьянского дома'.

ПЭРЭТАР - 'узкий полотняный или шерстяной настенный коврик'.

ЧЭРГЭ - 1. 'грубое шерстяное покрывало'; 2. 'толстое и грубое шерстяное одеяло'; 3. 'шатер, сделанный из кусков ткани'; 4. 'локнут'.

- РҮДЭ - 1. 'кол, жердь'; 2. 'дышло'; 3. 'палка, на которую в горнице вывешивают выходную одежду'.
- ОГЛИНДЭ - 'зеркало'.
- БРИЧ - 'бритва'.
- БРИЧАГ - 'нож'.
- КУСТҮРЭ - 1. 'нож'; 2. 'лезвие ножа'.
- ЫРТЕЛНИЦЭ - 'снаряд для сматывания ниток в клубок'.
- СКРИЩЬ - 'колесики на ткацком станке'.
- ВЭТРАЙ - 'кочерга'.
- ОЖОГ - 1. 'деревянная ручка кочерги'; 2. 'деревянная ручка ухвата'; 3. 'обожженная на конце палка, которой подгребают жар и золу, поправляют огонь'.

5. ОДЕЖДА

- КЭМАШЭ - 1. 'рубашка (нижняя)'; 2. 'рубашка (верхняя)'.
- АЛТИЦЭ - 'вышивка на рукаве национальной сорочки'.
- КЭШИЦЭ - 1. 'петелька (для пуговицы)'; 2. 'коробка'; 3. 'место, где живут осы, черви'.
- АРНИЦЬ - 'хлопчатобумажные или шерстяные нитки разных цветов, которыми вышивают сорочки и др'.
- ПАВЭ - 1. 'латка (клин), которую вставляют в подрукавник для расширения рукава'; 2. 'подмышка, подмышечная ямка'.
- ПЕТЕК - 1. 'кусочек ткани или кожи'; 2. 'латка'; 3. 'платье'; 4. 'одежда'; 5. 'могильные вещи'; 6. 'имущество'; 7. 'земля';
- ГИЗДОНИУ - 'отдельный лоскут'.
- ФОДРЭ - 'кусочек отделанной ткани, которой украшают подол выходной сорочки'.
- ХОРБОЦИКЭ - 'кружево'.
- КАТРИЦЭ - 'вид национальной шерстяной юбки (у молдаван, венгров и др.), украшенной цветами'.
- СУГНЭ - 'юбка'.
- ФУСТЭ - 1. 'юбка'; 2. 'белье'; 3. 'платок'.
- ЧИНГЭТОАРЕ - 1. 'фабричный шерстяной широкий разноцветный в полоску пояс с бахромой на концах и с кисой для денег'; 2. 'обычный шерстяной пояс без кисы'.
- МЕШИНЬ - 'брюки из овечьей шкуры с нестриженной шерстью во внутрь'.
- НЭДРАЙ - 1. 'белые крестьянские брюки, обычно изготовленные в

домашних условиях'; 2. 'брюки (вообще), изготовленные в домашних условиях'; 3. 'купленные брюки'.

ГИЗДЭ - I. 'разрез кармана'; 2. 'длинный шнурок'.

ГУБЭ - 'шуба из длинношерстной некрашеной овечьей шкуры с шерстью наружи'.

СУМАН (СУКМАН) - I. 'домотканное сукно'; 2. 'зипун, верхняя одежда из домотканного сукна'.

ГУГТЭ (ГУГЛЭ) - I. 'копна хлебов, кукурузы, конопли'; 2. 'четырёхугольный мешок из овчины, которым пастухи защищали голову от дождя, ветра'; 3. 'плащ с капюшоном'; 4. 'капюшон'.

СКУРТЕЙКЭ - I. 'полущубок'; 2. 'женская верхняя одежда, короткая и на меху'.

ЛЕКРИК - 'полущубок'.

ПЕТАР - I. 'безрукавка овчинная'; 2. 'вышитый безрукавный кожух'.

БУНДЭ - I. 'безрукавка овчинная'; 2. 'кожух овчинный'; 3. 'вышитый безрукавный кожух'; 4. 'длинный тулуп'; 5. 'верхнее женское платье'; 6. 'юбка'.

БАЙБАРАК - 'вид крестьянской одежды'.

БЕЛЕШ - 'подкладка верхней одежды'.

КЭЧУЛЭ - I. 'шашка из смушки'; 2. 'головной убор без козырька'; 3. 'капюшон верхней одежды пастухов'; 4. 'короткий воротник верхней одежды пастухов'.

КЫРПЭ - I. 'тряпка'; 2. 'лоскут, залата'; 3. 'круг из тряпок на голове'.

КОЛЧУНЬ - I. 'носки домашнего вязания'; 2. 'чулки'; 3. 'гетры из шерстяного домотканного материала'.

ПАПУК - I. 'ботинок, башмак'; 2. 'легкая и теплая домашняя обувь, обычно шерстяная'; 3. 'шерстяной носок'.

КОНДУРЬ - I. 'туфли вышитые'; 2. 'сапоги'.

ГЕРДАН - I. 'монисто, ожерелье'; 2. 'венок'.

САЛБЭ - 'монисто, ожерелье'.

ЗГАРЦЭ - I. 'ожерелье, шейное украшение'; 2. 'ошейник'.

БРЭЦАРЭ - I. 'браслет'; 2. 'вышитый манжет крестьянской сорочки'.

ПАФТА - I. 'пряжка (женская)'; 2. 'пояс (женский) из металлических пластинок'.

ВЫРСТЭ - 'цветная полоска в ткани'.

ТРАЙСТЭ - I. 'котомка, торба шерстяная'; 2. '(маленькая) торба шерстяная, часть национального костюма'; 3. 'мешок'; 4. 'опалка'.

БАЙЕР - 1. 'шнур, веревка или ремешок, который привязан к разным предметам, напр., к крестьянской торбе, для удобства ношения'; 2. 'шнурок, тесемка, для завязывания запасок и др.'; 3. 'ручка корзинки, ведра и др.'; 4. 'женский тонкий пояс'.

ДЕСАГЭ - 1. 'дорожный двойной мешок (переметные сумки)'; 2. 'мешок'; 3. 'сумка'.

ЧУХЭ - 1. 'верхняя одежда'; 2. 'чучело'; 3. 'знак запрета хождения по огороду, сделанный из палки, на верхушке которого прикреплены тряпки, охапка сена или соломы'; 4. 'обозначенные межи'.

ГОГЭ - 1. 'чучело'; 2. 'гадка'.

ЗЕСТРЕ - 'приданое'.

КАЛАБАЛЫК - 1. 'монетки, пожитки'; 2. 'кавардак, суматоха, кутерьма'; 3. 'толпа, сборище, толкучка'.

ФЭШИЕ - 'полоса кожи (для подшивания валенок, сапог)'.

6. ПИТАНИЕ

АЗИМЭ - 1. 'тесто (вообще)'; 2. 'пресное тесто'; 3. 'лепешка из пресного теста'; 4. 'лепешка из кукурузной муки (мэлай)'.

КОЗОНАК - 'кулич (пасхальный)'.

КРЭЧУН - 1. 'обрядовый хлеб, выпекается к Новому году'; 2. 'религиозный праздник, рождество'.

КОКУЦ - 'обрядовый хлеб или кулич, который дарят детям на Новый год'.

МЭМЭЛИГА - 1. 'мамалыга'; 2. 'густая каша гречневая или пшенная'; 3. 'кукурузная лепешка'; 4. 'неудачно выпеченный хлеб'; 5. 'неудачно приготовленная пища'.

БАЛМУШ - 1. 'жидкая мамалыга'; 2. 'блюдо, изготовленное из овечьего молока и кукурузной муки'.

ЧИР - 1. 'мамалыга'; 2. 'жидкая мамалыга'; 3. 'жидкость, снятая из казана, в котором варится мамалыга, до того как ее помещают'; 4. 'варено из овсяной муки, которым кормят собак после жирной пищи'.

ТОКАНЭ - 1. 'мамалыга'; 2. 'кушанье с подливкой, сделанное из кусочков мяса, поджаренного с луком'; 3. 'кушанье, сделанное из определенных овощей, поджаренных с луком'; 4. 'мамалыга, сваренная вместе с кусочками брынзы'; 5. 'жаренные маленькие кусочки мяса'; 6. 'каша крупяная'.

- КУЛЕНЭ - 'каша из кукурузной муки'.
- КУЛЕНЕР - 'мешалка (для мамалыги)'.
- ПЛЕЧИНТЭ - 'плацinda с брынзой, с рубленным мясом или с фруктами'.
- ТУРТЭ - 'лепешка'.
- ПОГАЧЕ - 1. 'лепешка, обычно из муки низшего сорта'; 2. 'булка или крендель из пшеницы'.
- ПЛЕМОДЛЭ - 1. 'молочная заправка, которая вливается в кипящее молоко, чтобы оно прокисло'; 2. 'дрожжи, разведенные с мукой'.
- ПОМАНЭ - 1. 'подачка бедняку'; 2. 'калач, на котором можно положить лакомства'.
- СКОБЕРЭ - 1. 'блин'; 2. 'пирог (с капустой, творогом и др.)'.
- ПЭТУРЭ - 1. 'прослойка из теста'; 2. 'блин'.
- ДЕМИКА (А) - 1. 'нарезать (мелко лапшу)'; 2. 'нарезать (ложкой) мамалыгу'; 3. 'рвать на мелкие куски хлеб, мамалыгу и др.'.
- ДУМИКАТ - 1. 'количество пищи, проглатываемое в один раз'; 2. 'вид супа с хлебом или брынзой'.
- БУКАТЭ - 1. 'кусочек (хлеба, мамалыги, дерева и др.)'; 2. 'промежуток дороги'; 3. 'интервал времени'.
- БУКЭТАР - 1. 'повар'; 2. 'леборез'.
- ДЭРАБ - 1. 'кусочек, ломоть (хлеба, сыра и др.)'; 2. 'часть земельного участка'.
- КЫРМОЗ - 1. 'корка хлеба'; 2. 'сухарь'.
- ХРИНКЭ - 1. 'ломоть хлеба или мамалыги'; 2. 'кусочек брынзы'.
- СКРОБ - 1. 'яичница'; 2. 'мука (обычно кукурузная), перемешанная с яйцами'.
- КИСЭЛИЦЭ - 1. 'компот'; 2. 'густоваренные фрукты'; 3. 'домашний борщ (квас) на отрубях'; 4. 'мешанина'.
- МУРСЭ - 'напиток из воды с медом'.
- УНКРОП - 'квас'.
- ЗАМЭ - 1. 'мясной суп с закваской'; 2. 'уха с закваской'.
- КАРНЕ - 'мясо'.
- ЧОДАН - 'кость, покрытая мясом'.
- ЖУМАРЭ - 'шкварка'.
- КЫРНАЦ - 'вид колбасы'.
- САРАМУРЭ - 'рассол'.
- КЕЛСЫГ - 'питание в дороге'.
- ПРЭЖИ (А, А СЕ) - 1. 'жарить'; 2. 'жариться на солнце (о людях)'.

7. ЧЕЛОВЕК И РОДСТВО

- КАП - 'голова'.
- КЭПЭЦИНЭ - I. 'голова животного, отделенная от туловища'; 2. 'упрямый'.
- МАУКЭ - 'голова круглая'.
- КУЮЙ - 'шишка (на лбу)'.
- БУЗЭ - I. 'губа'; 2. 'уста'; 3. 'рот'; 4. 'ротик'; 5. 'лицо'; 6. 'край'; 'берег', 'сторона'; 7. 'утес'; 8. 'устье (реки)'.
- БАЗАОКЬ - 'косой'.
- СЛЕМЕ - 'носовая кость'.
- ОМУШОР - 'язычок'.
- ГУШТЕР - I. 'горло, глотка'; 2. 'язычок'; 3. 'насморк'.
- ОБРАЗ - I. 'лицо'; 2. 'щека'.
- ФАЦЭ - I. 'лицо'; 2. 'щека'; 3. 'поверхность, площадь'; 4. 'склон (горы)'; 5. 'страница'; 6. 'поколение'.
- ФЭЦАРНИК - I. 'лицемерный'; 2. 'упрямый'; 3. 'плохой'; 4. 'жалкий'.
- ГУШЭ - I. 'зоб (у человека)'; 2. 'двойной подбородок'; 3. 'горло'; 4. 'место, где собирается пища у курицы'.
- БУРТЭ - I. 'живот'; 2. 'желудок'.
- БУРИК - I. 'пуп'; 2. 'живот'; 3. 'желудок'.
- МАЙ - I. 'печень'; 2. 'легкие'.
- МАЦ ОРБ - 'слепая кишка'.
- ЖЕГ - 'грязь на теле человека'.
- ЛИП - 'грязь на теле человека, на нательной одежде'.
- БАБИЦЭ - 'болезнь маленьких детей'.
- ГЫЦЭ - 'воспаление миндалин'.
- БОЛФЭ - I. 'шишка (на голове)'; 2. 'воспаление миндалин'.
- ГУТУРАЙ - 'насморк'.
- ЖИГЭРАЕ - 'изжога'.
- ФАМИЛИЕ - I. 'семья'; 2. 'родня'; 3. 'имя, название'; 4. 'ребенок'; 5. 'жена'.
- ЧЕЛЯЦЬ - I. 'большая семья'; 2. 'семья'; 3. 'много детей'; 4. 'ребенок'; 5. 'группа женщин'; 6. 'группа молодежи'; 7. 'молодежь, которая принимает участие в свадьбе'; 8. 'прислуга'.
- ГЛОАТЭ - I. 'толпа, зборище'; 2. 'давка, теснота'; 3. 'семья, обычно большая'; 4. 'ополчение'.

ГҮЛЭ - 'группа, толпа'.

НЕВАСТЭ - I. 'жена'; 2. 'молодая жена'; 3. 'замужняя женщина'; 4. 'молодая замужняя женщина'; 5. 'девушка (или женщина), вступившая в брак'; 6. 'сноха'; 7. 'золовка'.

ДОЙКЭ - I. 'кормилица'; 2. 'служанка'.

КОПИЛ - I. 'ребенок (общее название)'; 2. 'сын'; 3. 'олуга'.

КОПИЛ - I. 'незаконнорожденный, внебрачный ребенок'; 2. 'мальчик'; 3. 'олуга для тяжелых работ по дому'.

ӨЛЭГЭ - I. 'парень'; 2. 'невоспитанный молодой человек'.

ӨГЧӨР - I. 'сын'; 2. 'парень'; 3. 'холостяк'; 4. 'слуга'; 5. 'помощник чабана'.

БЭДИКЭ - 'старший брат (в обращении)'.

НЕПӨТ - I. 'внук'; 2. 'племянник'.

НЕПӨАТЭ - I. 'внучка'; 2. 'племянница'.

КУМНАТ - I. 'шурин'; 2. 'деверь'; 3. 'зять'; 4. 'свояк'; 5. 'брат'; 6. 'кум'.

КУМНАТЭ - I. 'невестка'; 2. 'золовка'; 3. 'овояченица'.

ФИН - I. 'крестник'; 2. 'мужчина (молодой) по отношению к посаженному отцу'.

ФИНЭ - I. 'крестница'; 2. 'женщина (молодая) по отношению к посаженному отцу'.

НЭНАШ - 'крестный отец'.

НЭНАШЭ - 'крестная мать'.

БАДЕ - I. 'молодой мужчина (в обращении)'; 2. 'молодой дядя'; 3. 'обращение молодой супруги к молодым братьям мужа'.

НЕНЕ - I. 'старый мужчина (в обращении)'; 2. 'дед, дедушка'; 3. 'отец'; 4. 'дядя'; 5. 'мать'.

МОШ - I. 'старик'; 2. 'дедушка - отец матери или отца'; 3. 'дядя - брат матери или отца (старшего возраста)'; 4. 'дядя - брат матери или отца (молодого возраста)'; 5. 'предок'; 6. 'муж акушерки'.

МОАШЭ - I. 'баба, старая женщина'; 2. 'бабушка'; 3. 'баба - повитуха'; 4. 'акушерка'; 5. 'мать матери или отца'.

МОШИ (А) - 'принимать роды'.

БУНИКЭ - I. 'бабушка'; 2. 'старая женщина (в обращении)'.

МЭТУШЭ - I. 'пожилая женщина'; 2. 'тетя'; 3. 'мачеха'.

ЛЭЛЭ (ЛЭЛИЦЭ) - I. 'молодая женщина (в обращении)'; 2. 'молодая тетя'; 3. 'старшая сестра'.

ДАДЭ - I. 'пожилая женщина (в обращении)'; 2. 'старшая сестра'.

- СОКРУ - 1. 'свекор'; 2. 'тесть'.
 СОАКРЭ - 1. 'свекровь'; 2. 'теща'.
 ВYРСТЭ - 'возраст'.

8. МЕСТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

- МУНТЕ - 1. 'гора'; 2. 'высокая гора'; 3. 'гора, поросшая лесом кроме вершины'.
 МУНЧЕЛ - 'неввысокая гора'.
 ГРУИ - 1. 'гора'; 2. 'холм'; 3. 'гора, покрытая лесом'; 4. 'верхняя часть горного хребта, чаще непокрытая лесом'; 5. 'вершина горы'; 6. 'горная цепь'; 7. 'горный хребет'; 8. 'склон'; 9. 'глыба, отпавшая от скалы'.
 ПРИЮЛОП - 1. 'гора'; 2. 'горный перевал'; 3. 'горное ущелье'; 4. 'склон горы с переосеченным рельефом'; 5. 'долина в горах'.
 БЕСКИД - 1. 'гора'; 2. 'высокая гора с летним пастбищем'; 3. 'скала'.
 ХОРБ - 1. 'гора'; 2. 'холм'.
 ПИСУИ - 1. 'гора, холм с острой вершиной'; 2. 'высокая гора'; 3. 'вершина горы'; 4. 'пик'.
 ГОРГАН - 1. 'вершина горы'; 2. 'нагромождение скал'; 3. 'яма'.
 МЭГУРЭ - 1. 'высокая гора'; 2. 'изолированная гора'; 3. 'вершина горы'; 4. 'холм'.
 ОБЫРИЭ - 1. 'высокая гора'; 2. 'верхнее начало долины'.
 АРШИЦЭ - 1. 'круглая гора'; 2. 'крутая каменная гора'; 3. 'гора с длинным хребтом'; 4. 'солнечная сторона горы'; 5. 'зной'.
 ТЫМЦЭ - 1. 'неввысокая круглая гора'; 2. 'отдельный невысокий холм, пригорок'.
 КИЧЕРЭ - 1. 'гора, поросшая лесом'; 2. 'вершина горы, покрытая лесом'; 3. 'скалистая вершина горы'.
 ПШЕМ - 1. 'гора без растительности'; 2. 'голая каменная вершина горы'; 3. 'место, на котором вымокли злаки или огорожена'.
 ПИСК - 1. 'вершина горы'; 2. 'пик'; 3. 'узел'.
 ХЭЛЭУКЭ - 'вершина горы'.
 ЦЫНКОУШ - 'вершина скалы'.
 КУЛМЕ - 1. 'вершина, верхушка горы'; 2. 'перевал'; 3. 'крыша, кровля'; 4. 'вершина крыши, кровли'.

- ОБЧИНЭ** - 1. 'вершина горы или холма'; 2. 'покатая гора или холм'.
ВЫРЭ - 1. 'пик'; 2. 'острая вершина горы'.
ПЭРЫНГ - 1. 'горный хребет'; 2. 'разновидность проса'.
КОАМЭ - 'горный хребет'.
КРЯСТЭ - 1. 'гребень горы, холма'; 2. 'каменистый холм, где до-
 бывают белые каменные плиты'.
МУКИЕ - 'горный хребет'.
КОАСТЭ - 1. 'склон горы'; 2. 'косогор'.
КОСТИШЭ - 1. 'склон горы'; 2. 'косогор'.
КЛИНЭ - 1. 'оклон горы'; 2. 'косогор'.
КЫРЛИГЭТУРЭ - 1. 'склон горы, холма'; 2. 'косогор'.
ПРИШОР - 1. 'крутой склон горы'; 2. 'круча'; 3. 'крутая дорога';
 4. 'стойло'.
СУРДУК - 'обрывистый и каменистый склон'.
ХРАПЭ - 1. 'овраг'; 2. 'обрывистый склон'.
ХОПЧИНЭ - 1. 'склон горы'; 2. 'косогор'; 3. 'овраг'; 4. 'обрыв';
 5. 'пропасть'; 6. 'склон, размывтый дождем'.
ШАЦЭ - 1. 'южный склон горы, холма'; 2. 'солнечная сторона горы,
 холма'.
УСОЙ - 'склон холма, омотрящий к солнцу'.
ДОС - 1. 'северный склон горы или холма'; 2. 'склон горы, нахо-
 дящийся в тени'.
ПИЧОР - 1. 'подножье горы'; 2. 'небольшая гора'; 3. 'ответвление
 горы'; 4. 'отрог'.
ПЛАЙ - 1. 'плоскогорье, горная местность'; 2. 'небольшая гора';
 3. 'холм'; 4. 'безлесный хребет горы'; 5. 'склон горы'; 6.
 'косогор'; 7. 'пастбище на склоне горы'; 8. 'горный луг';
 9. 'дорога по склону горы или вдоль реки'; 10. 'равнина, степь,
 поле'; 11. 'равнина, переходящая постепенно в холм или го-
 ру'; 12. 'горная волость'; 13. 'край, страна'.
ЦАРЭ - 1. 'страна'; 2. 'край'; 3. 'чужая страна'.
ПОДЕЦ - 'плоскогорье'.
ПОДИРЕЙ - 'плоскогорье'.
ПОДИШ - 'плоскогорье'.
СТЫНКЭ - 1. 'скала'; 2. 'крутой склон горы'; 3. 'крутой каме-
 нистый берег реки'.
ПЯТРЭ - 1. 'скала'; 2. 'каменистая гора'.
ДЯД - 1. 'холм'; 2. 'горный хребет'; 3. 'гора'; 4. 'гора, кото-
 рая разделяет два села'; 5. 'вершина горы'; 6. 'гора, покры-
 тая лесом'; 7. 'невысокая гора, покрытая пастбищами'; 8. 'лес';

9. 'переход в горах'; 10. 'поле'; 11. 'пахотная земля';
12. 'виноградник вне леса'.

КОЛНИК - 1. 'холм'; 2. 'прогалина'; 3. 'тропинка (в горах, в лесу)'; 4. 'лесная дорога'.

ДЫЛМЭ - 1. 'холм'; 2. 'пригорок'.

ХОЛМ - 1. 'небольшая отлогая горка'; 2. 'пригорок'.

КУКЭ - 1. 'одинокий холм'; 2. 'возвышенность круглой формы (курган) на склоне или на вершине горы, холма'.

ДЫМБ - 1. 'бугор'; 2. 'холмик'.

МОВИЛЭ - 1. 'курган'; 2. 'небольшая возвышенность, холм'.

МЫГЛАЕ - 'холм'.

ПРИПОЙ - 'возвышенность на дороге'.

ВАЛЕ - 1. 'долина'; 2. 'широкая низменность'.

ЕРУТЭ - 1. 'долина'; 2. 'балка'; 3. 'овраг'.

ВЫЛЧЯ - 1. 'ложбина, балка'; 2. 'низменность'.

ЗЭНОАГЭ - 1. 'горная долина'; 2. 'лужайка'; 3. 'редколесье'.

СУХОДОЛ - 1. 'горная сухая долина'; 2. 'высохшее русло реки'.

СКОКИНЭ - 1. 'тесная и глубокая долина, вырытая горными потоками'; 2. 'глубокая яма, вырытая водой'; 3. 'яма'.

КРАК - 1. 'разветвление долины'; 2. 'рукав реки, приток'; 3. 'разветвление горы, холма'.

СТРЫМТОАРЕ - 'теснина в горах, ущелье'.

ХАГЭУ - 1. 'теснина'; 2. 'ущелье'; 3. 'проход'; 4. 'перевал'.

КУРМЭТУРЭ - 1. 'ущелье'; 2. 'котловина'; 3. 'овраг'.

ТАРНИЦЭ - 1. 'седловина между двумя горами'; 2. 'выемка на вершине горы, через который проходит дорога'.

ПРИСАКЭ - 1. 'тесная долина'; 2. 'место в лесу, недавно расчищенное от деревьев под поле'.

АДЫНСЭТУРЭ - 'углубление, впадина'.

АБУНЦЭТУРЭ - 'место, где почва глубоко западает'.

ГРОАПЭ - 1. 'яма'; 2. 'яма, в которой гасят известь'; 3. 'яма помойная'; 4. 'выбоина'; 5. 'рытвина'; 6. 'обрыв в горах'; 7. 'обрыв'; 8. 'склон'; 9. 'пропасть'; 10. 'дорога в долине между двумя горами'; 11. 'могила'; 12. 'каменистая, песчаная земля'.

ГРОПАН - 'углубление в землю, яма'.

ГРОПАНЭ - 1. 'большая яма'; 2. 'большой овраг'.

МИРВАНЭ - 'яма'.

ХЫРТОП - 1. 'котловина, рытвина'; 2. 'глубокий овраг, поросший травой'; 3. 'глубокая яма с водой'; 4. 'родник'.

- РЫЦЭ - I. 'овраг'; 2. 'обрыв'; 3. 'пропасть'; 4. 'наклон, склон, скат'.
- ЦОНОР - I. 'овраг, рывина'; 2. 'оползень'.
- БУЕРАК - 'овраг, поросший лесом'.
- БОРТЕ - I. 'дыра'; 2. 'щель в скале'; 3. 'пещера'.
- БЫРЛОГ - I. 'берлога'; 2. 'плохой дом'; 3. 'отверстие в хлеву'.
- КРЭПЭТУРЭ - I. 'трещина в скале'; 2. 'узкий проход между горами, теонина, ущелье'; 3. 'узкая горная долина'.
- ПЕШТЕРЭ - 'пещера'.
- РУПТУРЭ - I. 'обрыв'; 2. 'овраг'.
- ПРЭПАСТИЕ - 'пропасть'.
- БЕРДЭ - I. 'пропасть'; 2. 'оползень'.
- БЭЗНЭ - I. 'бездна'; 2. 'обрыв'; 3. 'пропасть'; 4. 'очень темно'; 5. 'водоворот'; 6. 'яма в реке, вырытая водоворотом'.
- РЫУ - I. 'река'; 2. 'быстрый ручей'.
- ПЫРЭУ - I. 'речка'; 2. 'ручей'; 3. 'поток'; 4. 'горный поток'; 5. 'русло ручья или горного потока'.
- ГЫРЛЭ - I. 'рукав реки'; 2. 'речушка'; 3. 'река'; 4. 'долина, в которой течет ручей'; 5. 'мокрая низменность'.
- РЭСТОАКЭ - I. 'проток реки'; 2. 'приток'; 3. 'ручей'; 4. 'разветвление реки'; 5. 'водоворот'.
- МАТКЭ - I. 'русло реки, ручья'; 2. 'долина, балка'; 3. 'равнина, низменность'.
- СТАРИЦЭ - 'старое русло реки'.
- ГУРЭ - I. 'устье реки'; 2. 'горный источник'; 3. 'разные обычаи, связанные с днем, когда застреливают дикого кабана'.
- КОТ - I. 'излучина реки'; 2. 'поворот, изгиб дороги';
- ПУХОЙ - I. 'поток'; 2. 'дождевой ручеек'; 3. 'горный поток'.
- БАРУГЭ - I. 'ручей'; 2. 'поток'; 3. 'ложбина'; 4. 'русло реки'.
- ТОПЛИЦЭ - I. 'источник (теплый)'; 2. 'лужа'.
- ШУВОЙ - I. 'поток'; 2. 'дождевой ручеек'.
- БУЛБОАКЭ (БУЛБОАНЭ) - I. 'глубокое место в реке, в озере'; 2. 'лужа'.
- ПЛИСЭ - I. 'глубокое место (яма) в реке, в озере'; 2. 'водоворот'.
- КЕНУНЕ - 'глубокая вода'.
- ФУРГЭУ - 'водоворот'.
- ЧУРОЙ - 'водопад'.
- СКЭДУШЭ - 'место для купания в реке'.
- ФЕРЕДЕУ - I. 'баня'; 2. 'место для купания в реке'.

- ВАД** - 1. 'мелкое место в реке, брод'; 2. 'переход'.
ПРУНД - 'галечный берег'.
БАЛТЭ - 1. 'озеро'; 2. 'болото'; 3. 'лужа'; 4. 'грязь (мокрая от дождя или снега земля)'; 5. 'овраг'; 6. 'земля'.
ВОЛЭТЭУ - 1. 'озеро'; 2. 'пруд'; 3. 'мокрая заболоченная низменность'; 4. 'лужа'; 5. 'глубокая яма с грязной водой'.
ЕЗЭР - 1. 'озеро'; 2. 'болото'; 3. 'болотистое место'; 4. 'туман'.
БАРК - 1. 'небольшое озеро'; 2. 'болото'; 3. 'болотистое место'; 4. 'мокрая низменность'.
ХЕЛЭШТЭУ - 1. 'пруд'; 2. 'рыбный садок'.
ТЭУ - 1. 'пруд'; 2. 'озеро'; 3. 'болото'.
БОЛКЭ - 'вода сточная и теплая'.
БАРЭ - 1. 'лужа'; 2. 'озеро'; 3. 'пруд'.
БАРЬЧЕ - 'пруд'.
БАХНЭ - 1. 'болото, топь'; 2. 'мокрая заболоченная низменность'; 3. 'лужа на дороге'.
БОЛОТИНЭ - 1. 'болото'; 2. 'мокрая заболоченная низменность'; 3. 'высохшее болото'; 4. 'слякоть, грязь'.
ОКЬ - 1. 'топь, трясина'; 2. 'водоворот, омут'; 3. 'круглое место на озере, не заросшее водорослями'; 4. 'незамерзающее место в озере (круглой формы)'.
СМЯРК - 'топь, трясина'.
МОЧАР - 1. 'болотистое место'; 2. 'болото'; 3. 'топь'; 5. 'заболоченная низменность'.
МЛАКЭ - 'болотистое место'.
МОЧИРЭ - 1. 'болотистое место'; 2. 'топь'; 3. 'заболоченная низменность'.
ТИНЭ - 1. 'болотистое место'; 2. 'мокрая низменность'; 3. 'грязь'; 4. 'земля'; 5. 'нечистоты'.
БУЛХАК - 1. 'лужа'; 2. 'пруд, озеро'.
БЭЛТОАКЭ - 'лужа'.
МЛАШНИЦЭ - 1. 'лужа'; 2. 'глубокая яма с грязной водой'; 3. 'болотистое место'.
СЭРЭТУРЭ - 1. 'солончак'; 2. 'болотистое место'; 3. 'топь, трясина'.
СОЛОНЕЦ - 1. 'солончак'; 2. 'заболоченная низменность'.
ФЫНТЫНЭ - 1. 'колодец'; 2. 'родник'.
ИЗВОР - 1. 'источник, родник'; 2. 'источник в горах'; 3. 'горный поток'; 4. 'исток реки'.

ЧИШМЯ - 1. 'источник'; 2. 'родник'; 3. 'ключ'.
ЧОРГЭУ - 1. 'источник'; 2. 'родник'.
ШИПОТ - 1. 'источник'; 2. 'родник'.
БУДУРОЙ - 1. 'источник'; 2. 'родник'.
БУДЭЙ - 1. 'родник'; 2. 'неглубокий колодец'.
БУДЭЛЭУ - 1. 'родник'; 2. 'неглубокий колодец'.
БУРКУТ - 'минеральный источник'.
СЛАТИНЭ - 'родник соленой воды'.

КОДРУ - 1. 'дремучий лес'; 2. 'бор'; 3. 'горный массив'; 4. 'холм'.
5. 'возвышенность'.
ДУМБРАВЭ - 1. 'дубовый лес'; 2. 'большой дремучий лес'.
БУКОВИЦЭ - 'буковый лес'.
КЭРПИНИШ - 1. 'грабовый лес'; 2. 'грабовая роща'.
ФРЭСИНЕТ - 'ясеневый лес'.
БРАНИШТЕ - 1. 'заповедный лес'; 2. 'густой лес'.
СИХЛЭ - 1. 'густой лес молодых деревьев'; 2. 'высокая ель'.
СМИЦЭ - 'непроходимое место в лесу'.
ТУРИ - 'непроходимое место в лесу'.
ТУРИШЕТ - 'непроходимое место в лесу'.
ЛУЧ - 1. 'лесок'; 2. 'роща'.
АРИНИШ - 'ольховая роща'.
КОРНЕЦ - 'кизиловая роща'.
ФЭЖЕТ - 'буковая роща'.
ФРЭСИНИШ - 'ясеневая роща'.
ТЕЖИ - 'лиловая роща'.
ПЭЛТИНИШ - 'платановая роща'.
СТЕМЭРИШ - 'дубовая роща, дубняк'.
БЫРК - 'ивовая роща'.
ЗЭВОЙ - 1. 'прибрежная роща'; 2. 'крутобережные поляны возле реки'; 3. 'долина, поросшая лесом'; 4. 'ложбина с рощами'.
БЕРК (БЯРК) - 1. 'куст'; 2. 'роща'; 3. 'луг'.
БОКШЭ - 1. 'печь для обжигания древесного угля'; 2. 'место обжига древесного угля'.

СЕХЭЛБЭ - 1. 'место, очищенное от леса под пашни'; 2. 'пастбище на вырубке'.
ХОШЯТ - 'место, очищенное от леса'.
ВЭГАШ - 1. 'выкорчеванное поле'; 2. 'поляна'.
КУРЭЦАШТИЦЭ - 'выкорчеванный участок леса'.

- ЛЕШ** - 'расчищенный от леса участок'.
КОРЧ - 1. 'раскорчеванный под пашни участок леса'; 2. 'поляна в лесу'.
РУНК - 1. 'расчищенный под пашни участок леса'; 2. 'поляна в лесу'.
ЛАЗ - 1. 'участок леса, выкорчеванный под пастбище, виноградник или посев'; 2. 'поляна в лесу'; 3. 'поляна в горах'; 4. 'место, где растет лес'; 5. 'пастбище для скота'.
ТЭЭТҮРЭ - 'оруб'.
АРСУРЭ - 1. 'ожог'; 2. 'голая каменистая гора'.
ПЫРДИТҮРЭ - 1. 'ожог'; 2. 'обгорелый участок леса'; 3. 'гарь'.
ПОЖАР - 1. 'сожженное огнем место в лесу'; 2. 'гарь'.
ЧЕРТЕЖ - 1. 'участок леса, намеченный к корчевке'; 2. 'расчищенный от леса участок'.

КЫМП - 1. 'срезанная вершина горы'; 2. 'речной островок'; 3. 'место, где набирают глину или песок для хозяйственных надобностей'.
КЫМПИЕ - 1. 'равнина'; 2. 'поле'.
ЛОК - 1. 'участок земли'; 2. 'местность'.
ШЕС - 1. 'равнина'; 2. 'низменность'; 3. 'пастбище на равнине'; 4. 'луговая низменность'.
ПЛОШГИНЭ - 1. 'безлесное пространство в горах'; 2. 'горный луг'; 3. 'равнина'; 4. 'топь, трясина'.
ПОЯНЭ - 'поляна'.
ПРЕЛУКЭ - 1. 'поляна'; 2. 'горный луг'.
ЛУНКЭ - 1. 'луг'; 2. 'прибрежный лесок, роща'; 3. 'пойма реки'.
КОСЭЛЭУ - 'луг'.
ПАЖИПТЕ - 1. 'пастбище'; 2. 'лужайка'.
ПЭСКЭЛЭУ - 'горное пастбище'.
БОНГАР - 'сад'.
РҮТ - 1. 'сад'; 2. 'луг'; 3. 'низменность'; 4. 'болотистое место'.
КЛИН - 'полоса земли между лесами'.
ЛИМБЭ - 'узкая полоса земли, окруженная лесом и горами'.
СТЕРНЯНКЭ - 'стерня'.

МАЙДАН - 1. 'широкая равнина'; 2. 'ровная местность'; 3. 'незастроенное место, пустырь, площадь'.
ПУСТЭ - 1. 'незастроенное место, пустырь'; 2. 'широкая равнина'; 3. 'неудобная земля'.

- БУЖИК - 1. 'пустырь'; 2. 'пустыня'; 3. 'необработанное поле'.
 БУШУШАГ - 'неурожайная земля, которая не обрабатывается'.
 БАЕ - 1. 'место добычи соли (карьер)'; 2. 'фабрика по добыче и обработке соли'.
 ОКНЭ - 1. 'карьер для добычи соли'; 2. 'родник'; 3. 'озеро'; 4. 'болото'.
 ПЕТРЭРИЕ - 1. 'каменистая местность'; 2. 'каменоломня'.
 ПЕТРИШ - 1. 'каменистая почва'; 2. 'каменистая местность'; 3. 'галечной покрытый берег'.
 ГРОХЕТ - 'каменоломня'.
 ЦИФЭ - 1. 'песок'; 2. 'песчаное место'.
 НИСИПЭРИЕ - 1. 'песчаное место, пески'; 2. 'песчаный карьер'.
 НИСИПИШТЕ - 1. 'песчаное место, пески'; 2. 'песчаные наносы'.
 НИСИШИШ - 'песчаное место, пески'.
 ЛУТЭРИЕ - 1. 'глинистое место'; 2. 'карьер для добычи глины'.
 ЛУКНИЦЭ - 1. 'глинистое место'; 2. 'карьер для добычи глины'.
 КУМЭРИЕ - 1. 'глинистое место'; 2. 'место копки глины'.
 ХЛИНИШТЕ - 1. 'глинистое место'; 2. 'карьер для добычи глины'.
 ГРУНЗ - 1. 'ком (земли)'; 2. 'кусок, глыба соли'.
- ДРУМ - 'дорога'.
 КЭРАРЕ - 1. 'тропа'; 2. 'тропинка'; 3. 'дорожка'.
 ПОТЕКЭ - 1. 'тропинка'; 2. 'дорожка'.
 ХАЦОАГЭ - 1. 'тропа, протоптанная зверем'; 2. 'тропинка в горах, протоптанная скотом'.
 БАТЭЛИШТЕ - 1. 'тропа, протоптанная зверем'; 2. 'тропинка в горах, протоптанная скотом'.
 ЧЕПАШ - 1. 'тропа, протоптанная зверем'; 2. 'тропинка в горах, протоптанная скотом'.
 ЛОТАР - 1. 'граница'; 2. 'граница между полями соседних сел'; 3. 'граница между отдельными участками земли'.
 МИКЭ - 'граница, межа'.
 ДЭЛНИЦЭ - 1. 'граница между пастбищем и обрабатываемым полем'; 2. 'граница между полями соседних сел'.
 КОРН - 1. 'край леса, поля и др.'; 2. 'угол леса, поля и др.'.
 КЭТУН - 1. 'хутор'; 2. 'хижина'; 3. 'шалаш'.

9. ЯВЛЕНИЯ ПРИРОДЫ

- ЛАПОВИЦЭ - 1. 'гололедица'; 2. 'неустойчивая погода, большой дождь'; 3. 'мокрый снег'; 4. 'слякоть'.

- ПОЛЕДИЦЭ - 1. 'гололедица'; 2. 'утрамбованный лед на дороге'.
 СТУР(З) - 'лед на ветвях деревьев'.
 КИЦИЕ - 1. 'лед на ветвях деревьев'; 2. 'осулька'; 3. 'снег на ветвях деревьев'; 4. 'весенний заморозок'.
 КУЧУРЭ - 'иней'.
 МЫРСЭУ - 'снег с дождем'.
 ПЛОАЕ - 1. 'дождь'; 2. 'большой дождь с сильным ветром'.
 БУРЭ - 1. 'мелкий дождь'; 2. 'сильный ветер, буря'; 3. 'изморозь'.
 ТУЧЕ - 1. 'ливень с ветром'; 2. 'гроза'; 3. 'туча, предвещающая ливень и град'.
 КУРКУБЕУ - 'радуга'.
 НЕГУРЭ - 'густой туман, мгла'.

Ю. РАЗНЫЕ

- ГАДЦЯ - 'домашняя птица'.
 КЛОШКЭ - 1. 'наседка'; 2. 'созвездие Плеяд'.
 ЧОКЭНИТОАРЕ - 'дятел'.
 ЧОКЫРЛИЕ - 'жаворонок'.
 МЦЭ - 1. 'кошка вообще'; 2. 'кошка'; 3. 'кочерга'.
 АРИЧ - 'ёж'.
 ВЕВЕРЦЯ - 1. 'белка'; 2. 'быстрая, юркая (о женщинах)'.
 ДИХАНИЕ - 1. 'волк, лисица, дикий кабан, бешеная собака, змея или другое дикое животное'.
 ЖУВИНЭ - 1. 'дикое животное'; 2. 'змея'.
 КЫРТИЦЭ - 'крот'.
 ГЭРТЭРИЦЭ - 'долгоносик'.
 ГУМУЛИЕ - 'насекомое'.
 СКОЙКЭ - 'ракушка'.
 МРЯЦЯ - 'усач'.
 КОСТРАШ - 'окунь'.
 ЛЯСЭ - 1. 'плетеная решетка для сушки фруктов (слив)'; 2. 'оружие для хранения кукурузы'; 3. 'запруда из прутьев'; 4. 'щиты воза'.
 СКОК - 1. 'желоб (мельничный)'; 2. 'водоворот'; 3. 'яма, вырытая водой, падающей из желоба'.

МЫЗГЭ - 1. 'грязь вязкая, липкая'; 2. 'грязь (на теле)'; 3. 'клея-
кий сок растений'.

МЫЗГЭЛИ (А) - 'марать'.

МОСКОЛЫ (А) - 'двигаться'.

КЭЛЭУЗЭ - 1. 'проводник'; 2. 'проводник, который указывает путь
с плохой целью'.

ТОВАРЭ - 1. 'груз'; 2. 'тяжесть'.

КЭЛЭТОР - 'путешественник'.

ГРЭМЭДЭ - 'куча чего-либо'.

МЫГЭ - 1. 'куча чего-либо'; 2. 'груда чего-либо'.

ВАМЭ - 1. 'таможня'; 2. 'плата за провоз какого-то товара через
границу'; 3. 'плата за помол на мельнице'; 4. 'плата за
выставленный для продажи на рынке окот или продукты'.

МАХАЛА - 1. 'окраина города, предместье'; 2. 'квартал города';
3. 'часть села'.

ТРЫМЫЦЭ - 'гори'.

ДРЫМЭЭ - 'варган'.

ГАЙЦЭ - 'волынка'.

ЛЭУТЭ - 'скрипка'.

ЛӨБДЭ (ЛӨПТЭ) - 'мяч'.

ПӨТӨГЭ - 'сила'.

ГРИЖЭ - 1. 'забота'; 2. 'печаль'; 3. 'ущерб'; 4. 'грыжа'.

МИЗМЭ - 1. 'зависть'; 3. 'злоба, гнев'.

ӨРИКЭ - 'страх'.

БӨСОРКАН - 'колдун'.

БӨСОРКАЕ - 'ведьма'.

ТЕМЕТЭУ - 'кладбище'.

ШӨРӨЦЭ - 1. 'прозвище, кличка'; 2. 'фамилия'.

КЛЕНУ - 1. 'гвоздь'; 2. 'острова'; 3. 'шпенек (в пряжке)'; 4. 'за-
цепка'.

МАТИЦЭ - 'часть невода в виде мешка'.

ФУДУЛ - 1. 'гордый'; 2. 'высокомерный'; 3. 'надменный'.

ФУДУЛИ (А СЕ) - 1. 'гордиться, важничать'; 2. 'хвастаться'.

СЭРАК - 1. 'бедный'; 2. 'бедняк'.

ДАКОМ - 1. 'жадный, алчный'; 2. 'завистливый'.

ВИКЛИН - 1. 'коварный, лукавый'; 2. 'неверный'; 3. 'легкомыслен-
ный'.

ХИТРУ - 1. 'хитрый'; 2. 'умный'; 3. 'ловкий'.
 ЗЭЛУД - 1. 'простоватый'; 2. 'глупый'; 3. 'ошалелый'.
 ЛУД - 1. 'простой'; 2. 'неопытный'; 3. 'дурак'.
 ГОГОМАН - 'глуповатый'.
 ЛОТРУ - 1. 'вор'; 2. 'лодырь'; 3. 'плохой'.
 МЯРШАВ - 1. 'небрежный'; 2. 'грязный'.
 КИЛАВ - 'оумасшедший'.
 ЧИТОВ - 'дурак'.
 ГИЦГАВ - 'заквавшийся'.
 БЕТЯГ - 1. 'больной'; 2. 'искалеченный'; 3. 'неспособный'.
 БЛЫНД - 1. 'кроткий'; 2. 'смирный'.
 ГИЗЛАВ - 'красивый'.
 УРЫТ - 1. 'некрасивый, безобразный'; 2. 'скверный'; 3. 'скудный'.
 КИЧУРОС - 'узловатый'.

БЭСЭДУИ (А) - 'беседовать'.
 СЕМЭНА (А) - 'походить, быть похожим'.
 ПЭЦИ (А) - 1. 'приключаться, случаться'; 2. 'доставаться';
 3. 'страдать'.
 АСТЫМЭРА (А СЕ) - 'успокаиваться, уживаться, утихать'.
 ПЭЗИ (А, А СЕ) - 1. 'охранять, стеречь, сторожить, караулить,
 присматривать'; 2. 'хранить, беречь'; 3. 'беречься, остере-
 гаться'; 4. 'быть внимательным'; 5. 'торопиться, торопливо
 делать что-либо'.
 СОКОТИ (А) - 1. 'считать, подсчитывать'; 2. 'стеречь, присматри-
 вать, беречь'.
 ЗОБИ (А) - 1. 'дробить'; 2. 'разбить'.
 КЛЕВЕТИ (А) - 'клеветать'.
 МЭГУЛИ (А) - 1. 'мстить'; 2. 'обманывать'; 3. 'соблазнять'.
 СКОРНИ (А) - 'придумывать, выдумывать'.
 БОРЭШКЭИ (А) - 1. 'биться рогами'; 2. 'разворошить'.
 БУРИКА (А) - 'прыгать вверх'.
 СЭЭДИ (А СЕ) - 'осориться'.
 ФОЛОСИ (А СЕ) - 'воспользоваться'.
 СКЭПА (А) - 1. 'опустить что-то'; 2. 'избавиться от, спастись'.
 ТЫРЫ (А) - 'тащить, волочить'.

ТОКМАЙ - 1. 'именно, как раз'; 2. 'как только, только лишь, ед-
 ва'; 3. 'очень, точь-в-точь'.
 ГАТА - 1. 'готовый'; 2. 'всё'; 3. 'хватит'.

КУР - 'в самом деле, действительно'.

КАМ - 'примерно, около'.

КИП - 'способ, образ'.

АБИ (А) ОБРАЗ - 1. 'иметь совесть'; 2. 'быть честным, справедливым'; 3. 'осмеливаться'.

КАЛЯ-ВАЛЯ - 'кое-как, так себе'.

КЫТ ЫИ НЕГРУ

СУБ УНГИЕ - 'очень мало'.

ЫНТРЕ ПАТРУ ОКЪ - 'о глазу на глаз'.

ЛА ДЯЛ-ЛА ВАЛЕ - 'туда-сюда'.

СЕ ЗОРЕШТЕ ДЕ ЗИ - 'советает'.

КАТЭ-ЦЬ ДЕ ТРЯБЭ! - 'занимайся своим делом!'.

ПРИНДЕ (А СЕ) - 'створиваться (о молоке)'.

II. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ГРАММАТИКА

СУЩ. М.Р.С СУФ. -АР - плугáр 'землепашец'; вэкар 'пастух коров' и др.

СУЩ. Ж.Р. С СУФ. -ИЦ(Э) - вéверице 'белка'; гáргылицэ 'долгоносик' и др.

СУЩ. М.Р. С СУФ. -ИН(Э) - пóдинэ 'основа стога или скирды'; пáринэ 'пар' и др.

СУЩ. Ж.Р. С СУФ. -ИВТ(Е) - топори́ште 'ручка топора'; кода́риште 'ручка кнута' и др.

ОАРЕ - 'разве, неужели'.

МАЙ - 'более'.

ЗВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА -О! фетицо! (молд.), невíстка!, ма́мо! (укр.).

ТАТЭ-ТУ (МЬ-А СЛУС) - тáто-тí (менí казав) (укр.).

МАМА - Ц (А ВЕНИТ)-ма́ма-му (пришла) (укр.).

П р и м е ч а н и я

¹ Более подробно о содержании и структуре готовящегося восточнороманского раздела программы-вопросника ОКДА об иерархии значений слова см. в настоящем сборнике статьи Р.Я. Удлера (с.27-36), В.В. Корчмарь (с.62-66) и А.И. Еремии (с.90-96).

² См. в настоящем сборнике статьи А. Зарембы (с.50-54), Г.П. Клепиковой (с.54-62) и П.Н. Лизанца (с.66-69).

Р Е Ш Е Н И Е

III Международной научной конференции по "Общенарпатскому диалектологическому атласу" (ОКДА), состоявшейся в Институте языка и литературы АН МССР (Кишинев, 21-23 апреля 1975 г.)

На основании международного сотрудничества академий и университетов социалистических стран продолжается работа над "Общенарпатским диалектологическим атласом". Актуальность и научная значимость данной работы определяется ролью Карпат в истории формирования славянских, восточнороманских и других национальных языков указанного региона. ОКДА даст ценный материал для решения таких проблем, как этногенез народов Юго-Восточной Европы и история взаимоотношений этнических групп на данной территории.

За время, прошедшее со Второй международной конференции по ОКДА в Братиславе (май, 1974 г.), сделано следующее. Разрабатывались теоретические основы будущего атласа, обработан значительный новый материал из различных диалектологических, этнографических и фольклорных источников, велась подготовка проектов отдельных национальных программ-вопросников. В частности, был подготовлен и представлен на обсуждение участникам конференции проект молдавской части вопросника, составленный в Институте языка и литературы АН МССР.

В работе конференции приняло участие около 60 чел. из 5 стран, в том числе из Советского Союза, Польши, Чехословакии, Болгарии и ГДР. С докладами выступило 27 человек. Участниками конференции явились представители следующих научных и учебных центров: СССР — Институт славяноведения и балканистики АН СССР, Институт языка и литературы АН МССР, ЛО Института языкознания АН СССР, университетов и педагогических институтов Киева, Киши-

нева, Ужгорода, Черновиц, Дрогобыча и Житомира. Из зарубежных социалистических стран были представители университетов г. Кракова, Братиславы, Пряшева, Берлина, Института чешского языка АН ЧССР в Брно и Института болгарского языка АН НРБ в Софии.

Конференция преследовала две основные цели: обсуждение конкретных вопросов, касающихся различных сторон карпатского языкознания, и обсуждение проекта молдавской части программы-вопросника ОКДА.

Обсудив научные и научно-организационные вопросы, конференция постановляет:

1. Считать, что прочитанные на конференции доклады вносят определенный вклад в решение ряда сложных вопросов, связанных с изучением многоаспектной интерференции языков карпатского региона.

2. Признать целесообразным опубликовать материалы конференции отдельным сборником. Принять с благодарностью согласие АН МССР осуществить публикацию в 1976 г., к очередной конференции по ОКДА.

3. Считать проект молдавской части программы-вопросника, оставленный в Институте языка и литературы АН МССР и обсужденный на конференции, основой для подготовки окончательного варианта молдавского раздела будущей программы ОКДА. Просить участников обсуждения приложить свои замечания к индексу молдавской части к 1 октября 1975 г.

4. В соответствии с установленными в Братиславе сроками создания ОКДА, конференция считает необходимым завершить подготовку остальных вариантов разделов программы-вопросника ОКДА к 1 марта 1976 г. и созвать рабочее совещание для их обсуждения в Ужгороде в июне 1976 г.

5. Считать целесообразным провести следующую, IV конференцию во второй половине 1976 г. Желательно организовать эту конференцию в Кракове. Просить профессора А. Зарембу выяснить вопрос о возможности ее проведения. Главной задачей IV конференции по ОКДА считать окончательное редактирование программы-вопросника ОКДА, подготовленного коллективами ученых стран-участниц, и его утверждение.

6. Создать редакционную коллегию программы-вопросника ОКДА из представителей стран-участниц в следующем составе: проф. С. Б. Бенштейн, проф. А. Вашек, проф. Дзензелевский, проф. А. Заремба, проф.

П.Н.Лизанец, проф. М.Младенов, проф. П.Ондрус, Р.Я.Удлер. Считать первоочередной задачей редколлегии подготовку программы-вопросника ОКДА, установление окончательного числа пунктов обследования и их расположения на данной территории. Кроме того, члены коллегии руководят всей работой по ОКДА в своих странах.

7. Считать целесообразным организацию Комиссии по языковым контактам при Международном комитете славистов.

8. Конференция выражает глубокую благодарность за хорошую организацию работы президенту АН МССР акад. Я.С.Гросулу, академику-секретарю ООН АН МССР акад. АН МССР А.М.Лазареву, директору Института языка и литературы АН МССР д.ф.н. С.С.Чиботару, заведующему сектором диалектологии и экспериментальной фонетики того же Института д.ф.н. Р.Я.Удлеру.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

П р е д и с л о в и е	3
---------------------------------	---

I

С.Б.Бернштейн	
Лингвистические аспекты карпатистики	5
А.Вашек	
Карпатские изолированные языки и "Общекарпатский ди- алектологический атлас"	10
А.В.Десницкая	
К интерпретации балканизмов в карпатской лексике . .	15
Р.Я.Удлер	
Значение восточнороманского языкового элемента в "Общекарпатском диалектологическом атласе"	27
С.В.Семчиноский	
Межъязыковая изосемия в языках и диалектах карпат- ского ареала.	36

II

П.Ондрус	
Принципы отбора слов для вопросника "Общекарпатско- го диалектологического атласа" (Пер.Л.Н.Смирнова)..	43

А. Заремба
 Из опыта работы над польским вариантом вопросника
 "Общекарпатского диалектологического атласа" (Пер.
 М.И.Ермаковой) 50

Г.П.Клепикова
 Некоторые аспекты изучения семантики и их отраже-
 ние в программе-вопроснике "Общекарпатского диалек-
 тологического атласа" 54

В.В.Корчмарь
 О иерархии значений слова в программе "Общекарпат-
 ского диалектологического атласа" 62

П.Н.Лизанец
 Место лексических параллелизмов (синонимов) в "Об-
 щекарпатском диалектологическом атласе" 66

III

К. Гутшмидт
 Ареалы некоторых болгарских соответствий карпато-
 украинским лексемам 70

Н.В.Никончук
 Северные границы восточнороманизмов в правобереж-
 нополюеских говорах украинского языка 77

А.И.Еремия
 Орографические термины в карпатской топонимии 90

Ю.Кришакова
 Из словацко-польской интерференции в области ан-
 тропонимии в Горальской области в Спише (Пер.А.И.Ва-
 сильевой) 96

Л.В.Кракалия
 Молдавско-украинские взаимосвязи в антропонимии
 Советской Буковины 101

Г.Ф.Шило
 Интерференция славянских и других языков в районе
 Карпат 106

Г.И.Малика, И.И.Шрамл	
Лингвогеографический метод выявления скрытой лексико-семантической интерференции (На материале взаимодействия говоров украинского, венгерского и немецкого языков Закарпатья)	108
И.В.Попеску	
Восточнославянские элементы в молдавской народной ботанической номенклатуре Северной Буковины (УССР)	112
К.Ф.Герман	
Имена прилагательные в системе восточнославяно-молдавских языковых заимствований	115
Р.Я.Удлер	
Последствия трансплантации фонетического явления карпатского ареала ($\phi > c$, $v > z$) в северо-восточной части молдавского языкового массива	122
В.В.Усачева	
Этнографические аспекты в программе ОКДА	131
Н.А.Демченко	
Классификация традиционных пыхотных орудий в карпато-днестровском ареале	137
Ю.В.Попович	
Сравнительный анализ некоторых обычаев годового цикла у народов балканского и карпатского ареалов	141
IV	
П.Ондрю	
Библиография трудов по карпатской проблематике, изданных в Словакии	147
Индекс молдавской части программы-вопросника "Общекарпатского диалектологического атласа"	155
Решение III Международной научной конференции по "Общекарпатскому диалектологическому атласу" (ОКДА), состоявшейся в Институте языка и литературы АН МССР (Кишинев, 21-23 апреля 1975 г.)	193

ОБЩЕКАРПАТСКИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС

Лингвистические и этнографические аспекты

Утверждено к изданию Редакционно-
издательским советом АН МССР

Редактор Ф.С.Магдер
Художественный редактор В.А.Чупин
Художник В.В.Матеев
Технический редактор Г.Ю.Константинова
Корректоры Н.И.Яновёр, Р.И.Маринич
Оператор-наборщик Р.Н.Литвинчук

Издательство "Штиинца", 277028,
Кишинев, ул.Академическая, 3.

Подписано в печать 22.УП 1976.АБ01310. Формат 60 x 90 1/16.Бу-
мага офсетн. № 1. Усл.-печ.л. 12,50, Уч.-изд.л. 12,40. Тираж 740.
Цена I р. 24 к. Заказ 407.

Типография изд-ва "Штиинца", 277004,
Кишинев, ул.Берзарина, 10.

1 р. 24 к.